

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

7
'97

Краповый берет — достойным!

Этот день спецназовцы софринской бригады оперативного назначения ждут с особым волнением. К нему готовится — и как к празднику, и как к суровому испытанию. Экзамен на краповый берет — главный ступень на пути к воинскому мастерству. Символ чести и доблести спецназа вручается достойнейшим из достойных.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

7'97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
БАРАНОВА В.А.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
СЕМЯХИНА В.В.

На 1-2 страницах
обложки
фоторепортаж
А.АЛЕКСАНДРОВА
и В.НИКОЛАЙЧУКА.

В номере:

Официальный отдел

Обращение военного совета ГУКВВ МВД России
к офицерскому составу 2

Актуальное интервью

СТРЕКАЛОВ В.: "Не посрамим чести" военного
автомобилиста" 5

Назовем поименно

МУЧАК И. В каком уголке рая?.. 11
По страницам Книги памяти 17

Служба

СИМОНЕНКО Г. Не женское дело?.. 21
По сообщениям пресс-бюро внутренних войск
МВД России 24
БЕЛИКОВ И. Чтоб с книгою не разминуться.. . 26

Ретроспектива

СУХАРЕВ Ю. Глаза и уши армии 30
СЫСОЕВ Н. "Безымянный латыш" из расстрель-
ной команды 34
ЖУРАВЛЕВ В. Колоти их, Колотушкин! 39

Писатель и время

МАШБАШ И.: "Мы не должны вновь оказаться в
жерновах истории!" 42

Проза. Поэзия

ФРОЛОВ Г. Потом отыщутся слова... (стихи) . . . 47
ФАТЬЯНОВ А. Сухопутный мост 49
БАРАНОВ В. Бачата (рассказ) 65

Калейдоскоп

МАТВЕЕВ Е.: "Жизнь меня никогда не баловала" 71
ДУНАЕВ О. Во славу флота российского 76

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1997

Сдано в набор 26.05.1997 г. Подписано к печати 4.07.1997 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 844. Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 11000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 13500 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

ОБРАЩЕНИЕ

военного совета ГУКВВ МВД России к офицерскому составу

Боевые друзья, товарищи!

Военный совет внутренних войск МВД России обращается к вам в непростое для России время. Сложность общественно-политической и экономической обстановки, решение задач по сохранению целостности Российского государства, борьба с преступностью и насилием отводят особую роль внутренним войскам МВД России.

Оказавшись на острие социально-политических процессов, войска прошли сложный, исключительно ответственный период испытаний, приобрели новый облик.

По достоинству оценил деятельность внутренних войск Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин в праздничном обращении к военнослужащим внутренних войск 27 марта 1997 года, определив место войск как одного из основных гарантов стабильного внутривнутриполитического положения в России.

В этом заслуга каждого из вас, всего офицерского корпуса внутренних войск МВД России. Мы искренне признательны вам, товарищи офицеры, за то, что в этой непростой обстановке вы надежно обеспечиваете общественную безопасность, защиту

граждан и правопорядка, охрану особо важных государственных объектов.

За плечами многих из вас десятки выполненных служебно-боевых задач в горячих точках. Воля, честь и мужество всегда отличали офицеров внутренних войск. Доблестный ратный труд высоко оценила Родина. За мужество и героизм, проявленный при выполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, десять офицеров внутренних войск удостоены высокого звания Героя Российской Федерации, более трех тысяч офицеров награждены орденами и медалями.

Однако новизна, масштабность задач и сама жизнь предъявляют более высокие требования к офицерскому составу войск. Сегодня, как никогда, нужны ваш боевой опыт и высокий профессионализм. От вашей настойчивости, командирской требовательности к подчиненным и отеческой заботы о них зависят высокая боеготовность воинских коллективов, четкая организация боевой учебы, крепкая воинская дисциплина и уставной порядок.

В ближайшее время заканчиваются сроки контрактов у значительной части офицерского состава и предстоит заключение

их на очередной период. Мы надеемся, что, понимая всю ответственность перед народом, все офицеры сделают правильный выбор, продолжат славные традиции войск.

Военный совет знает о настроениях в офицерских коллективах и их нуждах, вместе со всеми разделяет тревогу и заботы. В то же время мы должны со всей открытостью сказать, что и в нашей среде есть люди, которые спасовали перед трудностями и, спекулируя на них, распространяют слухи и домыслы, подогревают нездоровые настроения, принимают поспешные решения об увольнении из войск или, создавая нездоровый микроклимат в коллективе, подталкивают к этому сослуживцев.

Само собой разумеется, офицерская жизнь никогда не была легкой. Испокон веков офицеру приходилось переносить тяготы и лишения. Но всегда, в любой обстановке в офицерской среде ценились честь, достоинство, благородство, развитое чувство долга перед родиной и народом. Превыше всего была готовность прийти на помощь тому, кто в ней нуждается, а не пасовать перед трудностями, не ставить свои амбиции выше общей цели.

В сложившейся обстановке командование, военный совет не бездействуют, остро ставят вопрос перед руководством страны о решении социальных проблем военнослужащих и членов их семей. Свидетельством тому явилось принятие в феврале 1997 года в новой редакции Федерального Закона "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации", где подтверждены права и социальные гарантии военнослужащих.

Принимаемые меры в определенной степени способствуют

мобилизации офицеров внутренних войск на решение служебно-боевых задач. Однако положение дел в войсках свидетельствует о том, что ряд командиров и начальников формально относятся к выполнению своих должностных обязанностей.

Наибольшую тревогу у военного совета вызывает состояние воинской дисциплины. Имеются недостатки в обеспечении безопасности военной службы, что приводит порой к гибели военнослужащих. Низка роль офицерского состава в предупреждении негативных процессов в воинских коллективах, в основе которых — пьянство, неуставные взаимоотношения, грубейшие нарушения правил несения боевой службы.

Не везде обеспечивается личная примерность офицерского состава. Только за последние 3 года в войсках значительно возросло количество преступлений, допущенных офицерами. В офицерской среде еще нередки такие позорные явления, как пьянство, хищение оружия, боеприпасов и государственного имущества, рукоприкладство и разбой, хамское отношение к подчиненным.

В этих условиях военный совет внутренних войск призывает вас, товарищи офицеры, стать образцом для своих подчиненных, свои действия сверять с требованиями уставов, смело преодолевать имеющиеся трудности, проявлять выдержанность.

Особое внимание необходимо обратить на усиление контроля и оказание практической помощи тем частям и подразделениям, где наиболее неблагополучно с боевой службой и воинской дисциплиной, не оставлять без правовой оценки ни одного случая нарушения правил уставных взаимоотношений, глубоко вскрывать

причины, породившие его, определять и принимать исчерпывающие меры, исключаящие возможность повторения подобных фактов в воинских коллективах.

Каждый офицер должен определить меру своей заботы о подчиненных: о солдате, сержанте, курсанте. Именно они больше всего нуждаются в вашем внимании, доброте и защите. Систематическую и хорошо продуманную индивидуальную работу со всеми категориями военнослужащих рассматривать как важнейшее средство предупреждения чрезвычайных происшествий, нарушения правил боевой службы и требований воинской дисциплины, случаев пьянства и других отрицательных явлений, наносящих вред боевой готовности подразделений и частей. Помните: кропотливая работа по изучению людей, укреплению с ними душевных контактов окупается сторицей.

Вы воспитатели своих подчиненных. Основные свои усилия направьте на возрождение в сознании военнослужащих идеи служения Отечеству, патриотизма, повышение роли внутренних войск в обеспечении общественной безопасности и укреплении российской государственности.

Велика роль младшего командира — сержанта. Зачастую отделения, экипажи, караулы и войсковые наряды под руководством сержанта выполняют служебно-боевые задачи. От них зависит состояние боевой готовности караулов и войсковых нарядов, качество боевой службы, им предоставлено право самостоятельно принимать решения. Следует решительно улучшить подготовку будущих сержантов в учебных частях. Работа с сержантским составом должна стать важной частью практической деятельности

каждого офицера, находиться под неослабным контролем командиров.

Предметом особого внимания должны стать прапорщики и военнослужащие, проходящие службу по контракту. Работу с ними мы должны начинать с момента зачисления на военную службу и обеспечить, чтобы каждый из них с первых дней был окружен вниманием и заботой со стороны старших командиров, хорошо знал боевые традиции соединения и части, своим трудом и делами умножал эти традиции и служил для всего личного состава примером.

Ветераны внутренних войск, те, кто прошел суровую жизненную и армейскую школу! Ваш боевой и жизненный опыт, традиции, которые вы заложили, являются нашим бесценным духовным достоянием. Выражаем уверенность, что объектом вашего пристального внимания станут молодые офицеры и курсанты, будущий костяк офицерского корпуса внутренних войск. Следует активнее помогать им в профессиональном становлении, нравственном и физическом развитии, формировании необходимых командирских и педагогических качеств. Мы надеемся на вашу поддержку и помощь в этом благородном и ответственном деле.

Товарищи офицеры! Мы обращаемся к вам с призывом высоко нести честь офицерского звания, военнослужащего внутренних войск. Будьте достойны возложенного на вас доверия, сделайте все, чтобы день ото дня повышалась ваша роль в выполнении задач, поставленных перед внутренними войсками Президентом Российской Федерации, министром внутренних дел России.

**Начальник
автомобильного
управления ГУКВВ
МВД России
генерал-майор
Валерий
СТРЕКАЛОВ:**

**“НЕ ПОСРАМИМ
ЧЕСТИ
ВОЕННОГО
АВТОМОБИЛИСТА”**

— “Автомобиль не роскошь, а средство передвижения”, — говорил знаменитый литературный персонаж. Нынче, по известным причинам, эти слова можно подвергнуть сомнению. Только не в войсках, конечно, где все автомобили — трудяги, а не пижоны. Беда лишь в том, что у служивых средства передвижения, в отличие от блестящих иномарок скоробогатеев-нуворишей и криминальных элементов, нередко находятся в плачевном состоянии. Характерный пример. Выдвигается полк оперативной дивизии на стадион для обеспечения порядка во время футбольного матча. Шестнадцать ЗИЛов с военнослужащими выехали из городка, а к месту назначения благополучно добрались только... семь автомобилей, остальные заглохли на полпути. Намеренно не называю соединение, в котором случилось это досадное происшествие. Ведь такое могло произойти и в других воинских коллективах, измотанных проклятой чеченской войной, хроническим безденежьем, материальными издержками. Или утверждать так — явное преувеличение, а приведенный эпизод — лишь неприятная случайность, не более?

— Печальный факт: в войсковом автопарке из года в год растет число машин с предельно изношенными узлами и агрегатами. Но если говорить конкретно о данном происшествии, то причина выхода из строя девяти автомобилей не столько в их техническом состоянии, сколько в уровне подготовки водителей, сидевших за баранками. Впрочем, упрекать солдат язык не поворачивается. Не их вина, а наша общая беда, что во время марша несколько молодых парней не сумели обеспечить выполнение поставленной задачи. И от подобных срывов, увы, не застрахованы сегодня и в других оперативных частях. Причина общеизвестна: после возвращения из Чечни сложи-

лась такая ситуация, когда одновременно были уволены в запас военнослужащие фактически трех призывов, и у нас возникли большие проблемы с укомплектованием подразделений водительским составом. Иными словами, война временно выбила автомобилистов из колеи. Бывалые, закаленные бойцы ушли по домам, а ставшие в строй новобранцы еще не успели опереться. Вот и теми машинами, которые совершали марш к городскому стадиону, управляли новички — вчерашние курсанты учебного полка. Только прошел выпуск, и сразу же — за руль. Хочешь не хочешь, а нужда заставила. Задачи-то с дивизии не снимали с учетом того, что в частях не осталось опытных водителей.

Так что техника техникой, а главное все же, как было модно говорить в приснопамятные перестроечные времена, — человеческий фактор. Горешофер и новый автомобиль в одночасье может угробить, а в руках умельца даже списанная в утиль машина обретет вторую жизнь. К сожалению, на сегодняшний день одна из главных проблем автомобильной службы — низкая техническая грамотность водителей, ремонтников. Да что солдаты и сержанты — многие офицеры, командиры подразделений, окончившие высшие военные училища, слабо ориентируются в элементарных вопросах эксплуатации и ремонта техники. Вот почему через все наши руководящие документы, планы работы целевых и комплексных групп, учебно-методические сборы красной нитью проходит требование о повышении профессионализма специалистов всех уровней.

— **Некоторые считают, что проблема не будет решена до тех пор, пока все должности водителей и**

ремонтников не займут военно-служащие-контрактники. Вы согласны с этим утверждением?

— При нынешнем финансировании, социальном обеспечении военных о такой роскоши остается только мечтать. Сейчас нам, как говорится, не до жиру... Надо максимально использовать возможности смешанного комплектования. Должен заметить, где по-настоящему заботятся о подготовке водителей из числа солдат срочной службы, серьезно подходят к комплектованию ремонтных подразделений призывниками, окончившими профтехучилища, техникумы, там и результаты налицо. Никто в авральном порядке на хватается за голову: где взять хорошего сварщика, токаря, автоэлектрика, аккумуляторщика? Штаты укомплектованы, все люди при деле. А если о ремонтниках вспоминают от случая к случаю, головная боль в ответственный момент должностным лицам гарантирована. Словом, все от командира зависит. Один ищет, организует на месте обучение молодежи, закрепляя за новичками опытных солдат, а другой ждет, когда ему все преподнесут в готовом виде на блюдечке с голубой каемочкой.

— **Коль разговор зашел о профессионализме, интересно узнать ваше мнение о качестве подготовки специалистов автомобильной службы в Пермском институте внутренних войск. Полностью ли отвечает оно требованиям времени?**

— Профессорско-преподавательским составом института проделана поистине титаническая работа по созданию учебной материальной базы. Начинали с нуля, из Харькова, где до распада Союза находилось училище тыла внутренних войск, ничего не вы-

Визитная карточка. Генерал-майор Стрекалов Валерий Иванович родился в 1951 году. Окончил Харьковское училище внутренних войск МВД СССР и Военную академию тыла и транспорта. Был командиром взвода, заместителем командира отдельного специального моторизованного батальона по вооружению, возглавлял автомобильный батальон полка оперативного назначения и ремонтно-восстановительный батальон ОМСДОНа, прошел ряд должностей в структурах главка. В 1995 году был назначен начальником автомобильного управления — заместителем начальника вооружения ГУКВВ.

везли. Особенно хочу отметить бывшего начальника кафедры автомобилей полковника Кононова Виктора Ивановича (ныне он заместитель начальника института по вооружению). Благодаря ему и таким, как он, энтузиастам, патриотам своего дела, сегодня мы имеем все условия для подготовки квалифицированного офицера-автомобилиста. С каждым годом качество этой подготовки улучшается.

Проблема в другом. Раньше вся техника находилась в авторотах, где все должности занимали профессионалы-автомобилисты. Сейчас, в связи с переходом на новые штаты, в оперативных частях боевая, автомобильная и специальная техника переведена непосредственно в линейные подразделения, под ответственность офицеров, выпускаемых теперь из училищ с дипломом юриста. Для сравнения: ВОКУ Минобороны готовит командира взвода с гражданской специальностью "инженер по эксплуатации колесных и гусеничных машин". Чувствуете разницу? Ни в коем случае не ставя под сомнение целесообразность юридического профиля вузов внутренних войск, считаю необходимым перенацелить одно-два училища на подготовку полноценных командиров мотострелковых подразделений для оперативных частей. Впрочем, мы отклонились от главной темы беседы...

— Товарищ генерал-майор, а как вы оцениваете автотехническое обеспечение служебно-боевой деятельности войск в целом с учетом всех трудностей, которые переживает армия и силы правопорядка?

— В прошлом году и первом полугодии нынешнего, а также за весь период чеченской кампании основные задачи, связанные с техническим обеспечением внутренних войск, выполнены. Такова общая оценка. Не допущено ни одного серьезного срыва. И этим, скажу без ложной скромности, все мы — от рядового водителя и младшего специалиста до заместителя командующего по технике и вооружению — вправе гордиться. Потому что трудности преодолеваем колоссальные. Главная

загвоздка — финансирование. По смете, то бишь на бумаге, деньги нам вроде бы как выделены, но реально на приобретение и содержание техники перепедают жалкие крохи. За полугодие получили... 10 процентов от того, что планировалось. Мы понимаем: все средства в первую очередь идут на питание личного состава, на выплату жалования офицерам и прапорщикам. И не ропщем. Хотя на душе — камень.

Вот беспристрастная статистика. Укомплектованность войск по автотехнике составляет 63 процента. Причем три четверти имеющихся автомобилей эксплуатируются более семи лет. Такой парк машин убыточен. Даже при наличии денег содержать изношенную технику себе дороже. А для того, чтобы войсковой автопарк обновлялся и эффективно функционировал, мы должны ежегодно с заводов получать до двух с половиной тысяч машин. Тогда будет обеспечиваться оптимальное соотношение автомобилей с различными сроками эксплуатации, что очень важно для поддержания высокой технической готовности соединений и частей. У нас же в последнее время снабжение осуществляется по принципу: сегодня хуже, чем вчера, завтра хуже, чем сегодня. Судите сами, в 1994 году получили 728 автомобилей, то есть в три раза меньше необходимого количества, в 95-м году — 534 единицы, в 96-м — 356, а в первом полугодии 97-го — лишь 36 единиц автомобильной техники.

Чтобы хоть как-то остановить обвальные процессы, вынуждены скрепя сердце продлевать сроки межремонтной эксплуатации машин, продолжаем использовать автомобили-ветераны, которые по всем техническим канонам подлежат списанию. Но внутренние резервы не безграничны, и если фактическое выделение денежных средств останется на прежнем уровне (а он не обеспечивает поддержание даже достигнутой технической оснащенности войск), старение автопарка приобретет необратимый характер. Хорошо еще, что армейцы не бросают нас в беде, в течение двух лет Минобороны безвозмездно передало внутренним вой-

скам 90 грузовиков. Правда, подарок влетел нам в копейку. Машины-то все старые, латанные-перелатанные. Каждая требует регламентных работ в объеме капитального ремонта.

— **Получается по поговорке: на тебе, боже, что нам негоже.**

— Говорят еще: дареному коню в зубы не смотрят. Имея в виду, конечно, дела сугубо личные. А тут речь идет о государственных интересах. Учитывая их важность, министр, командование давно обращались в правительство, в Генштаб с просьбой передать на баланс внутренних войск необходимое нам количество пригодной к эксплуатации техники. Вооруженных Сил, ведь в ходе реформирования рано или поздно встал бы вопрос — куда девать излишки? В то время армия имела возможность оказать силам правопорядка реальную помощь, однако стереотипы ведомственного мышления некоторых руководителей не позволили им принять по государственному правильное решение. А когда эти возможности сократились до минимума, множество машин, находящихся на текущем довольствии, пришли в негодность (на причинах акцентировать внимание не буду, они всем известны), нам говорят после соответствующего постановления Совета обороны: берите, сколько вам надо. То есть, как и предполагалось, встал-таки вопрос об излишках. Но и у нас теперь к армейским коллегам далеко не праздный вопрос: а что брать-то, машины четвертой категории? Без двигателей, без коробок передач, без мостов? Чтобы один такой автомобиль поставить в строй, нужно затратить на ремонт не менее ста миллионов рублей. А у нас нет средств для восстановления собственной рухляди. Парадокс, да и только: вынуждены отказываться от даровой техники. Не по карману подарок.

— **Недавно завершено создание системы управления техническим обеспечением в соответствии с приоритетными обязанностями внутренних войск, определенными федеральным законом. С каким КПД работает в этой системе автомобильная служба?**

— Совершенно верно, такая систе-

ма создана, в каждом округе имеются отделы ТВ, включающие пять служб, которые параллельно представлены соответствующими структурами в соединениях и воинских частях. И здесь, бесспорно, главная заслуга генерала Анатолия Сергеевича Куликова. Возглавляя войска, он принял срочные меры по оптимизации управления техникой и вооружением с учетом тех задач, которые диктовала сложная криминогенная обстановка в стране. Если бы мы опоздали с разрешением этой проблемы, уже на второй месяц чеченской войны могли бы оказаться в цейтноте.

Ну а что касается КПД работы... Постоянное недофинансирование, отсутствие запасных частей, аккумуляторов, авторезины заставило начальников и специалистов на местах проявлять больше инициативы, предприимчивости в организации плановой предупредительной системы техобслуживания. Не зря говорят: безвыходных ситуаций не существует. Пять лет, к примеру, варятся в собственном соку, выживают, не получая из центра ни новых машин, ни запчастей, автомобилисты Уральского, Сибирского, Восточного округов внутренних войск. И тем не менее задачи успешно решают, установив тесные связи с армейцами, пограничниками, другими силовыми ведомствами. Какие-то спонсорские средства находят. В общем, выкручиваются как могут. Не ударили в грязь лицом северокавказцы, а им круче всех досталось: война есть война. В других регионах командованию за автослужбу, по большому счету, тоже краснеть не приходилось. Достаточно сказать, что во всех округах коэффициент технической готовности поддерживается в пределах от 0,85 до 0,92. И еще. На военном совете по подведению итогов служебно-боевой деятельности за прошлый год отмечался отрицательный факт: невзирая на объективные трудности не допущено существенного снижения качества эксплуатации и ремонта военной техники. Это к вопросу о КПД автослужбы.

— **А можно ли, Валерий Иванович, с уверенностью сказать, что и в году нынешнем автомобильные не сдадут позиции? С таким**

убийственным финансированием и снабжением.

— Напомню, наши трудности усугубляются тем, что предстоит огромная работа по восстановлению выведенной из Чечни техники. Там находилось ни много ни мало три с половиной тысячи автомобилей. В каких условиях эксплуатировали их и ремонтировали, сами знаете. Естественно, к решению этой непростой задачи готовились заранее. Прежде всего позаботились о комплектации ремонтных подразделений. Повторю, главное — люди. Хоть засыпь нас запчастями, а без специалистов это мертвое, бесполезное железо. В директиву по техническому обеспечению на 97-й год заложено жесткое требование: укомплектованность ремонтной роты не ниже, чем укомплектованность полка. Скажем, полк укомплектован на 90 процентов, значит, и ремрота тоже комплектуется на 90 процентов. Чем могли, поддерживали ремонтно-восстановительные батальоны соединений Северо-Кавказского округа и ОДОНа. Кроме того, в конце года поскребли, что называется, по сусекам и закупили для округов запасные части, аккумуляторные батареи, резину. Маловато, по правде говоря, — всего процентов на тридцать от общего объема ремонта. Но тут уж — чем богаты. Плюс к тому здорово подсобили с запасными частями ремонтные заводы Министерства обороны. А главное — моральный настрой. Люди говорят: в боевых условиях побитые машины ремонтировали, ставили на колеса — неужто на зимних квартирах, где пули над головами не свистят, оплошаем?

— Автомобильные и ремонтные подразделения прошли в Чечне суровую боевую школу. Что диктует им сегодня приобретенный опыт? Учитываются ли уроки войны в комплексе мероприятий автотехнического обеспечения?

— Надо низко поклониться солдату-автомобилисту. Как и всем бойцам, побывавшим на чеченской войне. Не ради красного словца об этом говорю. Оперативные части вошли в мятежную республику, укомплектованные автотехникой лишь наполовину, а это значит — ложились двойная на-

грузка на водителей при перевозке боеприпасов, продовольствия, военного имущества. Дальше. Машин повышенной проходимости, в том числе топливозаправщиков, раз два и обчелся. Как только съехала машина с асфальта, опять же солдату напряг, коли тягача поблизости нет. Третья беда — не было средств эвакуации поврежденной техники. Предположим, подорвалась машина на mine, мост вырвало передний, а вывезти ее из зоны боевых действий нечем. Как быть? Выбрасывали ремонтную бригаду к месту выхода машины из строя, прямо там ее и восстанавливали.

И вот что удивительно — за всю войну не было серьезных ДТП, связанных с тем, что солдат заснул за рулем, надломился физически или психологически. А ведь порой сутками напролет не спали, компенсируя нехватку машин и запчастей своими мускулами и нервами. Ездили, не имея никакой защиты, кроме бронешилетов на боковых стеклах, рискуя в любой момент наскочить на мину, попасть под обстрел. Нет слов, чтобы по достоинству оценить труд водителей и ремонтников. В памяти десятки примеров, характеризующих скромных трудяг войны. Взять 47-й оперативный полк. Месяц провоевал в горах и вышел с коэффициентом технической готовности 0,98. Две неисправные машины восстановили через двое суток по возвращении к пункту дислокации.

Конечно же, воздать должное мужеству, стойкости, терпению, неприхотливости нашего солдата и офицера — еще не все. Не менее важно, анализируя прошлое, извлечь боевые уроки и выводы, дабы, упаси Бог, в трудную минуту не повторять старых ошибок.

Вкратце о том, что уже сделано. Создали группу эвакуации, приобрели колесные большегрузные тягачи, позволяющие вытащить любую машину с поля боя. При выводе войск из Чечни эта группа получила первую боевую обкатку. Часть финансовых резервов использовали для закупки средств ремонта в полевых условиях. Закупаем также две подвижные ремонтные мастерские, которые могут

работать и автономно, в отрыве от пунктов базирования, и в местах постоянной дислокации. Четко выдерживается линия и на укомплектование оперативных частей машинами повышенной проходимости.

— Не секрет, что в ряде округов не сокращается количество ДТП на войсковом и на личном транспорте. Чем это вызвано? Как поставить заслон автопроисшествиям?

— Обстановка с аварийностью во внутренних войсках продолжает оставаться сложной, тут ни убавить, ни прибавить. Хотя в прошлом году и удалось остановить рост количества ДТП на служебных машинах, наметившаяся тенденция к снижению еще не приобрела устойчивого характера. Так, в первом квартале 97-го вновь забили тревогу: поползла вверх кривая автопроисшествий, увеличилась тяжесть их последствий. Полугодие, к счастью, завершило с более или менее обнадеживающими показателями, но все равно нельзя забывать о главном: за каждой цифрой в справках и сведениях о ДТП — люди, их исковерканные судьбы, а то и трагически оборванные жизни. И пока в корне не изменим положение с обеспечением безопасности движения, всем должностным лицам на своих участках надо постоянно наращивать усилия по искоренению дорожно-транспортных происшествий и причин, их порождающих.

Анализ показывает: корень всех бед на дорогах — личная недисциплинированность водителей. Всегда об этом говорил и, пользуясь случаем, подчеркну еще раз. Знаете, кто допускает абсолютное большинство происшествий? Зеленые новички, не имеющие твердых навыков вождения? Отнюдь. 90 процентов ДТП на совести водителей второго года службы. Повод для серьезных размышлений? Вопрос риторический. Из той же оперы: какие машины доверены наиболее подготовленным военнослужащим? Не будем лукавить, конечно же, легковые, коих всего 25 процентов от общего числа автомобилей. А на них совершено в 96-м году чуть ли не каждое второе

ДТП. Вот еще любопытные материалы анализа — по дням недели и времени суток: 30 процентов происшествий совершены в субботу и воскресенье, когда руководящими документами предписано сокращать до минимума выход машин из парка, четверть всех ДТП приходится на ночные часы, когда острой необходимости в выезде машин на линию в абсолютном большинстве случаев не было. О чем эти данные говорят? Ответ напрашивается сам собой. И адресуется, в первую очередь, командирам и начальникам, офицерам по работе с личным составом.

— И последний вопрос. Как, на ваш взгляд, реализуются планы совершенствования автотехнического обеспечения в соответствии с концепцией развития внутренних войск?

— Как известно, концепция создавалась с расчетом на нормальное финансирование и материально-техническое снабжение. И если в ближайшие два-три года все останется по-прежнему, вряд ли можно надеяться на стопроцентное выполнение программы. Тем не менее будем и впредь выдерживать линию на повышение живучести и технической оснащенности наших боевых и ремонтных подразделений. В связи с этим — пожелание нашим офицерам, всем водителям и техническим специалистам. Несмотря ни на что вынести на плечах нелегкое бремя проблем, выполнить вопреки трудностям и невзгодам поставленные задачи, не допустить аварий, поломок. Не посрамить чести военного автомобилиста. Иного нам не дано.

**Беседу вел
полковник Ю. КИСЛЫЙ.
Фото В. НИКОЛАЙЧУКА.**

Твои Герои, Россия!

Однажды в разговоре с женой, Ниной Константинов-ной, еще задолго до той, третьей, последней его командировки на чеченскую войну он сказал ей: "Что бы ни случилось, каким бы я ни стал, но ты должна знать одно: трусом я не буду никогда. Не имею права. У меня растут трое сыновей".

Он трусом не был и стал Героем России. Указом Президента Российской Федерации это звание ему было присвоено посмертно.

Посвящается
Петру Захарчуку.

Не буду вспоминать
в прошедшем времени
Я о тебе, товарищ мой и брат,
Я в смерть твою не верю,
как не верила
Я в смерть ушедших
час тому назад...
Что наша жизнь —
возмездие иль таинство?
Крестили нас свинцом, а не водой,
Червем могильным
наши войны тянутся,
Беда приходит следом за бедой...
В скорбях живем,
скорбями версты меряем,
Что наша жизнь?
Ты все о ней сказал...
Но как тебя венчать
с прошедшим временем?
И кто на это право мне давал?..

Марианна Захарова.

В КАКОМ УГОЛКЕ РАЯ?..

Само собой как-то сложилось, что сыновья вслух об отце не говорят. Больно. Больно думать о родном человеке в прошедшем времени. А в этой дружной семье, где отец был незаменимым авторитетом и учил ребят доброте, не хотят причинять друг другу боль, беречь незатянувшиеся раны. На самом вид-

ном месте в квартире стоит большой портрет, с которого смотрит он на своих домочадцев. Говорит каждому только ему нужные слова, подбадривает ласковым взглядом. Дети с жадностью ловят этот взгляд и возвращаются памятью к тем редким в последнее время минутам, которые им доводилось быть вместе.

Тяжелее всего это молчание дается девятилетнему Мише. Дабы не прослыть слабаком, при старших братьях разговор не затевает. Но иногда, прогуливая с мамой собаку во дворе, поднимет взгляд к звездному небу и, словно пытаясь заглянуть в мир иной, проговорит: "Интересно, а в каком уголке рая живет мой папа?.."

У него даже нет сомнения в том, что папа в раю. Ведь он был добрым, честным, порядочным. Человек, чей жизненный путь на грешной земле отмечен Звездой Героя, и в том далеком, неизвестном мире вечного благоденствия, на темном небосклоне будет сиять вечной звездой. Да, душа воина убиенного, который "отдал жизнь свою за Отечество Российское, за родителей, сродников своих, за всех людей российских", возносится в рай. Пройдя через ад войны.

Петр Захарчук действительно погиб "за людей российских". Ибо выезжал он на боевые посты и заставы не ради выполнения какой-то конкретной боевой задачи. Его предназначением, как военного медика, было спасение людей. И он их спасал, рискуя собственной жизнью.

Для неугомонного характера Петра Захарчука, наверное, закономерно, что в выборе своей будущей профессии он окончательно определился только после срочной службы — поступил в донецкий медицинский институт. Но его трудолюбие, порядочность, ответственность, воспитанные в многодетной семье, были замечены командирами еще тогда, когда Петра только призвали в армию. Мама до сих пор с любовью хранит грамоты, которыми награждали ефрейтора Захарчука за призовые места в спортивных соревнованиях, письмо командира части, где он благодарит родителей за воспитание сына, который "с первого дня пребывания в части исключительно добросовестно относится к исполнению своих служебных обязанностей. За короткое время хорошо изучил свою

военную специальность, стал классным специалистом и отличником боевой и политической подготовки".

Проучившись четыре года в Донецке, Петр переводится на военную кафедру куйбышевского мединститута. По окончании учебы молодого лейтенанта-медика направляют для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток. Поехал с удоволь-

Петр Захарчук с сыновьями.
Фото из семейного архива.

ствием. Служил в Магадане, потом в Хабаровске. С 1981 года — в различных медицинских должностях в частях и соединениях внутренних войск Восточного округа. Он полюбил этот суровый край, который стал для него родным. Именно здесь родились его сыновья.

Когда говорили, что жизнь прекрасна, не в характере Петра Захарчука было верить на слово. В этом он хотел убедиться сам, все пережить и потрогать своими руками. На его счету было двенадцать прыжков с парашютом. В отпуске ежегодно он на недели уходил в тайгу и трениро-

вал свой организм, характер и волю для выживания в сложных условиях. На лодке плавал по бурным таежным рекам, занимался охотой и рыбалкой. Такое общение с природой давало ему уверенность в своих силах. Он учился безбоязненно принимать решение в экстремальной ситуации и смело брать на себя ответственность за его последствия. Кто тогда мог знать, что все это пригодится ему когда-нибудь в реальной жизни! Такая самоподготовка офицера заслуживает всяческих похвал. Его уважали все сослуживцы. Хотя наверняка инертные — не совсем понимали, хитрые — посмеивались, а ленивые — просто тайно завидовали.

Когда старшие сыновья подросли, стал и их брат с собой "на выживание". Гордился сыновьями, как всякий уважающий себя мужчина. Продолжатели рода ведь растут. А сейчас выяснилось — и продолжатели дела. Александр и Константин пошли по стопам отца, будут офицерами.

Когда маленькими были — подарками забрасывал, сладостями баловал. Нина Константиновна беспокоилась часто: не мужское это воспитание. Петр Михайлович успокаивал ее: доброте учить нужно, чтобы не росли равнодушными, о родителях заботились, друг о друге. А сам, наверное, помнил свое несытое детство. А может, торопился отцовское тепло и ласку сполна отдать, словно предчувствуя, что недолго его путь земной рядом с ними.

Судьбу не выбирают.

Самое сложное для военного человека — это сочетать любовь и заботу о семье с самоотверженностью на службе. Кто из нас не слышал упреков своей благоверной в свой адрес, мол, не только себя не жалеешь, но и всю семью принес в жертву службе. Однажды в таком разговоре Петр Михайлович ответил жене: "Что ты, милая. Вы ведь моя частица. Вас, как и себя, я просто не могу жалеть". В шутку было сказано. На самом деле

он семью очень любил. Из командировки вечерами звонил ежедневно. В разговоре — ни намека о войне. Они с женой понимали друг друга без лишних слов. Говорили о детях, о делах домашних. Нина Константиновна умоляла мужа быть осторожным, а он просил ее беречь себя и детей...

В свою первую командировку на войну Петр Михайлович Захарчук приехал еще в январе 95-го. Чеченская кампания только-только началась. В воздухе витало шапкозакидательское настроение, подхваченное газетами и телевидением с подачи министра обороны. Уже были страшные сводки о потерях, но народ все еще верил в то, что политикам все-таки удастся остановить трагедию. Военврач Захарчук уже тогда сделал для себя вывод: если боевые действия не будут прекращены, быстро война не закончится. И жертв будет много. Это было видно из ожесточенного сопротивления сепаратистов, это было видно из характера огнестрельных ранений, издевательств варваров над телами погибших и попавшими в плен военными. Уже в первые дни военврачу Захарчуку приходилось вырывать из рук костлявой десятки молодых жизней, не позволяя безусым парням преждевременно перешагнуть порог небытия. Но он никогда не пускался в пацифистские рассуждения, а смело и добросовестно делал свое дело. А дел у начальника медицинской службы группировки внутренних войск МВД России было немало.

Из представления к награде:

В январе-феврале 1995 года ежедневно выезжал в подчиненные части и подразделения, организовывал мероприятия по оказанию медицинской помощи раненым. С риском для жизни вывозил раненых из районов боевых действий, налаживал взаимодействие с авиаторами, обеспечивая своевременную транспортировку тяжелораненых в стационарные клинические госпитали.

С первых же дней раненые стали поступать партиями. Петр Михайлович лично становился к операционному столу и сутками не отходил от него. Доводилось возвращать к жизни тех, кто, по всем академическим канонам, уже должен был надеяться только на Бога. Петра Михайловича подчиненные называли ангелом-хранителем. Но это уже потом, когда ему доводилось лично возглавлять эвакуационные команды и вывозить из-под обстрела тяжелораненых, с боями прорываться через засады, с оружием в руках защищать раненых. И при этом он оставался невредимым. Молодые ребята-медики безбоязненно выезжали с ним в любое пекло, слепо уверовав в то, что даже в самой опасной ситуации рядом с подполковником им ничто не угрожает.

Шесть недель первой чеченской командировки для Захарчука пролетели как один день.

Из представления к награде:

В ночь с 28 на 29 мая 1995 года на комедантский участок №2 и комедантуру Старопромысловского района города Грозный было совершено нападение большой группы боевиков. Подполковник медицинской службы Петр Захарчук с группой медиков, рискуя жизнью, несколько раз на бронетранспортере прорывался к комедантурам, оказывал помощь раненым и эвакуировал их в военно-полевой госпиталь аэропорта Северный.

При проведении специальных операций и разведывательно-поисковых мероприятий организовывал их медицинское обеспечение. В результате не было допущено гибели военнослужащих, получивших ранения.

Как-то в "Общей газете" прочитал откровения некоего генерала запаса под таким поучающим названием: "Умешь воевать — не лезь в герои". Сей военный аналитик рассуждает, что "личный подвиг Саши Матросова — следствие общеармейского непрофессионализма: автоматом фаши-

стов поразить не сумел, гранатой — тоже, ничего хитрого придумать не смог. Пришлось выполнять приказ ценой жизни". Скольким цинизма, спекуляции на подвиге, смерти человека в угоду антиармейской кампании. Это что же получается? Коль не смог подполковник Захарчук властно командовать и послать в это пекло санинструкторов-мальчишек и юных лейтенантов, значит, лезь сам, рискуй, подставляй свою голову под пули боевиков. Нет, не таким был Петр Михайлович. Не его, конечно, обязанность лично вытаскивать раненых с поля боя. Но его долг — спасти пострадавших бойцов. Смелость, как и трусость, заразительна. А Петр Захарчук однажды и на всю жизнь сказал себе, что трусом он не будет никогда. На войне всегда опасно. Но трусы погибают быстрее. Помня это, Захарчук безбоязненно выезжал на самые опасные участки, брал с собой солдат, молодых офицеров-медиков и заражал их своей храбростью. Ведь не случайно во все времена наиболее действенной формой воспитания подчиненных являлся личный пример командира. И он был примером всегда: и в бою, и в повседневной жизни. Он был настоящим русским офицером, всегда подтянутым, аккуратным и пунктуальным. А пренебрежение к опасности, храбрость — не безрассудное, а вполне осознанное, хладнокровное поведение в опасной, экстремальной ситуации — были чертой его характера.

Из представления к награде:

24 февраля 1996 года при проведении специальной операции в Ленинском районе Грозного группа прикрытия была атакована боевиками. Четверо военнослужащих внутренних войск были ранены. Подполковник Захарчук лично оказал им медицинскую помощь и эвакуировал в госпиталь. Во время перевозки раненых бронетранспортер попал в засаду. Захарчук организовал отражение нападения боевиков, не допустил по-

терь среди личного состава, спас раненых.

О самообладании Петра Захарчука в экстремальной обстановке, чувстве юмора и умении в сложной ситуации подбодрить подчиненных рассказал корреспонденту газеты "Дальневосточный часовой" один из офицеров, который волею случая оказался в этот раз в одном с ним бронетранспортере.

— Вывозили мы тогда раненых из Ленинского района Грозного. Приехали, загрузили ребят. Были среди них и тяжелые, Петр Михайлович оказал им помощь. Перед выездом вышли на связь, доложили, что возвращаемся. Из штаба советуют пока подождать, не исключено, что боевики устроили засаду. Захарчук уточнил место вероятной засады и, посмотрев на раненых, принял решение ехать. А путь проходил по лесной просеке. Поехали. Слышу, подполковник командует механику-водителю гнать на полной скорости. Тот давит на газ, а по броне уже стучат автоматные пули. Я отстреливался с правого борта, Захарчук — с левого. Огонь все усиливается. Ну, думаю, не дай Бог попадем в прицел гранатометчику. И в это время чувствую, кто-то меня толкает в бок. Поворачиваюсь — Захарчук. "Ты не знаешь, — спрашивает, перекикивая треск автоматных очередей, — в этих местах другие грибы водятся, кроме стреляющих мухоморов?" Я на него уставился, ответить не знаю что. А он, как ни в чем не бывало, продолжает: "Вот горе-то. А я, как назло, и лукошко с собой не прихватил..."

Петр Михайлович был заядлым спортсменом, охотником и рыбаком. Мог часами рассказывать разные истории, поражая собеседника знанием природы родного края.

Богатый внутренний мир и оптимизм ему всегда помогали в работе. Долгое время он находился на должности психиатра и поэтому хорошо знал, какие сложные процессы про-

ходят в психике человека в опасных для жизни ситуациях. Инстинкт самосохранения подавить довольно сложно. Он умел хорошо владеть собой и воздействовать на подчиненных. И ему верили. Потому что он был открыт для всех. Он считал, что война всех равняет, мерит одной меркой и генерала, и рядового. Пуля-дура не разбирает званий и должностей.

Из представления к награде:

6 марта 1996 года во время массированного наступления боевиков на Грозный подполковник Захарчук с риском для жизни оказывал первую медицинскую помощь раненым и организовал их эвакуацию из районов боевых действий. В 9.20 при вывозе раненых с КПП-14 бронетранспортер, в котором находился подполковник Захарчук с ранеными, трижды попадал в засады. Дважды умелыми и решительными действиями экипажа нападение отражали. В третий раз бронетранспортер был подбит из гранатомета. Будучи раненным, подполковник Захарчук силами экипажа организовал оборону и эвакуацию раненых в безопасное место. Прикрывая действия подчиненных, получил смертельное ранение.

В этот день перед рассветом обстановка в Грозном обострилась до предела. Практически одновременно были атакованы шесть блокпостов, подверглись обстрелам комендатуры, КПП, пункты временной дислокации частей. В центральную комендатуру Грозного то с одного, то с другого конца города поступали тревожные доклады: "Нас обстреливают. Есть раненые...", "Подверглись нападению, двое раненых...", "Ведем бой, ждем подкрепления. Нужно вывезти раненых..." Было ясно, что локальными огневыми стычками охвачен весь город. Выезжать небезопасно. За углом любого дома мог сидеть гранатометчик. Тактика дудаевцев известна: напасть на КПП, добиться, чтобы обороняющиеся вызвали подкрепление,

дождаться и расстрелять из засады идущие на помощь бронетранспортеры. Уже одна за другой выехали несколько групп для эвакуации раненых. А просьбы о помощи все продолжали поступать. Старший военврач центральной комендатуры Петр Захарчук кивнул своему сослуживцу и товарищу полковнику Виталию Архипову:

— Нужно выезжать за ранеными, что ждать у моря погоды.

Ничего не ответил полковник Архипов. А сам подумал: небезопасно это. А у Захарчука в кармане уже закрытое командировочное удостоверение. Через день-два военно-транспортный борт должен был доставить его к любящей жене и ожидающим возвращения сыновьям...

Кроме солдат отделения прикрытия с Захарчуком и Архиповым вызвались ехать старший лейтенант медицинской службы Мусин, старший лейтенант Шерстнев и прапорщик Буйлов. Несмотря на предостережения полковника Архипова, Захарчук с гранатометом устроился в открытом люке бронетранспортера. К блокпосту прорвались удачно. Видно, боевики не надеялись, что подкрепление подоспеет так быстро. Оказали первую помощь раненым, загрузили в бронетранспортер. Воспользовавшись минутным затишьем, вырвались из зоны огня и на высокой скорости устремились в сторону военно-полевого госпиталя.

Уж больно легко боевики выпустили их из явной ловушки. А напали на более выгодной позиции — сразу за железнодорожным переездом. В ответ на шквальный огонь — бронетранспортеры лишь прибавили скорость. Станковый гранатомет боевиков так и не успел послать смерть навстречу нашим бэтээрам, его расчет потопила в клубах дыма и пыли граната, выпущенная из гранатомета подполковником Захарчуком. Проскочили.

Автоматная трескотня и глухие разрывы гранат слышались по всему го-

роду. Не успели перевести дух — по броне снова забарабанил свинцовый град. И здесь пронесло. Наверное, все-таки не зря Петра Захарчука подчиненные называли ангелом-хранителем.

На очередном перекрестке на встречу первому бронетранспортеру понесся огненный снап. Взрывом гранаты оглушило полковника Архипова, сидевшего рядом солдата словно ветром сдуло с брони. Горячая рваная железка впилась в тело Захарчука. Подбитый бронетранспортер скатился на обочину, освобождая дорогу следовавшей за ним боевой машине с ранеными. Завязалась перестрелка, в ходе которой геройски погиб подполковник Петр Захарчук.

Безутешно горе семьи.

“Раньше я думала, что могу понять чужое горе и как-то разделить его, — пишет в письме вдова, Нина Константиновна. — Но после того, что произошло в моей семье, мне стало ясно, что никто не может понять до конца чужое горе, пока не переживет свое. Могу сказать только одно: сегодня я сильный человек. Сыновьям заменить отца я не могу. Но в моей жизни есть большая и вполне реальная цель: помочь детям стать настоящими мужчинами, такими людьми, какими хотел их видеть отец”.

Подполковник И. МУЧАК.

**Рассказываем
о судьбах
военнослужащих
внутренних войск,
погибших
при исполнении
служебного долга
в Чечне.**

Нам говорят: война истлела.
Зачем ушедшее будить?
Уж в памяти все устарело —
Пора войну вам позабыть.
Она ж ночами к нам приходит.
Бросает в память прошлых дней.
И нас по-прежнему изводит
Тупой жестокостью своей.

Юрий МАЗЫКИН. "Память"

По страницам Книги памяти

**ГЛАЗУНОВ
Константин Викторович**

Радовался Костя, гордились отец и мать, что их сыну выпала честь служить в президентском полку. Ребята подобрались как на подбор, провожали их из Кургана торжественно, с добрыми напутствиями. Но, видимо, нынче время такое, что даже в элитных частях от дедовщины еще не избавились. Днем на службе все как на параде, а после отбоя в казарме иная жизнь. Костя был не из робких, со школьных лет занимался рукопашным боем, дзюдо, каратэ, тяжелой атлетикой, умел за себя постоять и дал отпор наглецам. Но после этого вынужден был подать рапорт о переводе в другую часть. Просьбу его удовлетворили. Он был направлен служить в Санкт-Петербург, в полк оперативного назначения. На службу здесь не жаловался, но с городом так и не успел толком познакомиться — уехал в командировку на Кавказ. С дороги писал:

*Моя милая, милая мамочка,
Знаю, ты очень грустишь,
Снова меня вспоминаешь,
Долго ночами не спишь.
Ты не волнуйся, родная.
Будем мы вместе с тобой.
Бодрым, красивым, здоровым
Костя вернется домой!*

Прислал письмо из Чечни:

"Загораем в Гудермесе, примерно полсотни километров от Грозного, высота 2880 метров над уровнем моря. Получил пулемет и 8 магазинов к нему в придачу. Служба идет нормально, не беспокойся. Самый горячий привет братишке Максиму, не забудьте погладить за меня моего верного пса Азбена".

Это сообщение всполошило родных. Костина мама, Светлана Николаевна, ходила в военкомат, в комитет солдатских матерей, а когда узнала, что из курганского ОМОНа едут в Чечню с гуманитарной помощью и подарками, записалась добровольным помощником в группу и поехала.

После того как миссия была выполнена, Светлана Николаевна подошла к командиру группы курганского ОМОНа и попросила помочь добрать-ся до Гудермеса к сыну.

— Вы что, не знаете, что там очень опасно? — спросил он.

— Знаю, но ведь там мой сын. Я приехала за ним.

— Если он парень нормальный и не трус, он с вами не поедет.

— Как не поедет?

— Очень просто. Не поедет.

Много раз ставила на карту свою жизнь Светлана Николаевна, прежде чем добралась до части, где служил сын. Увидела его — заплакала:

— Костенька, я приехала за тобой...

— Как за мной?

— За тобой. Вот твой паспорт, вот брюки и футболка. Одевайся, поедем домой!

— Мама, что ты говоришь? Никуда я не поеду, буду ждать, когда сюда прибудет нам замена. Нас, таких, как я, на сопке всего восемь человек, остальные пацаны-первогодки, уснут ночью, их и перебыют, как курят. Кто же без меня мой сектор будет держать под охраной и отбивать боевиков? Не по-е-ду! И не проси. И давай закроем эту тему. Лучше расскажи, что хорошенького у нас дома, в Кургане? Как там Максим, папа?

Азбен, наверное, уже скучает без меня?

Так и уехала в Курган Светлана Николаевна без сына. А следом за ней пришло от Кости письмо:

"Ну, мама, ты у меня герой! В тот день я наблюдал за сектором, устроившись в тени палатки. Жара, как обычно, 45 градусов. Вялость в теле, голова от жары пухнет. А тут солдатик из-за палатки вывернулся:

— Глаз (это они меня так сокращенно кличут), пулей лети к комбату, а я за тебя наблюдать стану.

Иду к комбату. А он мне:

— Что вразвалочку идешь? Даю пять минут тебе сроку — помыться, побриться, надеть форму номер четыре и стрелой сюда. Мать к тебе приехала.

Вылетел я от комбата, как ошалелый, и думаю: "Или он по-дурацки шутит, или крыша у него от жары поехала? Какая мать в этот ад приедет?"

Мигом привел себя в порядок, схватил свой пулемет, рожок пристегнул — и к комбату. Вскочили мы с ребятами в бэтээр и погнали с нашей восьмидесятой горки по трассе со скоростью аж 100 км в час.

Примчались в полк. Захожу к командиру. Его нет. Боже ты мой! Сидишь ты! Подумал, что это сон или от постоянных дум о доме теперь у меня крыша поехала. Твой приезд — самый дорогой подарок за всю мою жизнь.

Теперь, когда сильно трудно становится, все вспоминаю тебя, мамочка, твою лихость и решительность, и гостинцы твои, и волнения твои, и слезы... А ребята говорят: "Ну, Глаз, и мамаша у тебя — геройская женщина". И это правда, мама...

27 ноября 1995 года".

"Мамочка, слава Богу, вышли на последнюю прямую. Дембель уже неизбежен. Прибыла нам замена. Ответ не пишите, все равно получить не успею. Позвоните в часть, там скажут точно, когда мы прилетим, к этому сроку и приезжай. Только никому не

говори, что скоро буду дома, и сама позабудь эту дату, чтобы не сглазить. Ладно?

Кормят нас неважно. Так что заготовь к приезду кур. Зажарь штуки три и салат зимний сделай. Я по нему ужасно соскучился... Кажется, буду есть, есть и не наемся...

И еще, договорись в больнице, чтобы подлечить зубы, если придется некоторые удалять, то чтобы под наркозом, а так я боюсь. Не смешно ли, мама? Вот такой я у тебя герой..."

После этого письма время в доме Глазуновых словно остановилось. Светлана Николаевна считала часы и минуты и, когда ей сказали в части, что самолет на днях вылетает в Чечню, поехала в Санкт-Петербург, чтобы там встретить сына.

Нормализовать обстановку в Чечне пытались разными способами. Кому-то в голову, а может, и в головы, пришла "светлая" мысль — провести здесь "демократические" выборы. И будто бросили новые сухие ветки в незатухающий костер войны. Военная ситуация стала накаляться с каждым часом. Там и тут боевики обстреливали и сжигали избиратель-

ные участки, участились нападения на дорогах. В день выборов, 14 декабря 1995 года, боевики захватили город Гудермес, блокировали военную комендатуру и железнодорожный вокзал. На выручку были брошены все резервы воинских частей, расположенных в окрестностях Гудермеса. В артдивизионе, где служил Константин Глазунов, собрали всех, в том числе и тех, кто должен был улетать в эти дни домой. Бойцы на БТРе мчались к месту боевых действий, но напоролись на засаду. Бой был жестоким. В нем и погиб геройски Константин Викторович Глазунов.

А в это самое время в Санкт-Петербурге его ждала мать. Она приехала пораньше, чтобы встретить сына и без промедления увезти домой, где все было готово к семейному торжеству. Ждала самолет, а получила трагическую весть.

Светлана Николаевна вернулась в Курган 19 декабря вечером, гроб с телом сына был уже дома...

Из публикации, подготовленной курганским журналистом Г. Устюжаниным для областной Книги памяти.

ХАРИЧЕВ Евгений Юрьевич

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Пишет вам заместитель командира роты старший лейтенант Владислав Маковкин. Прочитав один из номеров газеты "Ситуация", я решил написать вам, потому что мне очень хотелось бы многое рассказать о своем боевом друге, фамилия которого опубликована в этом номере газеты в списках погибших. Но, пожалуй, на бумаге будет трудно высказать все, что накопилось с того ничем не отличавшегося от других дня 15 марта 1996 года, когда перестало биться сердце Женьки.

В 1993 году, после окончания

училищ, мы прибыли в город Владикавказ для прохождения дальнейшей службы — молодые лейтенанты, готовые свернуть горы, которым все было по плечу. Женька — вологодский, я — волгоградский.

С первых же дней мы подружились с ним, и эта дружба была неизмеримо больше, чем просто войсковое товарищество. Служили в одной роте, жили в одной комнате в офицерском общежитии.

Его чуткости и отзывчивости можно было только завидовать белой завистью — таких людей редко встречаешь на жизненном пути. И тем не менее он был именно таким — Евгений Юрьевич Харичев.

Все, кто служил с ним, от солдата до комбата, знали и помнят его как честного, открытого, всегда готового прийти на помощь человека.

Неоднократно мы вместе с ним несли службу или меняли друг друга на заставах и КПП, вместе проводили занятия и организовывали досуг личного состава, выполняли свой долг по защите конституционных прав граждан и поддержанию правового режима ЧП. Для солдат он был строгим, но справедливым командиром, выражаясь сухим официальным языком служебной характеристики, "требовательным к себе и подчиненным". Однако практически все подчиненные со всеми своими проблемами и наболевшими вопросами шли к нему, потому что знали — Харичев выслушает, поймет, поможет в любом случае, сделает не только все от него зависящее, а все, на что он способен. Солдаты и сержанты, уважая и обожая

своего командира, делились с ним всем, в том числе и самым сокровенным, а ведь это уже говорит о многом. Не каждому офицеру солдат расскажет о своих домашних и армейских проблемах, о том, кем он был и кем собирается стать на гражданке после увольнения в запас...

С офицерами у Жени отношения складывались так, что их можно выразить одной фразой — в разведку с ним пошел бы любой из нас.

В августе 1995 года Женя женился. Вот это было для всех нас событие! До сих пор помню, как будто это было вчера: счастливое Женькино лицо, смеющиеся глаза его невесты — Марины... Никто тогда даже не думал, что так бывает, что через полгода она потеряет мужа, родители — сына, мы — друга.

Помню, как мы вдвоем сидели за столом и строили планы на будущее. На руках у нас уже были предписания. Мне — в Волгоград, ему — в Ассиновскую... Договорились постараться взять отпуска одновременно и поехать вместе отдыхать. Расставались на несколько месяцев...

Смерть всегда выбирает лучших.

15 марта 1996 года под Самашками выстрел снайпера оборвал жизнь замечательного парня — старшего лейтенанта Евгения Харичева...

*С уважением —
заместитель командира роты
старший лейтенант
Владислав МАКОВКИН,
г. Волгоград.*

**Подготовили
капитан С. КОЛЕСНИКОВ,
А. ЯНКОВСКАЯ.**

Редакция журнала "На боевом посту", газета "Ситуация" продолжают работу по созданию Книги памяти военнослужащих внутренних войск, погибших в Чечне. Мы просим откликнуться всех, кто мог бы рассказать о своих боевых товарищах. Пришлите нам свои воспоминания о них, по возможности — фотографии. Наш адрес: 107120, Москва, Сыромятнинский проезд, 8. "Ситуация" — "Книга памяти".

При фонде помощи военнослужащим внутренних войск "Чужого горя не бывает" открыт счет на издание Книги памяти. Всем, кто мог бы помочь в этом деле, сообщаем реквизиты:

Москва, АКБ "ТРАНСКРЕДИТ", расч. счет 700701, корр. счет 1161880, БИК 044585575, ИНН 7722012343, фонд "Чужого горя не бывает" — на издание Книги памяти.

В строю — профессионал

НЕ ЖЕНСКОЕ ДЕЛО?..

Очередные сборы зампотехов частей Московского округа внутренних войск проходили в хозяйстве подполковника Александра Соколина. Адрес был выбран не случайно: различные комиссии, посетив автопарк части с проверкой, всегда лестно отзывались о состоянии техники, особенно на складе НЗ. Вот почему заботу военнослужащих этой части о поддержании машин в постоянной боевой готовности один из руководителей сборов полковник А.Тиунов поставил в пример всем начальникам автослужб. И некоторых это задело за живое. Пока Александр Соколин рассказывал гостям, как он организует работу по консервации техники НЗ, офицер, которому захотелось доказать, что здесь несколько не лучше, чем у него, осмотрел склад в поисках недостатков. Но даже его опытный взгляд не находил их. ЗИЛы, БТРы и БРДМы стояли на колодках, как положено. Диски колес были покрашены, двери и люки опечатаны. Заглянул под капот, но и там все находилось в порядке: механизмы смазаны маслом и заботливо обернуты в бумагу. Кузова без следов ржавчины и вмятин. Возле каждого ЗИЛа — таблички о закреплении машин. Может, с пожарной безопасностью не все ладно? Но нет: к разочарованию искателя недоделок, пожарные щиты были оборудованы, в ящиках имелся песок, ог-

нетушители заправлены, а гидрант был готов к применению. И тут его осенило: ведь перед отъездом на сборы у него возникли проблемы с топливом, вот и пришлось временно позаимствовать бензин из бака законсервированной машины. Пока его коллеги задавали вопросы начальнику склада НЗ старшему прапорщику Антонине Гриньковой, дотошный офицер простучал баки ЗИЛов, пока один из них, как ему показалось, не отозвался звоном пустой емкости.

— А бензинчик-то солдаты слили,— констатировал он во всеуслышание.

Антонина Анатольевна покраснела, но твердо ответила:

— Ошибаетесь.

— А я говорю, нет.

Уязвленная подозрением, женщина сорвала пломбу с бака, и все увидели, что топливо было залито по самую горловину.

Посрамленный зампотех прикусил губу, а присутствующие убедились, что здесь действительно есть чему поучиться...

Так уж повелось, что женщина, хранительница домашнего очага, как правило, терпеть не может анархии и безделья. И внутренние войска выиграли оттого, что дамам разрешили заключать контракты и занимать должности солдат, сержантов, старшин. С их приходом в воинские части стало меньше путаницы в делопроизводстве и больше порядка на скла-

дах. Американцы знают цену современным амазонкам, допуская их к командованию подразделениями, не говоря уже о том, что каждый десятый солдат в армии США — леди. В том числе и автомобилисты. И у нас еще во времена стахановского движения трактористка Паша Ангелина развеяла миф о несовместимости женщины и техники. Нынче представительницы слабого пола успешно освоили почти все традиционно мужские специальности и работают даже там, где приходится жертвовать маникюром и нарядом...

В части, где проходили те самые сборы, Антонина Гринькова уже четыре года отвечает за склады НЗ — вещевого, продовольственного и техники. Когда шла на эту должность, боялась, что не справится. Но командир пообещал всяческую поддержку, и она согласилась. Начала с того, что ей было знакомо как хозяйке, — с чистоты и порядка. Все склады были вымыты, все имущество и продукты разложены, как положено по инструкции. Ведь обновление содержимого складов происходит постоянно, зачем же солдатам делать лишнюю работу и всякий раз перетаскивать все с места на место? Добралась и до машин. И хотя раньше никогда не сталкивалась с техобслуживанием автомобилей, с энтузиазмом взялась за изучение нового для нее дела. Конечно, искать запчасти и горюче-смазочные материалы в условиях недофинансирования одной женщине трудно. Ей помогают замполтех и командир роты материально-технического обеспечения. Но что касается экономного расходования ГСМ и контроля за работой, выполненной солдатами, то здесь Антонине Анатольевне нет равных. Вот почему машины, отслужившие уже много лет, с приходом этой женщины обрели как бы вторую жизнь. Два раза в год все ЗИЛы и бронетранспортеры

выезжают за ворота склада НЗ, чтобы продемонстрировать готовность в любую минуту, если потребуются, без задержек отправиться в путь. Как это было с БТРом, посланным, когда понадобилось, в район боевых действий в Чеченскую республику: залили воду, поставили аккумулятор, и машина завелась с полоборота. А рядом стояла гордая за свою работу Антонина Анатольевна.

Кроме того, что старший прапорщик Гринькова добросовестно выполняет свои должностные обязанности, она еще и отличник боевой подготовки. Будь то сдача зачетов по ОГП или норматив по надеванию противогаза, Антонина Анатольевна справляется лучше многих военнослужащих-мужчин. А на недавней учебной стрельбе из «макарова» по бегущей мишени она смогла, что называется, утереть нос иным офицерам со стажем службы.

Постепенно освоила и специальность — то, с чем приходится сталкиваться на складе каждый день: нормы техобслуживания, нормы довольствия и прочее, прочее, прочее. В ее работе главное — внимательность, требовательность и контроль. Но для солдат и сержантов она не надсмотрщик, а скорее, вторая мама. К ней обращаются кто с горем, кто с радостью. Всех она выслушает, пожалеет, приободрит, даст ценный совет. И бойцы, когда работают на ее складе, стараются, платят добром за добро. Если у Антонины Анатольевны возникают трудности, если требуются мужские руки, ребята никогда не откажут, помогут.

У Гриньковой есть и постоянные «палочки-выручалочки», как, например, ефрейтор Николай Погосев. «Батареи на складе не греют? Воздух спустить? Сейчас сделаю!» И делает. Потому что он за два года службы по призыву хорошо изучил военную систему: пока заявка до замес-

тителя по тылу дойдет, пока сантехник соизволит прийти, мама Тоня и замерзнуть может.

Любят ее бойцы-срочники, берегут. Они что дети — тянутся к тому, в ком чувствуют душу.

Душевный она человек, Антонина Анатольевна, добрый, скромный, миролюбивый. Ни на работе, ни в семье голос не повышает. За всю совместную жизнь она никогда не довила отношения со своим супругом, Виктором Семеновичем, до серьезных ссор. Возможно, по той причине, что в их семье взаимопонимание и лад, Антонина Анатольевна умудряется отдавать всю себя работе, а также успевать с делами в домашнем хозяйстве и на приусадебном участке. А когда в полку идут учения и домой отпускают ближе к полуночи, она, в отличие от некоторых своих боевых подруг, может быть спокойна: муж, сам бывший военный, никогда не упрекнет за отсутствие ужина. Наоборот, к приходу жены приготовит его сам, а то и постирает, если видит, что жена вернулась со службы совсем уставшая.

В святых христианских писаниях говорится, что семья — это малый храм, куда человек несет свои удачи и несчастья, куда идет исповедываться и выслушать родных, где он приводит в порядок свои мысли и находит успокоение его душа. Семья Гриньковых, наверное, может служить моделью такого храма. И возможно, это не случайно: ведь познакомились Антонина и Виктор на экскурсии в Троице-Сергиевой лавре. Молодой прапорщик Гриньков, отвлекшись от обозрения древних икон, неожиданно для себя нашел свою мадонну, на которую теперь молятся не только он, дочь, зять и полторагодовалый внук Саша, но и вся автомобильная служба полка.

Когда на праздновании Дня автомобилиста командир вручает пре-

мии, то, конечно, он не забывает выдать среди технарей-мужчин Гринькову. Ведь она — женщина, а значит, ей физически и морально тяжелее нести груз мужских забот. Что бы ни говорили сторонники эмансипации, а у войны и военной службы — не женское лицо (хотя военная форма очень идет нашим дорогим женщинам). Но надо признать, что не от хорошей жизни они наравне с мужчинами тянут лямку. Не исключение и Антонина Гринькова. Когда-то она работала на местном заводе учетчицей специзделий. Но производство постепенно приходило в упадок, цех закрыли, и женщина, понимая, что одному мужу семейный бюджет вытянуть будет нелегко, пошла служить в его же воинскую часть. И вот уже тринадцать лет, как она связала жизнь с внутренними войсками. Да так прочно, что уже и не представляет себя без них.

— Вот не думала тогда, когда с девчонками бегали на танцы в Саратовское училище МВД, что буду служить с его выпускниками,— до сих пор удивляется она.

Да, судьбы часто пересекаются. Вот и Антонине Гриньковой довелось сполна испытать то, чем жил раньше супруг. Как пришлось это сделать специалисту службы ГСМ того же полка прапорщику Вере Николаевне Осадец, делопроизводителю роты материально-технического обеспечения ефрейтору Татьяне Алексеевне Пучковой, делопроизводителю автослужбы ефрейтору Нине Сергеевне Холяевой и многим другим женщинам, для которых казарма стала вторым домом. Низкий им поклон.

**Старший лейтенант
Г.СИМОНЕНКО.**

*Московский округ
внутренних войск.*

По сообщениям пресс-бюро внутренних войск МВД России

ВЕДЕТСЯ работа по розыску и освобождению военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен в ходе боевых действий в Чеченской республике. Ознаны и похоронены военнослужащие внутренних войск:

младший сержант Сергей БАЗАНОВ, младший сержант Виталий ШИШКИН, рядовой Роман ЯСТРЕБОВ, рядовой Дмитрий ВИКТОРОВ.

“МИЛОСЕРДИЕ белых ночей” — под таким названием в Санкт-Петербурге состоится в этом месяце Всероссийская благотворительная акция, посвященная памяти сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск, погибших при исполнении служебного долга. Акция пройдет в два этапа. На первом этапе планируется провести смотр-конкурс авторской песни, легкоатлетическую эстафету, показательные выступления сотрудников ОМОНа по освобождению заложников и другие мероприятия. Самым же главным событием должна стать закладка мемориального камня на месте будущего памятника, который планируется установить на площади Мужества.

Второй этап пройдет не только в городе на Неве, но и в других городах России. Главы администраций и начальники органов внутренних дел встретятся с родственниками погибших и постараются оказать им помощь в решении социально-бытовых проблем.

ВЕРТОЛЕТ внутренних войск, пролетавший над дагестанским населенным пунктом Первомайское, был обстрелян с территории Чеченской республики из стрелкового оружия. По словам начальника штаба внутренних войск генерал-лейтенанта Бориса Максина, в вертолете находились командующий временной оперативной группировкой генерал-майор Протаген Андреевский и сопровождавшие его лица. Экипажу удалось посадить вертолет, несмотря на 11 пулевых пробоях. Никто из военнослужащих не пострадал.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ случаи минирования дорог в районе административной границы с Чеченской республикой. 11 июня в очередной раз была заминирована федеральная автомобильная дорога “Кавказ”. В километре восточнее Хасавюрта преступники установили фугас из 122-мм осколочно-фугасного снаряда в полуметре от асфальтированного дорожного полотна рядом с указателем “Хасавюрт”. В метре от фугаса обнаружена замаскированная мина МОН-100 с дистанционным управлением. По проводам, тянувшимся к лесу, на расстоянии 150 метров обнаружен пункт наблюдения. Прибывшие на место происшествия саперы внутренних войск обезвредили снаряд и мину. По данному факту проводится расследование, возбуждено уголовное дело. 16 июня сотрудники нижегородского ОМОНа, следуя на автомобиле, подорвались на гранате, установленной на мосту через реку Терек, восточнее Моздока. Потерь нет, один офицер получил осколочное ранение.

17 июня на окраине Хасавюрта у моста, недалеко от консервного завода, обнаружены две радиоуправляемые мины.

Необъявленная минная война продолжается. По словам генерал-лейтенанта Бориса Максина, в последнее время внутренним войскам часто приходится принимать участие в разминировании дорог и некоторых участков местности на территории, прилегающей к административной границе с Чеченской республикой. Provokации со стороны бандитов направлены на то, чтобы дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе и показать, что присутствие российских, в том числе и внутренних, войск там нецелесообразно, считает начальник штаба ВВ МВД России.

ЧЕЧЕНЦЫ передали российской стороне бывших военнослужащих внутренних войск К.Лимонова и Р.Клочкова. 22 ноября 1995 года в районе населенного пункта Орехово они совершили самовольную отлучку и оказались у боевиков. Оба недолго были пленниками и вскоре стали выполнять подсобные работы в вооруженном отряде. В августе прошлого года Ли-

монов и Клочков были предложены боевиками на обмен, но отказались вернуться домой, несмотря на уговоры родителей. Мотивировали свой отказ тем, что приняли ислам и не согласны с действиями федеральных войск в Чечне.

В ХАБАРОВСКЕ прошла конференция комитетов родителей военнослужащих, в работе которой приняли участие представители от Хабаровского края, Амурской, Сахалинской, Камчатской областей, Еврейской автономной области, городов и районов Дальнего Востока. Силловые ведомства региона представляли заместители командующих округов, офицеры управлений и отделов по работе с личным составом.

Результатом конференции стало решение объединить все родительские комитеты дальневосточного региона в единую организацию. Основные ее цели — военно-патриотическое воспитание, укрепление воинской дисциплины, защита социальных прав военнослужащих и членов их семей.

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ одной из частей Северо-Западного округа внутренних войск, возвращавшиеся на машине из учебного центра, увидели, как из окна квартиры на четвертом этаже жилого дома, расположенного недалеко от Финляндского вокзала Санкт-Петербурга, валит дым. В окне то появлялась, то исчезала женщина с ребенком. Не теряя ни минуты, прапорщик Сергей Федоров, рядовые Владимир Баутин, Павел Глазатов, Евгений Митрофанов, Михаил Костяков растянули брезентовую палатку. Молодой женщине хватило смелости бросить на этот импровизированный батут сначала ребенка, а потом и прыгнуть самой. Благодаря крепким рукам солдат все обошлось благополучно, если, конечно, не считать того, что при приземлении женщина прорвала брезент и сломала ногу.

В это же время старший лейтенант Дмитрий Михайлов, лейтенант Михаил Камецкий, прапорщик Сергей Зеленевский, сержант Алексей Березин, рядовые Денис Кузнецов и Владимир Ковешников вбежали в подъезд, поднялись по лестнице и взломали дверь горячей квартиры. В дыму им удалось найти и вынести двоих мужчин, находившихся уже без сознания.

Все военнослужащие, проявившие отвагу на пожаре, представлены к награждению медалью "За спасение погибавших".

В ГЛАВНОМ управлении командующего внутренними войсками МВД России состоялась презентация книги Бориса Кар-

пова и Олега Смирнова "ВВ: кавказский крест". Впервые в войсках труд военных журналистов чествовался на столь солидном уровне. На презентацию пришли солдаты, офицеры, генералы, ветераны войск, журналисты. Среди приглашенных — Герои России полковник Александр Никишин, подполковник Олег Кублин, лейтенанты Виктор Величко и Виталий Бабаков, жена генерал-полковника Анатолия Романова Лариса Васильевна, бывший командующий внутренними войсками генерал армии Иван Кириллович Яковлев. Нашел время для встречи с авторами книги министр внутренних дел генерал армии Анатолий Куликов.

Началось все с минуты молчания. Зал замер. На электронном табло стали мелькать фамилии погибших в Чечне, скорбный список которых напечатан в книге. Никогда еще так долго не длилась эта минута.

В своем выступлении один из авторов книги полковник Борис Карпов воздал дань уважения русским солдатам: "Для меня наш солдат — это что-то святое, икона, на которую я готов молиться. Эта книга написана ими, павшими и живыми, и она и посвящена". Борис Васильевич поблагодарил командование войск за помощь и поддержку в издании книги, сказал самые добрые слова в адрес издательства "Война и мир" и его главного редактора сержанта запаса Андрея Эдокова.

Встреча двух солдат, двух Эдуардов, Успенского и Мифтафутдинова, воевавших в составе софринской бригады, стала одним из самых трогательных моментов на презентации. Два года они не видели друг друга, и вот — встреча боевых друзей. Крепко, по-мужски обнялись. Все присутствующие в зале зааплодировали, прекрасно понимая, что значит для каждого из них эта встреча. Эдуарду Мифтафутдинову была вручена почетная медаль "Снайпер спецназа", учрежденная "Братством "краповых беретов" "Витязь".

Очень высоко оценил книгу министр внутренних дел Анатолий Куликов. В своем выступлении он подчеркнул, что это первая серьезная книга, в которой столько правды о чеченской войне.

Полковник налоговой полиции известный писатель Николай Иванов, проводивший несколько месяцев в чеченском плену, объявил присутствующим, что Ассоциация писателей баталистов и маринистов, первым вице-президентом которой он является, решила выдвинуть "Кавказский крест" на соискание ежегодной премии имени Константина Симонова.

**Подготовил
подполковник В. ПАНЧЕНКОВ.**

Есть мнение

В канун 50-летия Победы мне нужно было встретиться с известным ветераном-фронтовиком, участником Парада Победы. На свидание со мной он пришел в ближайшую к его дому нашу воинскую часть. Заместитель командира по воспитательной работе предложил нам побеседовать в библиотеке. «В кабинетах народ снует, телефоны трезвонят, а там тихо, никто вам не помешает», — заметил он. И действительно, три с лишним часа мы мирно и чинно предавались воспоминаниям, устроившись в углу за столиком в окружении книжных шкафов и полок. Рядом возвышались подшивки газет и журналов. На стендах красовались книжные новинки, литература к юбилею Победы. За

ЧТОБ С КНИГОЮ НЕ РАЗМИНУТЬСЯ...

О солдатском чтении, о библиотеках частей я уже писал лет эдак десять-двенадцать назад. Но никогда, пожалуй, проблема не выглядела столь удручающе и тревожно, как сейчас. Вновь взяться за перо побудили меня некоторые свежие факты. Особенно один из них — внешне, казалось бы, такой идиллически тихий, не будоражащий воображение...

своим столом смиренно, не вмешиваясь в нашу беседу, сидела и хозяйка этих апартаментов — молодая женщина, обаятельная и обходительная. Раза два или три она куда-то выходила, возвращалась и продолжала скучать без дела.

Вот тут-то сам собой и возник вопрос: что же это за библиотека, если за несколько часов сюда не наведальась ни одна живая душа? Когда я, уже прощаясь, спросил об этом устраивавшего нашу встречу подполковника, тот ответил, что сейчас, дескать, время занятий, личный состав

освободится лишь к вечеру, тогда-то солдат и сможет зайти сюда.

Но когда? На табличке, прикрепленной к дверям, четко значилось, что с 17 час. 45 мин. библиотека уже на замке.

Я не стал расспрашивать библиотекаршу, сколько у нее читателей, что их особенно интересует сегодня. Все было ясно и так: кроме вранья ничего не услышу. Но зачем мне оно? У меня на этот счет уже хватало горестных наблюдений в предыдущие годы.

Помню, как в старое доброе время, когда существовали еще армейские политорганы, во всех докладах о состоянии политико-воспитательной и культурно-просветительной работы непременно указывалось, что к услугам воинов такое-то количество библиотек с таким-то книжным фондом, что для них выпивается столько-то газет и журналов. Цифры звучали всегда внушительно. Но что стояло за ними? Об этом каждый догадывался в меру своего разумения.

Не надо лукавить. И тогда такие "мелочи", как солдатское чтение, пропаганда хорошей книги, особенно никого не волновали. Как не волновал, к слову, такой "малозначительный" на фоне цифровых нагромождений факт — отсутствие библиотек во многих небольших частях, например, в отдельных батальонах, где библиотекарь не предусмотрен по штату.

Знаю также, что библиотеками многие начальники, в том числе и полковые замполиты, интересовались постольку поскольку. Потому что среди них самих, по моим наблюдениям, истинные книголюбцы и книголюбы встречались крайне редко.

Бывая в частях, я всегда старался не обойти своим вниманием библиотеку. Об этом хорошо знали командиры и политработники, и поэтому к очередному моему приезду в часть пыль и паутина из библиотечных углов выметались. При любом дефици-

те времени я стремился поговорить и с библиотекарями, и с военнослужащими, оказавшимися в те минуты у книжных полок.

Среди полковых библиотекарей в разных городах страны были у меня самые настоящие друзья, единомышленники. Например Мария Ивановна Дзюба, чудесный человек, обаятельная женщина, страстно влюбленная в свое дело. Она заведовала библиотекой старейшего полка дивизии имени Дзержинского.

Мария Антоновна Савельева. Она трудилась не в столице, а на периферии, куда мне по служебной надобности довелось приезжать раз пять или шесть. Но заходя к ней, я чувствовал себя по-праздничному, отдыхал душой. Все здесь было прекрасно: много увлеченных читателей, богатый, открытый для людей книжный фонд, редкостный, сотворенный заботливыми женскими руками уют. И что, конечно, самое главное — душевное расположение Марии Антоновны к каждому входящему в это книжное царство...

О Марии Антоновне, о том, как она доходила до каждого солдата и как те по-сыновьи ее любили, можно было бы рассказывать до бесконечности долго. Но вот что примечательно. Этой замечательной женщине показалось мало хлопот с одной библиотекой, и она добилась, чтобы в части открыли книжный магазин. Да, да, не секцию, не уголок в военторговской точке, а отдельный, совершенно самостоятельный магазин! И он, посрамив скептиков, сомневавшихся в рентабельности, оправдал себя: в том полку книгу ценили, за ней буквально охотились. И все это, без преувеличения, благодаря Марии Антоновне.

Когда я в последний раз зашел в знакомую библиотеку, Савельевой там уже не встретил. Она скончалась, всего-то с полгода пробыв на пенсии. Полгода... А в ее библиотеке стало все не так. Хотя, как и прежде, стояли

забитые до отказа стеллажи, глядели со стен знакомые картины и чеканки. Даже взлелеянные Марией Антоновой цветы не успели засохнуть. Но усох, начисто иссяк солдатский поток. Место библиотекаря заняла юная особа — дочка одного дивизионного начальника, не прошедшая по конкурсу в институт и пристроенная сюда для обзаведения трудовым стажем. Запись в трудовой книжке у нее, разумеется, появилась, а вот какова от этого польза библиотеке?

Осторожно, исподволь, чтобы не задеть самолюбие собеседницы, напомнил ей о предшественнице, не чаявшей души в своем деле. Реакция оказалась обескураживающе агрессивной:

— Мне и до вас уши прожужжали: Марья Антоновна да Марья Антоновна! Подумаешь, уникам! Книжки выдавать ума много не надо.

— А вам не кажется, что этим вы и себя, и свой труд принижаете? — спросил я.

— Так я и не рвусь в знаменитости, — отрезала собеседница.

Продолжать разговор было бессмысленно. Оставалось разве что пожалеть солдат и офицеров полка, понесших поистине невосполнимую утрату. Из храма духовности их библиотека превратилась в затхлый склад с недобрым кладовщиком. И все же, уходя, я поинтересовался: сколько человек регулярно посещают библиотеку и что чаще всего спрашивают?

— А что кому нравится, то и берут. Выбор есть, — и она показала на стопки книг, лежавших перед ней на столе.

Выбор, однако, оказался небогатым, случайным и ничем не оправданным. Заметил я, что свободный доступ к полкам, оснащенным тематическими указателями, закрыт — перегороден плотно составленными столами. Осторожно намекнул на нежелательность этого новшества и снова получил сокрушительный отпор:

— За материальные ценности отвечаю я, и следить за каждым, пока он шарит по стеллажам, не хочу. Если кому надо что-то конкретно, пускай попросит — я поищу сама.

А все-таки верно сказано: не место красит человека!

Мне уже приходилось печатно спорить с автором одной установочно-директивной статьи, родившейся в недрах руководящего штаба библиотечной системы Министерства культуры. Утверждалось в ней, притом безапелляционно, как некая аксиома, что главное в любой библиотеке — фонды. Я же всегда думал и не разуверился до сего дня, что главное все же — человек, который стоит между книгой и читателем.

Случайные люди за барьером... Сколько их я встречал в библиотеках, как огорчала их нелюбовь к книге, равнодушие к читателям да еще подчас и махровое невежество. Фазиля Искандера считают то ли французским, то ли испанским писателем, не видят разницы, извините за фривольность, между Гильеном и гальюном, а поди ж ты — сколько в них спеси, непомерного гонора! Одну такую особу я бы с удовольствием отдал на съедение самым злым сатирикам.

За плечами у нее был ветеринарный техникум и... муж — начальник штаба полка. Он-то и пристроил супругу в книжный храм. Когда же, поговорив с ней по существу, я деликатно попытался внушить, что она просто не на своем месте, та с видом оскорбленного достоинства принялась меня просвещать, как следовало бы относиться к слабому полу...

Ну а как быть с читателями, страдающими от околочного фельдшера?

В том полку я беседовал с солдатами одной из рот — собралось человек пятьдесят. Прослужив здесь год и больше, подавляющее большинство из них о библиотеке

слухом не слыхивали и книг, понятно, не читали. И в роте, и в караульных помещениях, где они проводили значительную часть времени, никакой литературы, кроме уставов и наставлений, не видели. И ни ротным воспитателям, ни заведующей библиотекой до всего этого не было никакого дела.

С той поры немало воды утекло. А что говорить теперь, когда и газету-то в роте не всегда встретишь?! Разумеется, тут многое связано с общим положением в государстве, особенно с проблемой финансирования. Репутация нашей страны как самой читающей в мире канула в вечность. Оказалось, что мы самые-самые отнюдь не в чтении, а в чем-то совсем другом — скажем, в воровстве, пьянстве, торгашестве... А для жизни по западным образцам и стандартам, к чему мы так резво было устремились, у нас, по меткому замечанию одного остролова, готовы были только ложки.

Ведь не читают сегодня даже те, кто создает интеллектуальные ценности, — писатели, журналисты и прочие “мастера идеологической кухни”. На вопрос анкеты “Литературной газеты” один из членов СП заявил: “За последние пять лет я не прочитал ни одной книги”. Без смущения признался и такой известный писатель, как Даниил Гранин: “Уже не помню, когда брал в руки какую-либо беллетристику”.

Случилось и мне в редакции одного литературно-художественного журнала опросить с десяток его сотрудников: кто прочел последний роман Виктора Астафьева, о котором они, между прочим, с чужих слов не прочь суждение иметь. Так ни один не читал!

Что же мы в таком случае хотим от солдата, которому по множеству причин книга вообще сегодня недоступна?!

Естественно, и наша самая читаю-

щая в мире армия не избежала общей прискорбной участи — стала армией нечитающей или читающей крайне мало. А ведь отношение к книге, к читателю всегда служило мерилом культуры общества.

Читателями не рождаются. Ими становятся. Сетовать на объективные обстоятельства и трудности, на хаос и неразбериху, царящие во многих сферах нашей действительности, проще всего. Надо думать, действовать, искать. Помочь каждому человеку не разминуться с нужной книгой, отвергнув низкопробный ширпотреб.

Сделать чтение и жизненной потребностью, и удовольствием, и творчеством, а не пустым времяпрепровождением должны и могут прежде всего библиотеки. Они не вправе ждать, когда финансирование станет идеальным, предельно насытятся фонды, чтобы только после этого заняться читателем по-настоящему.

Слов нет, без книги нет библиотеки. Но как ни парадоксально это звучит, библиотеки может не быть и при изобилии литературы в хранилищах. Какими бы фондами библиотеки ни располагали, какими бы интересами ни поражали наше воображение архитекторы и дизайнеры, сколь бы ни внедряли в обслуживание АСУ и ЭВМ, библиотеки не будет до тех пор, пока между книгой и читателем не встанет знающий, умный, внимательный, влюбленный в книгу человек.

**Генерал-майор в отставке
И. БЕЛИКОВ.**

Документ с комментариями

ГЛАЗА И УШИ АРМИИ

Вот и отдали Чечню. Не будем размышлять над извечными вопросами "кто виноват?" и "что делать?". Это тема отдельного большого разговора. Подчеркнем лишь одно: оправдались, на наш взгляд, прогнозы тех, кто утверждал, что невозможно победить сепаратистов на Кавказе без привлечения казаков, использования их многовекового опыта борьбы с коварным и жестоким противником.

А когда-то казаков ценили. Да еще как! Военно-политические руководители России даже представить себе не могли, что на войне без казачьих войск можно обойтись. И казаки всегда оправдывали свою боевую репутацию. Особенно незаменимы были они в малых войнах. Как умелых охотников их постоянно использовали также и в охране, и в службе пикетов, дублировавших пехотные полевые караулы. Кстати сказать, организация охранения, как показал опыт боевых действий в Чечне, была одним из самых слабых мест в подготовке федеральных войск. И Грозный потеряли именно из-за этого. Так давайте же вспомним, как правила службу наши предки, выполняя роль глаз и ушей армии, – авось пригодится!

Из Полковой инструкции для Войска Донского

(Положение об управлении
Войском Донским.
СПб., 1835, с.277-285).

ПИКЕТЫ

153. В военное время останавливающийся полк или отдельная команда обводятся пикетами, которые ставятся по усмотрению начальника оных... в таких местах, чтобы часовые видели впереди себя на большие расстояния, а сами были сколь можно скры-

* В первой половине XIX в. только часть рядовых каждой сотни донских казачьих полков была вооружена ружьями, но каждый казак имел пистолет, носимый вместе с патронной лядушкой на особой португее – пантареле, где он крепился с помощью ременной петли и карабина. Офицеры, как и в армейской кавалерии, имели парные седельные кобуры.

ты. Часовой об опасности дает сигнал пистолетным выстрелом*. Пикетные тотчас садятся на коней. По сигналу сему начальник пикетов, узнав

обстоятельно о движении и направлении неприятеля, извещает все подчиненные ему пикеты, с назначением для них сборного места, доносит о том, что усмотрит и что уже случилось, полковому командиру и ожидает его приказаний. Между тем, не упуская неприятеля из виду, обязан удерживать его и причинять всевозможный вред.

154. Пикеты и по самой крайней нужде должны состоять не менее как из трех человек, а полезнее учреждать оные всегда из пяти, дабы никогда и ни почему не оставался при пикете один казак и чтобы донесения могли вернее доходить к начальнику.

155. Всякая самовольная отлучка с пикета или заставы есть преступление важное и наказывается по строгости закона.

156. Пикетам между собою, особенно в ночное время, иметь частые разъезды; начальнику же пикетов на середине линии пикетов позади оных учредить заставу, которая служит для них подкреплением.

157. Когда полк, находящийся при отряде, или часть одного командированы будут для содержания передовой цепи, охраняющей спокойствие расположенного позади войска, то высылаемые пикеты, имея своих часовых, на известном расстоянии составляют непрерывную линию, через которую бы никто с неприятельской стороны... украдкой пройти бы не смог.

158. Пикеты и их часовые ставятся, как сказано, в таких местах, с которых они, не быв примечаемы неприятелем, могут видеть и охранять все дороги и даже малейшие стези, ведущие к неприятелю, и чтобы движению их, наипаче отступательному, ничто не препятствовало. Для сего предварительно осматриваются все места с величайшим вниманием, и в тылу пикетной линии ни одно незанятое дефиле или узкое место отнюдь не оставляется, равно и сообщение между оными (т.е. между пикетами. — Ю.С.) для разъездов должно быть свободное.

159. Часовые выставляются в таком

расстоянии, чтобы днем могли видеть ближайших к себе других часовых, а ночью — чтобы пикетные слышали пистолетный выстрел даже и при противном ветре. Посему всего удобнее стоять им днем на возвышениях, с которых свободно во все стороны смотреть могут; при начале же вечера соединять их с цепью пикетною (в том случае, если пикеты расположены в чистом поле или среди леса. — Ю.С.) и всех вообще приближать к своим заставам, располагая так, чтобы они смотрели в гору и на дороги. В ночи же весьма светлые поступать, как днем.

Учитывала инструкция и особенности гидрографии полосы обеспечения. Если там имеются водные преграды — болота, речки, каналы, арыки, то ночью часовые обязательно должны занимать их берег.

Смена пикетов (п.160) производилась обычно на рассвете. Офицер, возглавляющий новую смену, расставлял свои пикеты и часовых, заново оценивая местность, под прикрытием старой пикетной цепи, после чего она снималась.

Обязанности лиц, назначенных в пикеты (п.161), состояли в следующем: немедленно доносить начальнику охранения о любом движении неприятеля. Начальник по получении известия должен был по возможности лично удостовериться в точности донесения. Всякое лицо, оказавшееся вблизи аванпостов, подлежало задержанию и доставлялось пикетными на заставу. При подходе нескольких лиц часовой останавливал их и, оставаясь на месте, уведомлял пикет обычным способом. К этой группе вызывался офицер с заставы.

Часовой должен был пребывать в постоянной готовности к отражению внезапного нападения. После выстрела часовому, оставшемуся с одним холодным оружием, предписывалось отступить к своему пикету.

Казак, оставшийся в пикете, также постоянно вели наблюдение в направлении противника, особое внимание обращая на дороги.

Характерной особенностью пикетной службы являлось то, что в ночное время между пикетами непрерывно патрулировали одиночные конные казаки, выделяемые из их состава, «дабы через них никто не мог прокрасться».

Порядок применения оружия часовыми за более чем полтора столетия практически не изменился и изложен в тех же формулировках, что и в современном УГКС, но в отличие от современного часового, гуманно предупреждающего: «Стой! Стрелять буду!», часовой пикета с единственной семилинейной круглой пулей в стволе, уверенно заявлял: «Стой! Застрелю!» После выстрела по нарушителю немедленно отправляли посыльного из числа пикетных на заставу.

На заставе, как и в пикете, личный состав находился в постоянной боевой готовности. По мнению многоопытных составителей инструкции, у находящихся на заставе «всякая мысль о покое и отдыхе должна исчезнуть и ни отдаленность неприятеля, ни все взятые против него предосторожности не должны никоим образом увлекать к беспечности». Огни пикетам ночью разводить запрещалось.

Среди обязанностей лиц, несущих пикетную службу, в пункте 10 записано весьма странное, на современный взгляд, положение: «Офицер, ищущий случая задирать неприятеля, показывает тем одну безрассудную запальчивость, которая может нанести беспокойство и опасение стоящему позади него войску, подвергает себя неминуемому взысканию».

Пункт 11 запрещал передовым постам «искать столкновений с неприятелем без крайней необходимости», под которой имелось в виду удерживать его «на столько времени, сколько потребно для приведения главных сил в боевой порядок», всячески стараясь не дать себя отрезать от них.

Если же казачьим пикетам приходилось под давлением превосходящих сил противника отходить вместе с пехотными караулами, обычно находящимися позади, то им предпи-

сывалось поддерживать друг друга, тщательно оценивая условия местности, через которую приходится проходить.

При наступлении неприятеля казачьи пикеты никогда не должны были выжидать его нападения, оставаясь на месте, но всегда, известив о том свою заставу, выступать ему навстречу, собравшись в более крупные группы (разъезды). При подобных действиях в дневное время часть людей из таких групп высылалась для непосредственного соприкосновения с противником путем фланкирования* с его передовыми подразделениями, что позволяло начальнику пикетов выиграть время и выяснить его силы.

Если противник сгонял фланкеров, то они должны были примкнуть к своим командам, которые строятся лавой, как бы для атаки, «чтобы держать в опасении его фланкеров, но с отрядом его в дело отнюдь не вступают», если не имеют численного перевеса. Отходить же пикеты должны были по возможности медленнее.

Одно старинное правило представляется нам здесь весьма актуальным: теснимое неприятелем казачье охранение должно «избегать селений и стараться обходить оные стороной; если же крайность понудит пройти через селение, то производит сие поспешно».

Отходящим пикетам предписывалось также всячески стремиться повести преследователей под огонь своей пехоты для того, чтобы, воспользовавшись возникшим замешательством, быстрым ударом захватить пленных.

В ночных условиях пикеты не должны были отступать сразу же после сигнального выстрела часового, так как он мог быть вызван незначительным происшествием, как, например, приближением неприятельского до-

* В эпоху гладкоствольного стрелкового оружия отдельные стрелки, т.н. «фланкеры», выдвигались во фланг линии наступающего строя противника для фланкирования, т.е. обстрела вдоль его фронта, чем создавалась большая площадь, поражаемая одним выстрелом (особенно картечью, из мушкетона), и наносились наибольшие потери.

зора. В этом случае начальник заставы должен был, оповестив вышестоящего начальника, с частью казаков заставы выдвинуться вперед и с помощью пикетов захватить неприятельских дозорных или разведчиков.

Если же противник превосходящими силами наступает ночью, то пикетам следует снимать часовых и отходить к заставе или за пехотные караулы.

В случае общего отхода или, наоборот, наступления наших войск – пикеты должны были всячески обеспечивать скрытность наших действий. При отходе войска пикеты «остаются на занимаемых местах до истечения назначенного времени, а тогда... отступают вслед за войском, буде можно скрытными путями и без малейшего шума, стараясь утаить от неприятеля направление свое».

В заключение – еще один полезный совет ветеранов наполеоновских и множества иных войн, сформулированный составителями данной инструкции: «Хитрости, употребляемые неприятелем для обмана, часто открывают прямые его намерения». Так, во времена бронзовых единорогов «необыкновенное множество огней, видимое в неприятельском стану, иногда значит, что он собирается или собрался уже уйти». Теперь никто, конечно же, не станет жечь костры в пределах досягаемости огня противника, но принцип остается прежним – часовым охранения, ведущим наблюдение за противником, как и тогда, важно выявить и учесть перемены в его поведении. «Удвоенные неприятельских постов и большое движение в оных почти всегда есть признак отступления. Совершенная тишина и объезды офицеров весьма часто предвещают наступательное действие». Главное состоит в том, что «офицеры, командующие пикетами, соображая все сии признаки, должны удостовериться в истине намерения неприятеля с совершенною точностию».

Наряду с организацией службы важное значение придавалось заботе о

сохранении здоровья личного состава.

О СПОСОБАХ СБЕРЕЖЕНИЯ КАЗАКОВ

228. Полковым командирам и сотенным начальникам вменяется в неизменную обязанность неусыпно пещись о сбережении здоровья казаков.

229. В таких местностях, где влияние воздуха и вода производят болезни, к предупреждению оных приемятся все средства, сообразно с местными опытами и наставлением врачей.

230. В лагерном и квартирном расположении командиры смотрят, чтоб казаки содержали себя в опрятности и чистоте и отнюдь не оставались в бездействии, расслабляющем здоровье; а во время жестоких морозов чтоб сколько можно сокращаемы были посылки оных.

232. Полковые командиры и сотенные начальники всеми мерами и строгостию наказания воздерживают казаков от поводов к развратной жизни... и как на квартирах, так и в лагере почасту лично осматривают нижних чинов и благовременно отворачивают последствия появляющихся между ними болезней.

236. Сотенные начальники и офицеры лично осматривают каждого заболевшего из нижних чинов для удостоверения: не уклоняется ли он от службы или не происходит ли болезнь его от неопрятности. В первом случае наказывают самого ложно сказывающегося больным, а в последнем – того урядника, в части коего находится заболевший.

Они должны навещать больных своих не только в сотнях, но и в госпиталях, буде они не отдалены.

**Подготовил к печати
подполковник запаса
Ю. СУХАРЕВ,
преподаватель
Военного университета.**

Белые пятна истории**“БЕЗЫМЯННЫЙ ЛАТЫШ”
ИЗ РАССТРЕЛЬНОЙ КОМАНДЫ**

*“...Когда вся власть была в руках
Рабоче-Крестьянского правительства,
и царь был у нас на замочке...”
Яков Юровский. “Исповедь палача”.*

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге разыгралась, пожалуй, одна из самых страшных трагедий отечественной истории — в доме местного инженера Ипатьева был расстрелян последний российский самодержец и его семья. Вот уже без малого 80 лет вокруг событий той кровавой ночи кипят страсти и не утихают споры. Для одних убийство “помазанника Божия” — бесчеловечная жестокость, для других — революционная целесообразность...

Вроде бы подробности расстрела царской семьи уже достаточно хорошо известны. Трагические события описаны во многих публикациях и документальных исследованиях. Известны и большинство имен палачей, бесстрашно разрядивших свои “ревнаганы” в Николая II, его жену и детей. Вот они, главные действующие лица: один из вождей Красного Урала Александр Белобородов (по некоторым сведениям, настоящая фамилия сего “пламенного” революционера Вайсбард), комендант Ипатьевского дома всегда с брезгливо опущенными уголками рта Яков (Янкель) Юровский, охранник Павел Медведев, комиссар с пышной “анархистской” шевелюрой и безумно горящими глазами профессионального террориста-боевика, гордо именовавший себя “политкаторжанином”, Петр Ермаков...

Тем не менее в этой кровавой истории все еще немало тайн и загадок. Одна из них — численность “растрельной” команды. Не выяснены пока все личности неких безымянных “латышей из ЧК”, входивших в ее состав. О них неоднократно упоминают все исследователи, пытающиеся пролить свет на последние дни жизни Николая II. Говорит о латышах и Эдвард Радзинский в своей книге “Господи... Спаси и умири Россию”.

Заветным ключиком к неожиданным архивным находкам послужили воспоминания организатора физического уничтожения царя и его семьи Янкеля Хаимовича Юровского. Манускрипт, написанный в 1922 году тюремщиком последнего самодержца, пролежал в одном из секретных партархивов за семью печатями целых семь десятилетий. Что-то, а хранить тайны большевики умели. Особенно те, что выставляли власть предрержащую в неприглядном виде.

Как-то совершенно случайно в руки попался самый первый номер журнала “Источник”, который начал выходить совсем недавно — с 1993 года. На его страницах впервые и увидела свет «Исповедь палача». Автор пишет, что в первых числах июля 1918 года большевистский Уралсовет доверил ему, члену коллегии губчека, особо важное задание — занять пост коменданта Ипатьевского дома, кото-

рый уже два месяца являлся местом заточения царской семьи.

Революционные вожди Урала, тщеславно осознавая свою “историческую” миссию, к делу подошли со всей ответственностью: последнее пристанище бывшего императора официально назвали “домом особого назначения”, охрану — “отрядом особого назначения”, эшелон, в котором перевозилась царская семья в Екатеринбург, — “поездом специального назначения”, а перевозимых членов семьи — “грузом особой важности”. До мельчайших подробностей и, на удивление, профессионально была продумана и охрана Ипатьевского дома. Она делилась на внешнюю и внутреннюю. Причем контакты между внешними и внутренними охранниками были сведены до минимума. Уралсовет и губчека уделяли этому первостепенное внимание. Иначе нельзя. Задание особой важности, на контроле у самого вождя мирового пролетариата...

Получив назначение, Юровский прежде всего ужесточил режим содержания царственных узников, усилил наружную охрану дома. Прежний комендант — бывший слесарь Авдеев — не оправдал высокого доверия. Он оказался слишком беспечным и снисходительно смотрел на частые пьянки среди охранников. Особенно злоупотребляла этим внешняя охрана, состоявшая из бывших рабочих.

Юровский в новой должности оказался на высоте. Он в короткие сроки провел чистку среди своих подчиненных, убрал нерадивых. Внутреннюю стражу заменил полностью, выставил на посты “молчаливых латышей с револьверами и бомбами”. Но и этого для надежности охраны ему показалось мало. Кроме ручного огнестрельного оружия и гранат латыши были вооружены еще и пулеметами. Пулеметные расчеты располагались так, чтобы держать под перекрестным огнем все подступы к зданию и внутренние проходы и коридоры. На всякий случай.

“Таким образом я организовал внутреннюю охрану, — с гордостью писал в своих воспоминаниях комиссар Юровский, — назначил новых пулеметчиков, одного из них я особенно помню, товарищ Цальмс (латыш), фамилии остальных товарищей в настоящее время не припомню...”

Хотя Юровский и искажил немного

фамилию, тем не менее появилась маленькая зацепка — личность одного из “суровых” латышей-охранников. Через него удалось разыскать некоторые документы, проливающие свет на других участников, которые долгие годы оставались в тени таких важных действующих лиц драмы в Ипатьевском доме, как Юровский и иже с ним. Наиболее ценная находка — копия краткой автобиографии, написанной человеком, так запомнившимся автору “Исповеди палача”. Выяснилось, что настоящая фамилия “латышского товарища” — Целмс Ян Мартинович (Мартынович). К счастью, нашлась и его фотография двадцатых годов. На старом, но, на удивление, хорошего качества снимке сидит в плетеном кресле эдаким Бонапартом браваый молодой человек: нога на ногу, в военном френче, с лихо закрученными гвардейскими усами и аккуратным лакейским пробором на голове. В руках — газета латышских большевиков “Циня” (“Борьба”). Взгляд убежденного борца за революционное переустройство общества. Юношеские годы Яна Целмса пришлось на “эпоху великих перемен”.

Родился Ян Целмс, как свидетельствует он сам, в Курляндии в 1892 году в семье безземельного крестьянина-батрака. Батрацкая доля горька. Семейство Целмсов должно было бы бедствовать. Однако самостоятельно зарабатывать на хлеб насущный юноша начал лишь с восемнадцати лет. Знать, у главы семьи Мартина Целмса хватало средств, чтобы прокормить отрока до совершеннолетия.

В 1910 году Ян устроился работать кочегаром в Рижском уезде у местных мелких предпринимателей. В революционное движение его, видимо, еще не тянуло, так как в биографии об этом не сказано ни слова. В 1913 году крепкого латышского парня забрали в солдаты. Службу государеву довелось править в одной из самых престижных частей — в лейб-гвардии Кирасирском полку — под крылышком у царя, в благоустроенных казармах, на улучшенном рационе и в перwokлассном обмундировании.

Незаметно пролетели три года. Дабы несколько поправить положение на фронте, последовало “высочайшее соизволение” о формиро-

вании латышской стрелковой дивизии. Предполагалось, что солдаты-латыши будут биться с немцами на смерть за свои родные края.

На пополнение соединения личным составом из других частей были откомандированы офицеры и нижние чины, уроженцы Курляндской губернии. И стал кирасир его императорского величества Ян Целмс солдатом 8-го Валмиерского стрелкового полка. Участвовал в боях с немцами, на фронте вступил в партию большевиков. А “в феврале 1918 года, — пишет в автобиографии латышский стрелок, — под натиском немецких войск наша часть распалась на мелкие группы, и я в числе других солдат царской армии перебрался через Ладожское озеро и, будучи гражданским человеком, уехал к брату в Омск”.

На чужбине бывший латышский стрелок, а теперь “гражданский человек” не растерялся. Он сумел сориентироваться в политической обстановке, понял, за кем будущее, и выбрал правильный курс. Вступив в Красную гвардию, Ян Целмс получил назначение на должность начальника охраны так называемого Дома республики — в нем разместилась новая омская власть. Вновь служба в теплом, по меркам революционного времени, местечке, с неплохим пайком и при начальстве.

Но вскоре под напором колчаковцев и белочехов пришлось в срочном порядке из Омска переехать в Екатеринбург. А здесь новое назначение — начальником внутренней стражи “дома особого назначения”. И вновь служба при царе, как много лет назад. Только теперь в другом качестве — тюремщиком того, кому некогда присягал служить, не жалея живота своего.

Целмс на хорошем счету у первых лиц Красного Урала. Личное доверие главного надзирателя Николая II — Якова Юровского, покровительство самого Рейнгольда Берзина — земляка Целмса, командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом (затем 3-й армией). А это немаловажно.

По данным ЧК Екатеринбурга, контрреволюционные силы “мечтали во что бы то ни стало” освободить из заточения Николая II и членов его семьи. А посему Рейнгольд Берзин, полагая, что “этот высокопоставленный

узник является выгодной приманкой для всяких отбросов царской империи", держал под личным контролем все, что было связано с охраной и содержанием под стражей бывшего царя.

Начальник внутренней охраны Ипатьевского дома Ян Целмс, по сути, имел двойное подчинение. Через коменданта Я.Юровского — он подчинялся губчека, а как боец особого отряда 3-й армии — командарму Рейнгольду Берзину.

К автобиографии Яна Целмса канцелярской скрепкой подколоты несколько листов машинописного текста — воспоминания одного из участников июльской трагедии 18-го года. Они без подписи. Но с огромной долей вероятности можно предположить, что принадлежат они еще одному "красному латышскому стрелку", причастному к расстрелу царской семьи.

Это Ян Свикке — правая рука самого Рейнгольда Берзина. Сделать такой вывод позволяет то, что изложенные в тексте факты и фамилии участников встречаются в автобиографии Целмса и воспоминаниях его жены — Полины Васильевны. Свикке был не последним человеком в руководстве 3-й армии — занимал должность комиссара особого отряда. Этот отряд обеспечивал охрану не только штаба, но, по-видимому, и личную безопасность командующего Рейнгольда Берзина. Именно из состава этого отряда и была выделена латышская охрана Ипатьевского дома.

Вот что Свикке пишет о том, как Ян Целмс организовал охрану царя: "Нас с командующим армией т. Берзиным встретил начальник внутренней охраны т.Целмс Я.М., отрапортовавший о состоянии и наличии заключенных... После рапорта начальник внутренней охраны повел нас на осмотр помещений заключенных. Первое, что бросилось в глаза при входе в помещение, был наведенный через открытые двери пулемет, у которого спокойно сидел пулеметчик..."

Берзин и Свикке, видимо, остались довольны системой охраны — в случае "острой необходимости" вся царская семья, несомненно, будет моментально уничтожена пулеметным огнем. Удовлетворенный командарм снисходительно разрешил проветривать помещение через заре-

шеченную форточку. А Целмсу приказал доносить обо всех разговорах с царственным узником. Тот добросовестно исполнял указания своего начальства.

Один из словесных контактов Целмса с царем скрупулезно зафиксировал Свикке в своих воспоминаниях: "В одну из своих прогулок Николай II обратился к Целмсу Я.М. с вопросом, откуда он родом, где раньше служил и пр. При этом предлагал закурить с ним сигареты. Получив от т. Целмса Я.М. ответ, что он раньше служил кирасиром лейб-гвардии его величества и охранял его в Царском Селе... Николай II полагал, что ему удастся склонить Целмса на свою сторону, пытался обработать его своими наивными различными вопросами...". По свидетельству Свикке, царственный узник, якобы вербуя бывшего лейб-кирасира, в разговоре предлагал ему выкурить дорогие сигареты и даже пытался одарить серебряным портсигаром. Возможно, заядлый курильщик и не нашел бы в себе силы отказаться от такого подарка. Но только не Целмс. Он категорически отверг все предложения царя и сразу же обо всем доложил одному из своих начальников — красному комиссару Свикке. "Мы, — писал Ян Свикке, — ничего кроме отвращения к нему (Николаю II. — **Н.С.**) в тот момент не испытывали".

Естественно, с таким чувством Ян Целмс легко разрядил свой револьвер в "кровавого тирана" и в его малолетних детей. "Рук, протянутых с револьвером в сторону казнимых, — позже вспоминал один из расстрельщиков Алексей Кабанов, — было так много и они были так близки друг к другу, что впереди стоящий получал ожог тыловой стороны кисти руки от выстрелов позади стоящего соседа".

Кровавая вакханалия длилась не более получаса, но отзвуки ее не умолкают. Историки продолжают по крупицам собирать свидетельства, подробности, проливающие свет на события июльской ночи 18-го года. Теперь нам известны имена еще четырех человек, чьи руки с револьверами тянулись в сторону казнимых — имена тех самых "молчаливых латышей" из особого отряда 3-й армии. По свидетельству комиссара отряда Яна Свикке, это уже известный нам

Ян Целмс, начальник внутренней охраны Ипатьевского дома, и три верных его бойца — Карл Круминьш, Идриксон и Каякс...

О том, как сложилась дальнейшая судьба Яна Целмса, мы можем судить только по его автобиографии. После расстрела царской семьи его назначили начальником охраны типографии штаба 3-й армии. Затем Целмс добросовестно выполнял "особые оперативные задания" реввоенсовета армии. Какого характера были эти задания, Целмс умалчивает. Но о смысле их нетрудно догадаться.

В конце 1919 года Целмс оказывается на Западном фронте. Здесь он тоже привлекается к "исполнению особо важных оперативных заданий". На сей раз их заказчиком является Разведупр Реввоенсовета Республики. О том, что это были за задания, нет упоминаний ни в одном документе. По-видимому, их смысл заключался в сборе оперативной информации на занятой белобандитами территории Латвии и Эстонии, выявлении неблагонадежных в армейских рядах, физическом устранении неугодных лиц и проведении терактов. В 1920 году Целмс служил в особом отделе 15-й армии, которой командовал бывший штабс-капитан эстонец А.И.Кукк. Во время войны с белополяками меткий латышский стрелок возглавлял пулеметную команду, затем ликвидировал бандитизм на территории Белоруссии. Служил добросовестно, все задания выполнял беспрекословно, но, как это зачастую бывает, командование почему-то его не отметило ни орденом, ни другой революционной наградой.

В конце 1921 года Целмса свалила болезнь войн и революций — сыпной тиф. После длительного лечения он снова вернулся в часть. Но здесь уже другие лица. Бывшего специалиста по "спецзаданиям" никто не знает, его нигде не берут на службу. С мечтой стать чекистом или военным пришлось расстаться. Вместе с тем еще одна неприятность — из-за длительной болезни автоматически выбывает из слюченных подразделов. Ян Целмс становится рядовым совслужащим. Работает в московском союзе потребительских обществ в совсем негероических должностях: завскладом, завмагом, завпекарней.

Наконец в 1930 году бывший палач — такие вот каверзы судьбы — становится мясником. Дошел все-таки от мясника в переносном смысле слова до мясника — в прямом. В это же время вновь вступает в партию большевиков, тем самым открывает себе новые возможности для карьеры. Несколько лет успешно возглавляет инспекцию Наркомторга СССР по качеству мясной продукции, руководит свинводтрестом Моснарпита. После окончания Великой Отечественной Ян Мартынович Целмс как "нацкадр" по решению ЦК ВКП(б) направляется в освобожденную от гитлеровцев Латвийскую ССР возрождать промышленность. И здесь он продолжает свою деятельность в "мясной" сфере — руководит производством всякого рода консервов, возглавляет различные базы Главмясторга. "В партийной и общественной жизни всегда принимал активное участие, неоднократно избирался секретарем первичной парторганизации, членом партбюро, председателем местных и других общественных организаций" — этими строками автобиография заканчивается. О дальнейшей судьбе царского лейб-кирасира и палача можно только догадываться. Несомненно, Ян Целмс состоял в самой почетной ветеранской организации Советской Латвии — обществе красных латышских стрелков. Пользовался почетом и уважением, избирался в президиумы всевозможных торжественных мероприятий, имел немалые льготы. Разумеется, на встречах с молодежью делился воспоминаниями о романтике гражданской, подробностями того, как выполнял "исторически-ответственную задачу по ликвидации семьи Романовых". В годы всеобщего ликования подобное было естественным. И никому в голову не приходила мысль, что они восторгались "подвигами" обыкновенного палача.

Судя по году рождения (Целмс родился в 1892 году), его жизненный путь на этом свете давно завершился. И прах "верного стража революции" покоится, скорее всего, на самом престижном кладбище Риги — кладбище-пантеоне, где некогда с почестями хоронили "красных латышских стрелков".

Подполковник Н.СЫСОЕВ.

Вспоминают ветераны

О том, что ветеран дивизии Николай Павлович Колотушкин — инвалид Отечественной войны первой группы, мне было известно. К сожалению, с ним мы никогда не встречались, Николай Павлович в дивизию не приезжал. Но недавно совершенно случайно я узнал, что на войне он лишился глаз и рук. Я понял, что в таком состоянии ему нелегко передвигаться по городу, и решил без промедления навестить его сам.

Созвонился, прихватил с собой выделенный Николаю Павловичу советом ветеранов дивизии пакет с гуманитарной помощью и отправился в путь.

На мой звонок дверь открыл среднего роста седовласый мужчина. Поздоровались, и я сразу почувствовал, как потеплело на душе у ветерана. Он был бодр, приветлив и, по всему чувствовалось, рад моему визиту. Нахлынувшие после моего телефонного звонка воспоминания заставили его достать из шкатулки награды. На столе лежали два ордена Отечественной войны 1-й степени, медали “За отвагу”, “За оборону Москвы”, “За победу над Германией”, медаль Жукова. Я с горечью подумал, что многих из них Николай Павлович никогда даже и не видел...

Разговорились. Николай Павлович вспомнил далекий август 41-го, когда спустя два месяца с начала войны его призвали на срочную во внутренние войска. Попал служить в артдивизион дивизии им. Ф.Дзержинского, в батарее сорокапяток. Кто-то когда-то прозвал эти пушки “смерть расчету”, или “прощай, Родина”. Но молодой артиллерист Колотушкин был о них другого мнения. В хороших руках они грозное оружие и, как потом на фронте сам убедился, способны нанести немалый урон врагу. Потому-то он старательно изучал матчасть и учился метко стрелять.

По окончании учебы Николая Колотушкина, как одного из способных артиллеристов, отбирают в полковую батарею 76-миллиметровых коротко-

КОЛОТИ ИХ, КОЛОТУШКИН!

ствольных пушек. После небольшой переподготовки его назначают наводчиком орудия. И неожиданно для молодого бойца, и радостно было, что доверили такую ответственную должность, и сомневался: справится ли? Ведь наводчик — центральная фигура в расчете. Днями и ночами возился он с пушкой, сам все винтики покрутил, своими руками пощупал, десятки раз подходил к наводчикам постарше и поопытнее с вопросами. Подвести командиров, не оправдать доверие он просто не мог.

Со временем пришло умение, пришла и пора его продемонстрировать. Неожиданно батарею выдвинули сначала в прифронтовой Серпухов, затем — в Коломну. Артиллеристы подавляли выявленные огневые точки фашистов. Пришлось и самим неоднократно побывать под вражескими бомбами и огнем немецких

пушек. Но оборону под Москвой держали крепко.

7 ноября 1941 года Николай Колотушкин вместе со своими боевыми товарищами принимал участие в параде на Красной площади. В отличие от строевиков артиллеристам времени на подготовку много не требовалось: проехали в кузове грузового автомобиля, буксировавшего пушку. Несмотря на морозный, снежный ноябрь, у участников парада на душе было тепло. Каждый думал о том светлом дне, когда наша родная земля будет полностью освобождена от оккупантов. А впереди еще были годы войны...

В конце 42-го артиллеристов подняли по тревоге, погрузили в эшелон, и поезд взял курс на Урал. В Свердловске проходило переформирование нескольких выведенных из боевых действий полков НКВД. Николай попал в Краснознаменный карельский полк НКВД, который после доукомплектования и переименования вошел в состав 175-й уральской дивизии. Артиллеристы получили новые 76-миллиметровые пушки.

Началась упорная работа по боевому сплочиванию подразделений, подготовке к предстоящим действиям. Боевой дух бойцов и командиров поднимало радостное известие о разгроме фашистов под Сталинградом.

В начале 43-го артиллеристам вместе с 277-м полком снова предстоял марш на запад, на фронт. Эшелон прибыл в Елец. Прекрасный город весь лежал в руинах и дымился пожарами. Дальше предстоял пеший переход к линии фронта — двести пятьдесят километров по бездорожью и сугробам, да еще в сильный мороз. Передвигались преимущественно по ночам, если пурга или метель — то и днем. Выбивались из сил, застревали в непроходимых сугробах, но тянули на себе тяжелые пушки, ящики со снарядами. Бывало, сутками не получали пищи. Но в определенный командованием район сосредоточения прибыли в точно назначенное время.

Полк с тяжелыми боями наступал в сторону населенного пункта Муравчик. Подходившие артиллерийские и минометные расчеты с ходу вступали в бой и в таких невероятных тяжелых условиях успешно решали огневые задачи.

Курская битва в судьбу Николая Колотушкина вошла мгновениями

боевых удач и горечью личной трагедии.

Ожесточенные бои шли за каждую пядь земли. У населенных пунктов Поньры, Самодуровка отличились Николай Колотушкин и его товарищи. Их пушка метко разила огневые точки и пехоту врага. В первые же дни боев Колотушкин получил благодарность от имени Верховного Главнокомандующего, был представлен к медали "За боевые заслуги". Медаль он так и не получил. Представление, как это часто бывало на войне, неверное, затерялось.

Однажды во время налета вражеской авиации, когда по фашистским стервятникам вели огонь из всех стволов, стрелял по ним из крупнокалиберного пулемета и Колотушкин. Один бомбардировщик был сбит, приземлившись летчиков пленили. Они все еще были уверены в своей непобедимости. Один из них на чистом русском языке заявил: "Мы еще повоеюем, посмотрим, чья возьмет".

Через несколько часов в атаку пошла вражеская пехота. Шли как на парад, нагло и самоуверенно. На их пути стояли две скирды со скошенными зерновыми. Старший политрук Алексей Голиков крикнул: "Не дайте гадам поджечь скирды, ведь пропадет добро". Этого было достаточно, чтобы бойцы с таким ожесточением ударили по наступающим, что вмиг их шеренга разрушилась и brave вояки бросились врассыпную.

Спустя пару дней полку довелось атаковать фашистские позиции на окраине небольшого городка. Оборона была сильной. По нашим наступающим цепям немцы вели артиллерийский и минометный огонь. Из глубины стали выдвигаться автомобили с вражеской пехотой, видимо, фашисты готовились к контратаке. Вот одна из машин попала в поле видимости артиллерийского расчета.

— Прицел, — крикнул командир орудия.

Колотушкин ловко орудует механизмами.

— Огонь!

Колеса автомобиля полетели в одну сторону, сидевшие в кузове солдаты — в другую.

— Ура-а-а! — послышалось в наступающих цепях. — Колоти их, Колотушкин!

Вдруг из зарослей крапивы по наступающим бойцам ударил пулемет. Колотушкин опять припал к панораме. Выстрел — и пулеметный расчет

взлетел на воздух. Новое громогласное "ура" в наступающих цепях, и очередной рывок к вражеским позициям.

Неожиданно на горизонте появилась дымовая завеса, в просветах между клубами дыма замаячила громадина "тигра". Следом за ним — еще несколько мощных машин. Расчет вступает в бой. Наводчик прямой наводкой берет под башню. 76-миллиметровый снаряд для "тигра", что слону дробина: чиркнул о броню, не причинив никакого вреда. Второй снаряд — результат такой же. Ни дыма, ни огня не видно, но танк почему-то застыл без движения. К нему приближается следующий за ним, пытается взять на буксир и вытащить из-под огня. Вот уже и люк открылся, танкисты стали вылезать, чтобы трос на крюк набросить. Колотушкин посылает очередной снаряд, и те валятся замертво. Третьему танку удалось все-таки взять головной на буксир, но Колотушкин и в этой ситуации не оплошал, прицельным выстрелом перебил трос. На этом контратака "тигров" захлебнулась.

— Считаю, Колотушкин, что ты награжден медалью "За отвагу", — пообещал наводчику замполит полка.

Не прошло и двух дней, как на груди артиллериста засверкала новая медаль.

Несчастье случилось в конце августа. Тогда полк наступал в направлении какой-то железнодорожной станции. Фашисты закидывали атакующих минами. Рано утром Николай зашел в лес, на опушке которого располагались, чтобы собрать дровишек и сварить картошку для расчета. Отошел десяток метров — завали мины. Боец прыгнул в ложбинку, высунул голову, чтобы оглядеться, и в тот же миг перед глазами вспыхнул огненный шар. Больше Колотушкин ничего не помнит.

Очнувшись в медсанбате. "Что со мной?" — спросил медсестру. "Лежи, лежи, не двигайся. Ты ранен". — Он почувствовал чью-то заботливую руку на плече.

— Лежу ни жив ни мертв, — вспоминает Николай Павлович. — Но сразу же понял, что весь израненный. Ноги, чувствую, вроде шевелятся, пальцы на правой руке — тоже, а вот на левой — нет. Опять спрашивает медсестру: "Почему пальцы на левой руке не шевелятся?" — "Ничего, — отвечает, — скоро зашевелются".

И пошел фронтовик странствовать

по госпиталям. Сначала лежал в Курске в какой-то школе, на соломе под шинелью. Потом Конотоп, Новокузнецк, Новосибирск. Всего около года пролежал Николай Павлович в госпиталях.

Вылечили, поставили на ноги. А вот зрения лишился полностью. На правой руке только наполовину уцелели первые от кисти фаланги пальцев, левая рука укорочена на несколько сантиметров от кистевого сустава. Еще и война не закончилась, а Колотушкин уже был снят с воинского учета. Стал инвалидом войны первой группы.

Четверо братьев Николая Павловича сложили головы на полях сражений в Великую Отечественную.

Приехал в Москву. Обратился к наркомю внутренних дел. Выхлопотал персональную пенсию союзного значения. Маршал Советского Союза К.Ворошилов посодействовал в получении квартиры, в которой он живет и по сей день.

До самого пенсионного возраста работал в обществе слепых. Чувствует себя вполне нормально, потому что уже более полувека рядом с ним находится его жена, его глаза и руки, его ангел-хранитель, обаятельная Нина Ивановна. Супруги вырастили двоих сыновей. Сергей — ныне майор запаса, Виктор — инженер-строитель. Сыновья подарили родителям троих внуков.

...Я засобирался было уходить, а Николай Павлович вдруг совершенно неожиданно для меня предложил:

— Давайте я вам что-нибудь сыграю на гармошке.

Он взял трехрядку и сыграл несколько фронтовых песен. Да так музыкально правильно, изящно. Он играет, а я не могу отвести взгляд. Кончиками фаланг правой руки нажимает на клавиши, а кулечей левой — на басы. Моему восхищению не было предела: в таком состоянии совершенно слепому человеку научиться играть на гармошке! Разве могли фашисты победить таких людей?

Хорошо, что Николай Павлович не видел, как заблестели мои глаза. Фронтовики не любят жалости.

**Полковник в отставке
В.ЖУРАВЛЕВ,
председатель совета ветеранов
Отдельной дивизии
оперативного назначения.**

**Исхак Машбаш:
“Мы не должны
вновь оказаться
в жерновах
истории!”**

С писателем беседует публицист
Дмитрий Королев.

С Исхаком Шумафовичем Машбашем, народным писателем Адыгеи и Кабардино-Балкарии, лауреатом Государственных премий СССР и России, мне посчастливилось познакомиться и пообщаться осенью прошлого года, когда известный писатель и общественный деятель приезжал в российскую столицу для участия в Днях культуры Республики Адыгея.

Именно — посчастливилось! Машбаш не только один из самых значительных поэтов и прозаиков Кавказа, автор более 70 талантливо написанных, переведенных на многие языки книг, но и добросердечный, по-восточному мудрый, гостеприимный человек, общение с которым полезно и интересно.

В Москве Исхак Шумафович участвовал, наверное, во всех встречах, проводимых в рамках Дней культуры Республики Адыгея, и постоянно был окружен людьми. Москвичи, жители других регионов России буквально засыпали писателя вопросами, рассказывали о собственном жите-бытье, просили подписать на память его книги... Сразу бросалось в глаза: писатель, приехавший в столицу в составе делегации, в которую вошли министры, руководители творческих союзов, народные артисты и академики, пользуется среди них непререкаемым авторитетом.

В январе нынешнего года творческая и общественная деятельность Исхака Машбаша отмечена орденом “За заслуги перед Отечеством” 4-й степени.

Беседа наша проходила в день отъезда писателя на родину в столичной гостинице “Россия”. Это слово, дорогое сердцу каждого россиянина, и предопределило основную тему разговора.

— То, что сегодня происходит в нашем государстве, меня глубоко волнует. На празднике Республики Адыгея в Москве мои коллеги не стали поднимать “взрывоопасные” темы, что, наверное, правильно. Праздник есть праздник. А между тем чеченская война представляла реальную угрозу целостности России, особенно в том случае, если в черную дыру ненависти оказались бы втянутыми и другие кавказские республики...

— А вы считаете, Исхак Шумафович, что почва на Кавказе для этого есть?

— Твердой почвы нет. Но вот как бывает: если загорится один дом, пожар может перекинуться и на стоящие рядом. Один дурак бросил на пол горящую спичку, а в результате выгорит не только его жилище, но и все селение. Остаются без крова, без средств к существованию, а зачастую и лишаются жизни ни в чем не повинные люди.

В наши дни может называться национальным лидером только тот, кто не разрушает, а созидает. Тот, благодаря кому крепнет дух нации, повышается жизненный уровень народа... И уж конечно же, не тот, кто других шлет на верную гибель, сам при этом оставаясь недосягаемым.

Возьмем, к примеру, мою республику. Во главе ее — национально мыслящие люди. Но их “национализм” — не в ущерб другим нациям, проживающим в Адыгее. Кстати, не случайно она называется “Республика Адыгея”, а не “Адыгейская республика” — отличие здесь принципиальное! Адыгея — общий дом для всех, ее граждане — все те, кто живет на ее территории. Один из ее государственных языков — русский... Вы посмотрите на герб нашей республики — золотыми буквами на нем выбито “РФ”, и мы не мыслим себя без России и русских... В 1991 году, когда решался вопрос о повышении государственного статуса Адыгеи (в качестве автономной области она, к слову, с

1922 года находилась в составе различных территориальных образований юга России, а с 1937 года до выделения в самостоятельный субъект Российской Федерации в 1991 году была составной частью Краснодарского края), все мы — адыги и русские, представители других кавказских и некавказских национальностей — всерьез думали о том, чтобы это нововведение принесло только пользу. Думали все — политики и деятели культуры, представители рабочих профессий и аксакалы... И несмотря на неизбежные в таком деле различные перегибы и несовпадения позиций, пришли, как говорится, к общему знаменателю. Работа (она не прекращается и теперь!) велась даже тогда, когда документы о придании Адыгее статуса республики уже лежали в Верховном Совете. Аслан Джарипов, наш президент, срочно вылетел в Москву (именно он доглядел нестыковку в предложенном названии) и оперативно решил этот важный для жителей Адыгеи вопрос.

Сегодня наша республика, так выразимся, полностью независима. Но самостоятельность, которой она обладает вследствие повышения своего статуса, отнюдь не означает ослабления ее экономических, культурных, политических связей с Россией и ее отдельными регионами. Наоборот! Взаимоотношения стали более тесными и взаимовыгодными, что экономике Адыгеи, у которой сегодня немало своих внутренних проблем, только на пользу.

Трудностей сегодня у нас, как и в других регионах России, много. Но жители Адыгеи твердо верят, что они вскоре будут преодолены. Адыгея обязательно станет процветающей республикой в составе многонациональной великой России. Много уже сделано. Обретя статус республики, Адыгея первостепенное внимание уделяет развитию своей экономики — промышленности и сельского хозяйства. И уже появилась отдача, есть

первые положительные результаты. Назову хотя бы такой показатель: по капитальным вложениям в непроезженную сферу, в том числе и коммунальное строительство, Адыгея вышла на первое место в северокавказском регионе и на 17-е в Российской Федерации. Это для нашей маленькой республики очень неплохо. Уделяется большое внимание развитию культуры и образования. В республике созданы симфонический оркестр, камерный театр, профессиональный оркестр русских народных инструментов... Наши писатели, художники, композиторы обогатили национальную культуру новыми значительными произведениями... Но главное наше достижение — это то, что и в эти непростые годы нам удалось сохранить на родной земле мир и спокойствие, что жители нашей республики получили возможность жить и трудиться в мире, что наши сердца не покрыли кровотокающие раны межнациональной розни и непримиримости... Что же касается других проблем, сообщая мы их сможем преодолеть. Залогом тому — трудолюбие и скромность наших народов, их открытость лучам дружбы и мира...

— **К сожалению, мы, живущие в Москве, знаем об адыгах на удивление мало... Расскажите, пожалуйста, о своем народе, Исхак Шумафович...**

— Адыги, известные в Европе и на Востоке с XIII века как черкесы, — один из самых древних народов нашей планеты. Археологи утверждают, что предки адыгов появились на Северном Кавказе 780 тысяч лет назад. Исторически их судьбы тесно переплелись с историей греческих колоний, существовавших тогда на берегах Черного моря и Керченского пролива. В IV веке появилось на Кавказе христианство. Правда, христианство активно распространилось лишь среди тех племен и общин, которые жили на прибрежной полосе, остальные традиционно оставались язычника-

ми... Об истории своего народа я могу рассказывать очень долго. Чтобы не быть многословным, хочу обратить ваше внимание лишь на два момента, которые многое объясняют в нашей истории. Во-первых, земля Адыгеи, ее богатая природа, удобные выходы к морю и проход в Закавказье издревле привлекали иностранных завоевателей. Отпору внешнему врагу был подчинен весь уклад жизни народа, что очень повлияло на специфический, "военный" окрас нашей культуры.

И второй. В XVIII веке два сложившихся к тому времени территориально-политических образования адыгов — Черкесия и Кабарда — подвергаются активному влиянию Османской империи. Сюда приходят мусульманские миссионеры. Но как и в случае с христианством, основная часть населения тогда предпочла новой религии свои древние языческие верования. Ислам укрепился здесь только во второй половине XIX века, но среди адыгов было очень мало его фанатичных приверженцев, нетерпимо относящихся к представителям других религиозных течений...

— **Первое затронутое вами обстоятельство, Исхак Шумафович, содержит в себе ответ на вопрос, почему черкесы, то есть адыги, в прошлом веке активно участвовали в кавказской войне... И второе — почему в Адыгее нет почвы, на которой сегодня могут расцвести идеи фундаментализма?**

— Да. Мои предки, которым с одной стороны грозила Турция, а с другой — пробовала подчинить своей власти Российская империя, сражались на поле боя отчаянно. Но история сохранила немало и других примеров, когда адыги столь же отважно сражались и в составе российской армии. В освещении истории не должно быть однобокости. Что было, то было. Но печальное прошлое не должно черной тенью ложиться на взаимоотношения людей сегодня. Это к

добрю не приведет. И прежде всего — нас, адыгов, которых на территории России сегодня не так и много...

*Я знаю, Адыгея так мала.
На пестрой карте, возле гор Кавказских,
Вот вся она под кончиком указки —
Земля, что целым миром мне была:
О маленькая древняя земля!..
Одним лучом ее согреет солнце —
И домики, белеющие сонно,
И синие вершины, и поля.
Дикой джигит, припоривший коня,
Спроси о нас Историю. Она
Лихих черкесов помнит имена,
Она расскажет, как когда-то встарь
Летели бурки и звенела сталь.
Спроси о нас у солнца и зари..
А лучше сам однажды посмотри —
Чем сто раз слышать, лучше раз взглянуть.
Ты приезжай и добрым гостем будь...*

— Вы процитировали, Исхак Шумафович, стихи из вашего сборника поэзии, который, если не ошибаюсь, вышел в Краснодарском книжном издательстве. Я его в свое время с большим интересом прочитал, отметив как ваше заостренное, образное, истинно поэтическое видение мира, так и превосходную работу переводчиков на русский... Но я знаю, что в последнее время вы пишете в основном прозу. Посчастливилось достать и прочитать ваши исторические романы, изданные на русском языке в Майкопе... Кстати, Исхак Шумафович, хочу подчеркнуть, что многие журналисты, принимавшие участие в Днях культуры Республики Адыгея в Москве и ранее в празднике кабардино-балкарской культуры, сделали для себя однозначный вывод: власти этих республик не бросили бездумно культуру в волны рыночных отношений по принципу "спасение утопающих — дело рук самих утопающих". В издательствах выходят талантливо написанные книги, которые пока не могут конкурировать с кровавыми детективами и безвкусными любовными романами. Ваши писате-

ли не желают потворствовать конъюнктуре рынка. Проходят художественные выставки, как вы сами рассказывали, создаются "некоммерческие" театральные коллективы... Как вы считаете, вывод этот правильный?

— Иначе, думаю, и быть не могло: "отцы нации", если они хотят остаться таковыми в памяти народной, не могут не уделять внимание развитию культуры. Развитию национальной культуры. Временщик может воцариться в большой общности людей, но не в такой маленькой республике, как наша. Здесь все друг друга знают. Это настолько однозначно, что мы, деятели культуры, по сравнению с нашими русскими коллегами, чувствуем себя достаточно уверенно, находимся в более комфортных условиях.

Но в свою очередь, и мы несем больше обязанностей. Мы должны всегда помнить, что каждое произнесенное нами слово, каждая написанная нами книга или поставленный в театре спектакль — это оружие, что называется, прямого действия. Послужит ли оно взаимопониманию наших народов или вызовет обостренные ситуации в регионе и в России в целом? Это как раз те вопросы, на которые должны находить ответ, в первую очередь, мы. Вот я, к примеру, пишу сегодня в основном историческую прозу. Все мои последние крупные вещи так или иначе касаются очень сложной, противоречивой исторической темы — темы кавказской войны, которую в прошлом веке вела Российская империя на землях моих предков. Много в этой войне, как, впрочем, и в любой другой, было такого, что полностью расходилось с принципами справедливости, с принципами гуманизма. Я написал обо всем этом, не сглаживая острых углов. Но следование исторической правде не заставило меня перенести проблемы тех далеких времен на день сегодняшних. Я с гордостью го-

ворю об этом. Жернова истории перемололи далекое прошлое моего народа, но ведь они также изменили жизнь и российского народа! Все мы теперь другие. И нельзя допустить, чтобы мы вновь оказались в жерновах истории.

Русские, пришедшие на нашу землю, привнесли много хорошего в нашу культуру. И обогатились сами. Мы, адыги, обладаем действительно очень древней культурой. Издревле славилась произведения адыгского прикладного искусства. Или так называемый Нартский эпос — самобытнейшее создание древних адыгских народов, ставшее неисчерпаемым источником для развития нашего национального сознания... Но я, выросший, как я нередко говорю, “из кафтана русской литературы”, никогда не забуду, чем я обязан великой русской культуре. Именно благодаря ей многие древние народные промыслы, литература адыгских народов в советские времена были переведены на профессиональные рельсы. За годы советской власти в республике появились десятки, сотни профессионально работающих писателей, артистов, композиторов и художников. Писательская организация Адыгеи — одна из старейших в России. Она была создана в 1934 году — сразу после Первого съезда советских писателей. Великим событием для нашей национальной культуры стало открытие камерного музыкального театра, в котором сегодня работают выпускники ГИТИСа, Санкт-Петербургской, Ростовской и Тбилисской консерваторий, воспитанники Майкопского училища искусств. Закрывание первого театрального сезона было ознаменовано премьерой первого в Адыгее профессионального балета “Юная Терпсихора”. Чуть позже на киностудии “Ленфильм” режиссером Русланом Хачемизовым был поставлен первый адыгейский художественный фильм “Сумерки надежд” (по сценарию известного поэта Нальбия Куе-

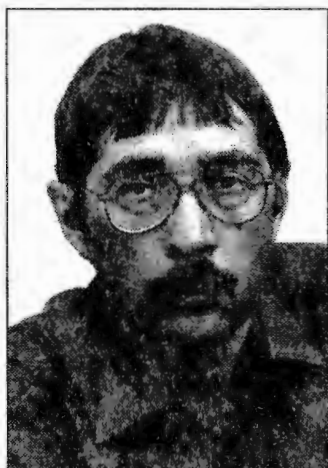
ка), который был отмечен главным призом на Международном фестивале в Испании...

Аналогичных примеров можно привести много. Все они свидетельствуют о том, что русская культура никогда не подавляла, а, наоборот, помогала развитию национальной культуры адыгов. Но слово “национальная” приобретает в данном случае и еще одно значение. Русские, способствующие развитию адыгской культуры, вносят весомый вклад и в развитие культуры своего собственного народа, для которой характерно то, что она всегда впитывала в себя и краски других культур.

Мы должны лучше знать друг друга. Должны четко представлять себе, когда “национализм” на пользу, а когда — во вред. Мы все — адыги и русские, украинцы и чеченцы... Никак не забывается такой случай. Однажды на улице я услышал разговор одной пожилой женщины и ее внучки, русских по национальности. Они проходили рядом с Национальной библиотекой Адыгеи, и внучка поинтересовалась: что это такое, “национальная”? И бабушка отвечает: это, мол, их, адыгейцев... Неправильно отвечает! Я не выдержал, подошел. Говорю: “Я вот случайно услышал ваш разговор. Поправить хочу вас... Национальное — это не значит только адыгов. Национальное — это ваше тоже!..”

Нельзя допустить, чтобы мы вновь оказались в жерновах истории.

Геннадий ФРОЛОВ

Геннадий Васильевич ФРОЛОВ родился в старинном русском городе Курске. Его детство и юность прошли в не менее знаменитом Орле. И это не могло не отразиться на творческой судьбе. Великие земляки — А.А.Фет, И.А. Бунин, как не раз отмечала критика, оказали благотворное влияние на его поэтическое становление, привили любовь к русскому классическому стиху.

Он выпускник Литературного института им. А.М. Горького, автор поэтических книг "Сад", "Месяцеслов", "Бьющий свет", "Невольные мысли". Член Союза писателей России.

ПОТОМ ОТЫЩУТСЯ СЛОВА...

* * *

В. Дронникову

С чего начать? Начну с конца,
С земли, раскишей под ногами,
С креста железного, с лица
Отца, склонившегося к яме.

Да, я запомнил навсегда,
Хоть никогда мне не приснится,
Как эта желтая вода
В следы оплывшие струится.

И до сих пор нейдет из глаз
Мельканье комьев торопливых
И луч, что вспыхнул и погас,
Последним светом озарив их.

Потом здесь вырастет трава,
Сплетаясь в заросли глухие.
Потом отыщутся слова
Такие же, как все другие.

Я много раз их повторю —
И обточу, и обкатаю.
Я сам в себе заговорю
То, что услышать не желаю.

Заговорю, как детский страх,
Как тайный стыд, чтоб понемногу
Оно осыпалось, как прах,
Как пыль, осело на дорогу.

Дорогу, что ведет меня
С той прямою необычайной
День изо дня, день изо дня
На встречу с матерью печальной.

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Упала башня Вавилона,
И прокатился над землей
Объединяющего стона
Уже разноязыкий вой.

И пыль все тучею объяла,
И каждый к каждому зывал,
Но горло звуки искажало,
И слов никто не понимал.

Когда ж опять пробилось солнце,
То, на все стороны земли,
Как от иссохшего колодца,
От башни люди побрели.

Они брели, таясь друг друга,
Пожитки жалкие влача;
Сходясь же вместе — от испуга
Невольно пятились, рыча.

Язык звериный стал им ближе,
Чем человеческая речь,
Которой в гордости бесстыжей
Они не думали беречь.

Но поколение сменялось
За поколеньем. Шли года.
Уже потомкам представлялась
Все поправимее беда.

И терпеливо постигали
Они чужие языки,
И снова башни воздвигали —
Бесчисленны и велики.

Но меж камней столпотворенья
Всходила прежняя трава.
И лишь иллюзию общенья
Давали мертвые слова.

И снова башни разрушались,
Народ вздымался на народ.
И снова в мире воцарялись
И страх, и гибель, и разброд.

И жив он — явно или тайно —
В нас древний Вавилон досель!
И не случайно, не случайно
Вскипает войн гражданских хмель!

И льются крови братской реки,
Пожар вздымается, багров!
И на земле уже вовеки
Не отыскать всеобщих слов.

Разрушено единство мира,
Распалась родственная связь.
Здесь каждый сам себе кумира
Творит, чужого убоясь.

К кому мы руки простираем,
Как дети малые впотьмах?
Ведь мы других не понимаем
И на родимых языках.

Да что — других! Когда мы ночью,
Край одеяла теребя,
Порою из последней мочи
Понять стараемся себя,

Мы постигаем в потрясенье,
Что нам невнятен наш язык!
И в немоту, как бы в спасенье,
Бросаемся, зажавши крик.

И пьем забвенью полной чашей,
Покуда тяжкий длится сон,
Пока длястроек новых башен
Нас не разбудит Вавилон.

И мы, проснувшись на рассвете,
Сумеем вновь не замечать,
Что нет в нас слов себе ответить
И нету сил, чтобы молчать!..

* * *

Начинаю словно об одном,
А кончаю чем-нибудь другим.
Вот опять я вижу этот дом,
Странные скульптуры перед ним.

Девушка с винтовкою в руке,
Юноша с отбойным молотком.
Дай мне, моя Родина, в тоске
Выплакать все слезы о былом.

Дай мне вынести новую беду,
Не одну, пожалуй, не одну!
Я сейчас на Обуха сойду,
В Троицкую лавку загляну.

Дамаскина книгу я куплю,
Отрывной куплю я календарь.
Боже, Боже, я тебя люблю,
Может быть, острее в эту хмарь.

В эту слизь январскую и муть,
В этом зле, попущенном Тобой,
В грудь пытаюсь воздух протолкнуть,
От бензина грязно-голубой;

Выхлопными газами дыша,
Посреди истерзанной страны,
Неумело высказать спеша
Покаянья слово и вины.

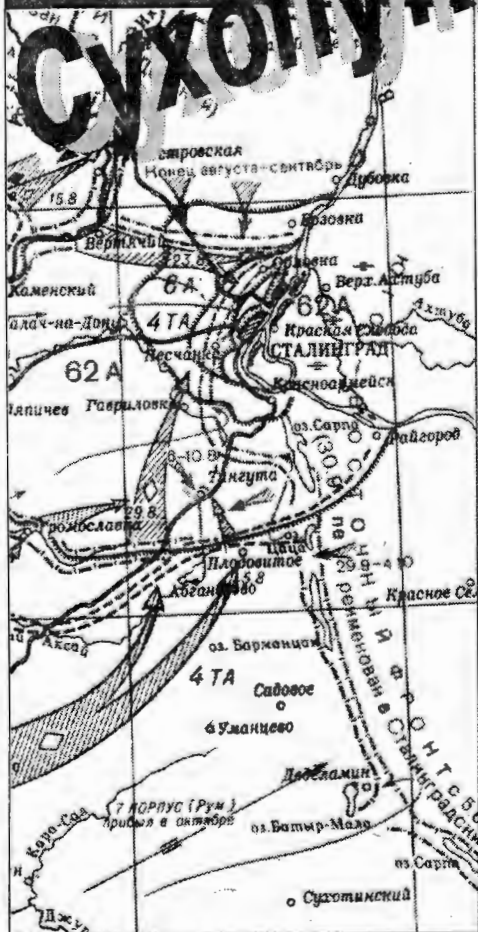
...Это я, никчемный и пустой,
Может быть, последний из людей,
На московской грязной мостовой
Вопию о милости Твоей,

Словно опасаясь не успеть
Все провалы вычистить души:
Боже, я готов бы умереть —
Лишь бы только больше не грешить,

Лишь бы только снова этот край
Прадедов, и дедов, и отцов
Стал — не раем —
здесь не нужен рай! —
Колыбелью для его жильцов.

К 55-летию Сталинградской битвы

Александр ФАТЬЯНОВ

Всякая вражеская армия, которая осмелилась бы проникнуть в Россию и пройти дальше Смоленска, безусловно, нашла бы там, в степях, свою могилу.
Фридрих II.

1

Июль 1942 года. Жара. Сушь. В горячем мареве зыбилась ровная, словно укатанная, донская степь. Тут и там буйно зеленели станицы и хутора. Плавно, как в мирные дни, парили в белесом небе ястребы, низко над землей пролетали разомлевшие от зноя грачи.

Все вокруг притихло, насторожилось. Обезлюдели поля, колхозные тока, застыли брошенные комбайны, косилки.

Длинные шлейфы пыли, поднятые немецкими механизированными колоннами, не успевали оседать на степные большаки. Тяжелый гул двигателей и лязг гусениц, ставшие здесь уже привычными, не отпугивали стоявших у нор сусликов, только степные лисицы, наострив уши, с опаской прислушивались к нескончаемому течению воюющих армий.

Шел второй год войны, перечерк-

нувший надежды Красной Армии на скорые новые победы после зимнего контрнаступления. Пехотинцы вели отчаянную борьбу за города, станицы, водные переправы, но сдержать стальную вражескую лавину не всегда удавалось. Тысячи солдат навсегда полегли в знойной степи...

К Дону неудержимо катилась 6-я полевая армия под командованием генерал-лейтенанта Паулюса. Четырнадцать пехотных, танковая, две моторизованные и две охранные дивизии сметали все на своем пути.

Для успеха операции по захвату волжского бассейна с юго-востока на Сталинград выдвигались два корпуса 4-й танковой армии Гота, сюда же направлялись 8-я итальянская и 3-я румынская армии. Наземные силы поддерживали 1200 самолетов люфтваффе.

Путь к Дону прикрывали войска 62-й и 64-й советских армий. Их передовые отряды вступили в бой с противником на рубеже рек Чир и Цимла. Однако к 23 июля они были выбиты с занимаемых позиций и частично окружены.

Командование Сталинградским фронтом не смогло вовремя определить направление главных ударов войск противника и не использовало полностью имеющиеся силы для отпора врагу.

Ставка ВГК 23 июля вместо маршала Тимошенко командующим фронтом назначила генерал-лейтенанта Гордова. Была произведена замена генералов и в войсках.

С целью разгрома прорвавшейся к

Дону группировки противника командование Сталинградским фронтом нанесло контрудары силами формируемой 4-й танковой армии. Наступление немецко-фашистских войск застопорилось. Попавшие в окружение две дивизии 62-й армии были деблокированы, однако восстановить положение на занимаемом ее частями стодвадцатикилометровом участке фронта не удалось.

Войска Красной Армии с тяжелыми боями отступали к Дону.

Верховный Главнокомандующий потребовал от генерала Гордова во что бы то ни стало остановить гитлеровцев.

“Главное теперь, — телеграфировал Сталин командующему фронтом, — не переправы у Цимлянкой... а правый фланг фронта. Противник выброской своих частей в район Цимлы отвлек наше внимание на юг, а в это самое время он подводит потихоньку главные силы к правому флангу фронта. Эта военная хитрость противнику удалась благодаря отсутствию у нас надежной разведки. Это дело надо учесть, и нужно всемерно усилить правый фланг фронта”.

В эти дни Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план формирования 1-й танковой армии. Предвидя опасность развивающихся событий, Верховный Главнокомандующий направил в район Сталинграда начальника Генштаба генерал-полковника Василевского.

25—27 июля ударом сил Сталинградского фронта и частью войск формируемых танковых армий про-

В 1941 году Александр Михайлович ФАТЬЯНОВ окончил десятилетку, а в августе того же грозного года был призван на действительную службу в войска НКВД. Оборонял Москву, с января по июль 42-го в составе отдельного батальона внутренних войск находился на оборонительном рубеже под Гжатском. Охранял Ялтинскую конференцию, участвовал в Параде Победы. Тридцать пять послевоенных лет работал в центральном аппарате МВД СССР, полковник в отставке, заслуженный работник МВД.

Первые литературные успехи пришли в 80-м году. С той поры в различных изданиях опубликованы четыре повести и более пятидесяти рассказов. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

рыв противника к Сталинграду был приостановлен.

Генерал-лейтенант Лопатин, вступивший в командование 62-й армией вместо генерал-майора Колпакчи, вынужден был отводить дивизии за Дон.

Смертельная опасность нависла над всей страной. 28 июля И. В. Сталин подписал приказ № 227 "Ни шагу назад!".

К 1 августа полоса обороны Сталинградского фронта растянулась до 700 км. Оперативно управлять войсками стало трудно, и Ставка по предложению Василевского 5 августа разделила этот фронт на два: Сталинградский (командующий генерал-лейтенант Гордов) и Юго-Восточный (командующий генерал-полковник Еременко).

Противник, превосходивший наши войска в силах и средствах, постоянно производил перегруппировку.

С 7 по 14 августа тяжелые, непрекращающиеся бои продолжались в большой излучине Дона.

2

Легковой вездеход "кюбель" затормозил на пологом берегу Дона в стороне от главной немецкой переправы. Мотоциклы с охраной круто развернулись по обеим сторонам вездехода. Сюда же, к выносному КП командующего 6-й армией, подъехали еще несколько штабных автомобилей.

Фридрих Паулюс, худощавый, стройный генерал-лейтенант, легко сошел на землю. Стряхнув платком пыль с рукавов кителя, поднял на околыш фуражки защитные очки, внимательно осмотрел противоположный берег Дона. За сверкающей серебром стремниной белели песчаные отмели, на берегу густо зеленели кусты верб и краснотала.

День был жарким, и даже здесь, у воды, не ощущалась желанная прохлада. От машин тянуло удушливым запахом бензина и пыли.

Паулюс, морщась, вынул портсигар, закурил.

В тени, у борта вездехода, солдаты обслуги установили походный стол,

стулья. Адьютант командующего, щеголеватый полковник Адам, быстро разложил оперативную карту. Паулюс сел к столу. Окидывая взглядом междуречье Дона и Волги, впервые назвал его сухопутным мостом. Теперь, когда войска 6-й армии успешно расширяют плацдармы на левом берегу Дона, этот мост облегчал достижение главной цели — захват Сталинграда...

И все же волнение охватило Паулюса. Чиркнув зажигалкой, он раскурил новую сигарету и пристально взгляделся в карту.

Дон и Волга... Эти реки, как главные артерии, веками питали Россию. Недаром много про них было сложено песен. Здесь же зарождалась народная вольница. Все это Паулюсу было известно давно.

"Перерезать эти две артерии, и с Россией будет покончено", — размышлял он. Эту идею недавно внушал Паулюсу Гитлер. Соглашаясь тогда со словами фюрера, сегодня Фридрих думал иначе: "Конечно, Россия после этого ослабнет, но едва ли погибнет".

Полковник Адам перебил его мысли.

— Пятьдесят первый армейский корпус успешно форсировал Дон и приступил к расширению плацдарма на левом берегу, — доложил он.

Паулюс удовлетворенно кивнул.

— Как ведут себя русские?

— По-прежнему оказывают жесточайшее сопротивление, — ответил Адам. — Потоплено много плавсредств...

Начальник штаба Артур Шмидт, стоявший рядом с Паулюсом, резко повернулся к полковнику. Лицо его мгновенно налилось кровью.

— Почему мне не доложено об этом?! — резко выкрикнул он. — Первым о трудностях и успехах наступления армии должен узнавать я!

Паулюс искоса взглянул на Шмидта. С трудом терпел он своего нового начальника штаба. Сын купца, выбившийся в генералы, был заносчив, холоден, тверд в своих решениях до упрямства. С первых дней пребывания в армии он пытался помыкать командующим. Паулюс в раздражении

не раз приходил к мысли просить Берлин о замене начштаба, однако остывал. Надеюсь на скорый исход войны, помнил пословицу: “Коней на переправе не меняют”. И не только это сдерживало командующего: Шмидт — отличный штабист, с этим также приходилось считаться.

— Докладывайте дальше, — кивнул адъютанту Паулюс.

— Только что получено сообщение от генерала фон Виттерсгейма: 14-й танковый корпус благополучно форсировал Дон в районе Вертячего и Песковатки.

Шмидт демонстративно отвернулся от Паулюса, однако тот привлек его внимание к карте. Взяв штабной карандаш, выдвинул красный грифель и округлил станицу Голубинскую. Шмидт, добела сжимая губы, остановил взгляд на карте.

— При благополучном исходе нашего наступления прошу разместить штаб здесь, — сказал Паулюс.

Произнося эти слова, он несколько не сомневался в успехе операции по захвату Сталинграда, и вместе с тем где-то в глубине души этого опытного человека, одного из творцов плана “Барбаросса”, возникал вопрос: а хватит ли наличных сил овладеть такими огромными районами, как волжский бассейн и Кавказ? Паулюс представлял скрытые опасности, таившиеся в этом плане. Успех летней кампании целиком зависел от быстроты и решительности действий обеих наступающих на Сталинград группировок, иначе могут возникнуть непредсказуемые последствия.

Германия пополнила свой резерв за счет союзников — итальянцев, румын, венгров, однако их войска не отвечают боевым качествам немцев. Это было доказано на примере осады румынскими войсками Одессы в прошлом году, где они топтались свыше двух месяцев. Франция, Голландия вместе взятые держались меньше, чем этот русский город.

Гитлер, лицемеря, назвал маршала Антонеску “первым немецким бойцом”. В телеграмме, посланной по случаю взятия Одессы, он заявлял: “Завоевание Одессы — это подвигом великой Румынии. Помощь, оказан-

ная нам румынской армией, способствует также окончательной победе наших войск, объединенных железом и кровью”.

Та победа обошлась Румынии в 150 тысяч человек...

Паулюсу было известно и другое.

5 июля 1941 года Муссолини, упоенный успехами германской армии на Восточном фронте, заявил на заседании совета министров в Риме: “Я задал себе вопрос: успевают ли наши войска прибыть на поле боя до того, как судьба войны будет решена и Россия будет уничтожена? Обуреваемый сомнениями, я вызвал германского военного атташе генерала Ринтелена. Я получил от него заверения, что итальянские дивизии придут вовремя, чтобы принять активное участие в боевых действиях”.

И вот время это для них подошло...

Отдав распоряжение начальнику штаба относительно подготовки приказа по расстановке сил и средств на исходном рубеже перед решающим наступлением на Сталинград, Паулюс принял ванну (специальную установку с санузлом ему доставили из Германии). Пристрастие к ежедневной ванне, чистому белью и свежим простыням не изменяло ему и теперь. Ужин он провел с зятем — зондерфюрер барон Кутченбах служил переводчиком в его штабе.

Они сидели за столиком под плакучей ивой. О войне — ни слова, вспоминали лишь о своих близких людях, до которых отсюда было две тысячи километров.

...Несмотря на успехи армии Паулюса, захватить Сталинград с ходу ей не удалось. Командующий группой армий “Б” генерал-полковник фон Вейхс, перегруппировав часть сил, решил нанести по Сталинграду два одновременных удара: войсками 6-й армии из района Трехостровской на восток и подошедшими корпусами 4-й танковой армии со стороны Абганерово на север. Такой маневр обеспечил бы полное окружение прикрывавших Сталинград частей 62-й и 64-й советских армий.

Стык ударных группировок планировалось осуществить восточнее Калача.

3

Поворот части сил 4-й танковой армии противника к Волге создавал наибольшую угрозу Сталинграду. В Ставке и Генштабе с тревогой следили за развитием событий на этом участке фронта, однако помочь войскам живой силой и техникой в эти дни не представлялось возможным.

Военный совет Сталинградского фронта, не имевший достаточных резервов, в своем донесении указывал на неустойчивость обороны. Начальник оперативного управления Генштаба генерал-майор Тихомиров, докладывая Верховному Главнокомандующему, соглашался с выводами штаба фронта.

Сталин, хмуро взглянув на Тихомирова, сказал глуховатым, не терпящим возражения голосом:

— От вас я не ожидал иной реакции на это донесение. Вы просто засиделись здесь.

Помолчав, он встал. Встал и начальник оперативного управления.

— Передайте командованию Сталинградского фронта следующее: "Я поражен вашей близорукостью и растерянностью. Сил у вас много, а справиться с положением не хватает у вас хребта. Жду от вас сообщения о ликвидации тревожного положения на нашем фронте".

Пока Тихомиров дописывал указание, Сталин набил трубку, раскурил. Молча взяв листок, прочитал, поставил подпись, дату и время. Кивнул: "Можете идти".

Несмотря на строгое внушение Верховного Главнокомандующего, выправить положение в районе Сталинграда все же не удалось. Более того, противник вскоре овладел главными переправами через Дон.

Сталин, серьезно опасаясь за судьбу города как крупного промышленного центра и важного узла транспортных коммуникаций, срочно созвал членов Ставки и Политбюро ЦК. На совещание были приглашены Василевский и Тихомиров.

Свое выступление Сталин начал необычно.

— Жорж Клемансо, известный нам

как один из вдохновителей блокады и интервенции против Советской республики, как-то сказал: "Война слишком серьезное дело, чтобы ее доверять военным". Поэтому поговорим о наших военных неудачах в более широком кругу. Итак, о событиях на юге нашей страны. Они весьма тревожны, если не сказать больше. Потеря нами Сталинграда и захват гитлеровцами Кавказа имеют не только стратегическое, но и политическое значение. Во-первых, как мне представляется, это может повлиять на поставку нам техники и военных материалов по ленд-лизу. В США, как сообщает Уманский, опасаются, что все это будет захвачено немцами и потом направлено против самих же американцев. Что ж, капиталистов понять можно, они не привыкли сорить деньгами. Не торопится с военными поставками и правительство Черчилля. Им стало легче: вторжение немцев на Британские острова не осуществилось. Англичане говорят, что им сопутствует провидение Господне. И это действительно так: Наполеон погрозил пальцем, но через Ла-Манш не пошел. И Гитлер только кулак показал. — Сталин сделал короткую паузу. Собравшись с мыслями, продолжал: — Большую же опасность представляет угроза вторжения на нашу территорию войск Турции и Японии. По имеющимся у нас данным, на южных границах сосредоточиваются не менее шестнадцати турецких дивизий. Сигналом для их действий будет падение Сталинграда. Ждет своего часа и миллионная Квантунская армия на Дальнем Востоке...

— Ее командующий генерал Умэдзу все время проводит на ногах, даже обедает стоя, — вставил Берия. — Тренирует себя. Собирается якобы пешком идти до Урала.

Сталин, пыхнув трубкой, поморщился и сказал:

— Есть русская пословица: "Всяк по-своему с ума сходит". Однако фанатизм японских милитаристов и их волчий аппетит нам известны давно.

— Каждый хочет урвать кусок побольше, — проговорил со вздохом Калинин.

Сталин взглянул на Василевского.

— А теперь мы послушаем начальника Генштаба о положении на южных фронтах.

Василевский сделал знак своему помощнику. Тот вместе с Тихомировым разложили на столе крупноплановую рабочую карту.

Доклад начальника Генштаба вызвал тревожное молчание. Сталин привычно, неслышной походкой прошелся по ковровой дорожке, затем остановился у стола и с минуту разглядывал карту.

— Немцы связывают свои успехи на Кавказе с судьбой Сталинграда, — негромко проговорил он, проводя чубуком по карте. — Не случайно они бросили на этот участок фронта лучшие свои силы и повернули четвертую танковую армию. Из доклада товарища Василевского очевидно, что генерал-лейтенант Гордов не в силах нанести там противнику серьезный урон и ликвидировать опасность. В связи с этим у меня есть два предложения. Первое: подчинить в оперативном отношении Сталинградский фронт Юго-Восточному. И второе: направить в Сталинград товарища Василевского. Пусть он разберется на месте с обстановкой на обоих фронтах и даст нам предложение, кого назначить командующим. — Сталин оторвал взгляд от карты, встал вполоборота к начальнику Генштаба. — Поезжайте, товарищ Василевский. А мы уж тут как-нибудь управимся вместе с генералом Тихомировым*.

...Василевский прибыл в Сталинград 12 августа. То, что он увидел на месте, его поразило. Прорыв ударных группировок немцев к Сталинграду был неминуем. Командующий 62-й армией генерал-лейтенант Лопатин, не имея достаточных сил для отпора врагу, пятился к Сталинграду. Василевский дал указание Гордову немедленно бросить весь свой резерв против наступающих немецко-фашистских войск. Принятыми мерами фронт на участке от Вертячего до

Ляпичева был восстановлен. Продвижение немцев к Сталинграду застыло.

19 августа Ставка, учитывая мнение Василевского, возложила на генерал-полковника Еременко командование обоими фронтами. Членом военного совета был назначен Хрущев.

В тяжелых боях выиграли время для подтягивания в район Сталинграда резервов и создания там инженерных сооружений.

Пытаясь прорваться к городу с северо-востока, немцы предпринимали массированные атаки на позиции 4-й танковой армии. Силы были неравные: на решающих направлениях противник имел многократное превосходство в людях и технике, его авиация господствовала в воздухе. Части 4-й танковой армии откатывались к Волге. И снова возникла угроза захвата Сталинграда. Устранить ее имеющимися силами было невозможно. Василевский внес предложение Верховному Главнокомандующему о передаче в распоряжение фронта 1-й гвардейской армии генерал-майора Москаленко.

— Обсудим этот вопрос на заседании Ставки, — ответил Сталин. — О принятом решении сообщим.

По тону, которым говорил Верховный Главнокомандующий, Василевский понял, что его предложение пройдет, и он тут же связался с Москаленко. Тот ответил, что армия полностью еще не сформирована, но две дивизии уже на ходу.

— Подготовьте их к выдвиганию в район Вертячего, — приказал Василевский.

— Днем продвижение немыслимо, — ответил командарм. — Немецкие самолеты налетают, как коршуны.

— Хорошо. Я позвоню генералу Руденко, узнаю, что он может выделить для прикрытия ваших войск с воздуха. А вы немедленно готовьтесь к форсированному маршу.

Вечером генерал Тихомиров продублировал по телефону приказ Верховного Главнокомандующего о передаче 1-й гвардейской армии Сталинградскому фронту.

В многодневных боях у Вертячего и Песковатки передовые части против-

* Неприязнь Сталина к генералу Тихомирову усиливалась. В сентябре 1942 г. он приказал отстранить того от должности и откомандировать из Генштаба.

ника были остановлены, а на отдельных участках отброшены назад. Наши войска сохранили плацдарм на правом берегу Дона.

Немцы произвели частичное переформирование сил для решительного наступления на Сталинград.

К тому времени город был переполнен ранеными и беженцами. Люди ютились где попало, а то и просто оставались под открытым небом. Эвакуация их за Волгу шла плохо. Требовалось вмешательство военных.

Василевский, находясь на передовой, убедился в том, что противник наиболее активно действует в светлое время суток. Перед убитием в Москву он дал указание командованию фронтов усилить разведку, выявлять скопления войск противника и наносить по ним упреждающие удары в ночные часы. Использовать для этого всю артиллерию и особенно "катюши".

4

Генерал-полковник фон Вейхс потребовал от Паулюса решительных действий по захвату Сталинграда.

Перед наступлением на город командующий 6-й армией созвал совещание командиров корпусов и дивизий. Обсуждался вопрос: какими силами штурмовать город?

Против ожиданий, на этом совещании возникли разногласия. Первым высказался генерал фон Виттерсгейм. Он предложил отказаться от штурма города и ограничиться его бомбардировкой и артобстрелом.

— Если мы втянемся в уличные бои, то завязнем там надолго, — подытожил он.

Генерал Шмидт круто повернулся к нему. Многие уже знали, что начальника штаба раздражает все, что исходит не от него...

— Самое реальное, — продолжал Виттерсгейм, отводя взгляд от Шмидта, — это повернуть армию направо, к Астрахани. Захватом волжского бассейна мыотрежем Сталинград от нефти, угля, хлеба, и тогда город умрет сам.

Шмидт тут же вступил с ним в спор, переросший в перепалку.

— Командовать корпусом с таким настроением?! — глядя на Паулюса, выкрикнул Шмидт со злой усмешкой.

— Господа, мы отвлекаемся от основной темы, — сказал Паулюс. — Город будем штурмовать, это — приказ. Прошу каждого из присутствующих высказывать свои предложения...

Вечером он тщательно изучил стенограмму совещания и только после этого подписал два документа: приказ о расстановке сил и средств для штурма Сталинграда и навязанное ему Шмидтом письмо в генштаб о замене командира 14-го танкового корпуса. Вместо Виттерсгейма предлагалась кандидатура командира 16-й танковой дивизии генерала пехоты Хубе.

Вскоре генерал Виттерсгейм был отстранен от должности.

Утром 23 августа ударная группировка 6-й армии, прорвав оборону советских войск, вышла к Волге в районе Латошинка — Рынок. Войска 62-й армии оказались отрезанными от Сталинградского фронта. На северной окраине города немецкие автоматчики просочились к Тракторному заводу.

Для защиты Сталинграда генерал Еременко мобилизовал все имевшиеся у него силы и средства. Городской оборонительный обвод заняли части 10-й дивизии войск НКВД, курсанты военно-политического училища, подразделения ПВО. В устье реки Ахтубы втянулись бронекатера Волжской флотилии.

Во второй половине дня немецкая авиация предприняла массированный налет на город. Бомбардировке подверглись порт, вокзал, заводы, нефтехранилища, жилые кварталы. Ночью город представлял собой гигантский костер. Багровые факелы полыхавших нефтехранилищ и портовых сооружений зловеще отражались в воде. Казалось, горела сама Волга.

Воздушные армады "юнкерсов" продолжали бомбить Сталинград и на следующий день. Свист бомб, взрывы, стрельба зениток, грохот ру-

шившихся стен слились в один немолкаемый гул. Дым и копоть клубились в горячем августовском воздухе. Город оставался без воды и электричества.

Самолеты заминировали фарватер Волги, движение по ней прекратилось.

Прервалась проводная связь Сталинграда с Москвой. Василевский, находясь в Царицынской штольне*, докладывал о боевой обстановке в Москву по радио. Не скрывая опасности, создавшейся у стен Сталинграда, он перечислил все меры, принятые для обороны города.

Проводная связь была восстановлена только на следующий день.

В конце августа здесь, на площади в 1500 квадратных километров решалась судьба летней кампании. Немцы поспешили объявить, что "крепость большевиков у ног фюрера". Однако разрушенный Сталинград продолжал сражаться с вражескими войсками.

Ставка поставила задачу перед командованием фронтов принять все меры к удержанию города.

"У вас имеется достаточно сил, — говорилось в телеграмме на имя Василевского и Еременко. — Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда**. Пользуйтесь дымками в изобилии, чтобы запугать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью".

Войска Сталинградского фронта предприняли активные действия против прорвавшегося к Волге 14-го танкового корпуса немцев. В ходе боев его части понесли значительные потери и оказались отрезанными от своих тылов. И хотя не удалось ликвидировать опасный выступ, командующий 6-й армией Паулюс отказался на несколько дней от штурма города. Он побывал в передовых частях танкового корпуса генерала Хубе, видел, с каким ликова-

нием купались в Волге его солдаты...

5

Генерал-лейтенант Паулюс не относился к числу высших чинов вермахта, у которых кружилась голова от успехов. Командовать отборной, многочисленной 6-й полевой армией он был назначен по выбору Гитлера как "самый дисциплинированный генерал и отличный солдат". Паулюс действительно соответствовал этой оценке.

Вручая ему Рыцарский крест за успешную операцию по захвату Харькова, фюрер заметил: "С вашей армией, мой генерал, вы можете штурмовать небо".

Не в пример другим генералам, мастерам "выжженной земли", Паулюс был противником жестокого обращения с гражданским населением. Вступив в должность командующего армией, он отменил приказ фельдмаршала Рейхенау "О поведении германских войск в оккупированных странах Европы". "Распорядитесь, чтобы это позорище немедленно исчезло, — сказал он тогда начальнику штаба полковнику Гейму. — Мечь и расправа с безоружным населением несовместимы с воинской честью".

Однако и 6-я армия, подобно другим армиям вторжения, оставляла за собой выжженные поля, полуразрушенные, ограбленные солдатами станицы, села и города. Самолеты все так же обстреливали толпы беженцев на донских дорогах, бомбили без разбора речные переправы. По воле Паулюса огромный город на Волге разрушался на глазах, словно таял. А черные кресты пикировщиков все еще кружились над дымящимися его развалинами, где в подвалах укрывались тысячи мирных жителей, которых не успели переправить на восточный берег Волги.

6

Сталин предложил назначить своим заместителем генерала армии Жукова. К тому времени полностью рас-

* Место дислокации штаба Юго-Восточного фронта.

** Среди них был и отличившийся в боях под Москвой 73-й отдельный бронепоезд НКВД. — Ред.

крылся полководческий талант Георгия Константиновича. 26 августа Государственный комитет обороны принял такое решение, и с тех пор Жуков почти все время проводил под Сталинградом.

Попытки командования Сталинградского фронта ликвидировать немецкий коридор и соединиться с 62-й армией кончались неудачами.

Тем не менее Паулюсу не удалось овладеть городом ни в августе, ни в начале сентября.

Стойко держались воины 24-й, 1-й гвардейской и 66-й армий Сталинградского фронта, летчики 16-й воздушной армии. Жуков впоследствии писал: "Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настоячивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических ударов авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже".

10 сентября он докладывал Верховному Главнокомандующему:

"Для полного разгрома противника под Сталинградом тех сил, которые имеются... у обоих фронтов, явно не хватит. Необходимо сосредоточить дополнительную группу войск, с тем чтобы в кратчайший срок нанести более сильный удар противнику".

7

62-я армия почти два месяца не выходила из боев. Командарм генерал-лейтенант Лопатин, спасая ее от полного разгрома, с боями отводил части к Сталинграду, что вскоре и было поставлено ему в вину.

В соединениях армии оставалось до четверти личного состава, не хватало оружия, боеприпасов. Обложенная с трех сторон одиннадцатую пехотными и танковыми дивизиями противника, армия, казалось, доживала последние дни. С Большой землей ее соединял неширокий "штурмовой" мостик, возведенный на металлических бочках из-под горячего. И он часто разрушался вражескими самолетами. Эвакуация раненых за Волгу, а также подвоз боеприпасов и продовольствия в Сталинград производились ночью, и то с трудом: над поймой реки почти все время висели

немецкие САБы — светящиеся авиабомбы, помогавшие противнику вести наблюдение за нашей переправой.

В начале сентября город уже не жил: кругом развалины, пустые коробки домов, иссеченные осколками деревьев и уличные фонари. Люди укрывались в подвалах, дзотах, за стенами домов. Пожары не затихали — тяжкий, прокисший от гари и известковой пыли воздух затруднял дыхание.

Тактика пассивной обороны 62-й армии, проводимая якобы по инициативе командующего, кого-то явно не устраивала в штабе Юго-Восточного фронта, и вскоре на военном совете встал вопрос о его освобождении. Сообщили об этом в Ставку, доложили Сталину. Тот связался по ВЧ с Еременко.

Сталин: "Товарищ Еременко, мне стало известно, что командарм-62 генерал-лейтенант Лопатин считает невозможным удержать Сталинград. Вместо того, чтобы, как это подобает, выполнять приказ № 227, он отводит свои войска к городу. Не в этом ли причина потери боеспособности армии?"

Еременко: "Дело не в Лопатине, товарищ Сталин, и с такой его характеристикой я не согласен. Он делает все, что требуют от него совесть и воинский долг. Армия, которой командует Лопатин, измотана непрерывными боями, для ее пополнения срочно требуется минимум две дивизии..."

Сталин (не дослушав): "Если бы они продавались на рынке, я давно бы купил их столько, сколько надо".

Еременко: "Извините. Я высказал вам свое мнение и буду его отстаивать".

Сталин: "Кто командует фронтом — вы или Хрущев? Прошу вас, товарищ Еременко, разобраться и доложить мне о том, в каком состоянии находится 62-я армия, а конкретно — о Лопатине. Недавно мы заменили на этой должности генерала Колпакчи, теперь мне предлагают сделать то же и с Лопатиным, который будто бы пасует перед противником. Получается, что Сталин меняет своих генералов, как перчатки. До свидания".

Несмотря ни на что, 10 сентября состоялась беседа члена военного совета фронта Хрущева с Чуйковым. Твердый, волевой характер генерал-лейтенанта был известен Хрущеву по его действиям на южном участке фронта.

Вопрос о назначении Чуйкова командармом-62 был предрешен, и 12 сентября он прибыл на Мамаев курган, где размещался КП армии.

Через день он встретился с Лопатиным. Уставший, подавленный неожиданным решением военного совета фронта, Антон Иванович выглядел больным. Отвечая на недоверчивый взгляд Чуйкова, сказал:

— Что бы там ни говорили про меня, а я сохранил не только номер армии, но и саму армию. Вы, товарищ Чуйков, пришли на все готовое. Поверьте, будет нелегко. Мы почти все время дрались в полуокружении. Без эффективной помощи армии придется туго при любом командующем, — указав на сложенную карту, Лопатин добавил: — Могу ввести вас в курс дела.

— Разберусь сам, — ответил Чуйков. — Китайцы говорят: "Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать".

— Да-да. Знаю, что вы были главным военным советником у Чан Кай-ши.

— Что было, то сплыло. Не время затягивать наш разговор — и мне недосуг, да и вас, кажется, ждут в штабе фронта, — сказал Чуйков, протягивая руку Лопатину.

8

Все сроки взятия Сталинграда фашистскими войсками в августе были нарушены. Недоценили противника немецкие генералы.

11 сентября в пункт управления ОКВ* "Вервольф"*** были вызваны командующие группой "Б" генерал-полковник фон Вейхс и командующий 6-й армией генерал-лейтенант Паулюс.

Гитлера в этой поездке сопровождали его военные советники, а также начальник штаба ОКВ Йодль и начальник генштаба сухопутных войск Гальдер.

Слушая короткий аргументированный доклад фон Вейхса, Гитлер глядел на него в упор холодными немигающими глазами. Высокий, худощавый, в больших роговых очках, генерал был более похож на профессора военной академии.

Вейхс нервничал. Недавно после вызова сюда и доклада был снят с должности за неудачи на Северном Кавказе фельдмаршал Лист. Под Сталинградом положение войск не лучше...

Когда Вейхс стал перечислять трудности, связанные с осуществлением операции "Фишрейер"*, Гитлер демонстративно отвернулся. Вейхс отлично помнил его слова: "Сталинград должен быть взят 25 июля". И он обещал уложиться в этот срок. Тогда все казалось реальным. Вейхс невольно прервал доклад.

Гитлер саркастически улыбнулся. Поправив спадавшую на бровь острую косицу, воскликнул:

— Когда доблестная германская армия побеждает в бою, мои фельдмаршалы присваивают себе лавры, а когда мы терпим поражение, они указывают на меня. Их боевого духа хватает на две-три недели! А вам, фон Вейхс, и этого оказалось много. — Гитлер снова в упор взглянул на генерал-полковника: — Мне нужны не ваши оправдания, не старческое нытье — это вы потом изложите в своих мемуарах, — а тщательный анализ неудач моих войск на Волге. И выводы из этого! — Голос его сорвался, и он нервно топнул ногой.

— Мой фюрер, предугадать вероятный ход событий в ближайшем будущем невозможно. Русские вводят в бой все новые резервы. Поэтому в настоящий момент я не могу что-либо добавить к сказанному, — ответил фон Вейхс.

— Благодарю, генерал. Ваша позиция меня не утешает, а, наоборот, настораживает, — сказал Гитлер и, повернувшись к Паулюсу, сел: — Что доложит мне командующий шестой армией?

Паулюс сказал, что фронт его ар-

* Главное командование вермахта.

** "Волчья стая", ставка Гитлера под Винницей.

* "Цапля", операция по захвату Сталинграда и волжского бассейна.

мии слаб, особенно на левом фланге. Что, по данным разведки, русские накапливают за Волгой людские и материальные резервы, поэтому есть смысл отказаться от штурма Сталинграда и изменить задачи германских войск в бассейне Волги.

— То есть отойти от Сталинграда?! — возмущенно воскликнул Гитлер, вскакивая. Казалось, за этим последует вспышка ярости, однако все обошлось. Подойдя к Паулюсу, фюрер окинул его быстрым взглядом, сказал спокойно: — Генерал Паулюс, как вам должно быть известно, мне уже предлагали зимой этого года отвести германскую армию к границе. То есть потерять все, что было взято нами огнем и мечом. Оставить на поругание большевикам кладбища моих славных солдат! Мотив все тот же — опасность окружения. А я не верю этим доводам. Только немцы способны окружить крупные силы противника. Да-да!

Вспомните московское сражение: удалось русским окружить тогда наши войска?! Нет, генерал Паулюс! А ведь угроза была более реальной, чем под Сталинградом! Вы нагоняете сами на себя страх. — Он молча прошел мимо Гальдера, который, по обычаю, скрупулезно вел записи в толстой тетради. Мнение начальника генштаба по этому вопросу было то же, что высказали Вейхс и Паулюс, поэтому Гитлер не стал задавать ему вопросов.

Гальдер, провожая взглядом фюрера, вспомнил слова Марка Твена: "Короля от бондаря отличает только одежда". Подавив невольный вздох, подумал: "А ведь прав был этот американец!"

Поравнявшись с Паулюсом, Гитлер продолжал:

— Что же касается сосредоточения русских резервов в районе Сталинграда, то это — миф. Мыльный пузырь! Их силы на грани истощения. Двадцать миллионов русских солдат истреблены или находятся в наших концлагерях. Эту потрясающую цифру еще весной назвал мне Геббельс. Я твердо убежден в том, что к ответным действиям широкого стратегического характера русские больше не способны. Да, да! Вся их жизненно важная территория покорена нами

и прочно удерживается. Надо только одно: уничтожить остатки русской армии. Задача предельно проста, а мои доблестные генералы не в силах ее решить! — Слово "доблестные" он произнес с ударением. — Мне помнятся слова Наполеона в занятой им Москве, когда он созвал своих маршалов: "Я найду первых попавшихся не пьяных солдат и сделаю их маршалами, а вас разжалую".

Минуто-две Гитлер молчал, затем подошел к огромной карте Советского Союза, где синим цветом была заштрихована оккупированная германскими войсками территория. Прибалтика, Белоруссия, Украина, Северный Кавказ, большая часть исконно русских земель. Осталось совсем немного, и Россия будет задущена. С трудом оторвавшись от карты, он воскликнул:

— Сталинград взять любой ценой! Срок — десять дней!

...Совещание продолжалось двое суток. Мнения генералов разделились, в результате все же было выбрано единое решение: если не удастся овладеть Сталинградом полностью, стереть его с лица земли.

Гитлер, уступив присутствующим на совещании генералам, подписал новую директиву. Задача захвата Сталинграда вновь возлагалась на 6-ю армию, при этом план "Фишрейер" не отменялся, и Гитлер предложил готовить его начальнику генштаба. Гальдер пытался убедить фюрера, что действующие на юго-востоке германские войска не в состоянии одновременно выполнить задачи по захвату Кавказа и бассейна Волги и что, по его мнению, необходимо сконцентрировать все силы для овладения Сталинградом, затем Астраханью, то есть решать задачи поэтапно. Гитлер пришел в бешенство.

Его разлад с Гальдером усилился. "Наблюдавшаяся и ранее недооценка возможностей противника, — записал Гальдер в своем дневнике, — принимает гротескные формы и грозит опасностью. Положение становится все более нетерпимым. О серьезной работе не может быть и речи".

С этого дня Гитлер фактически от-

странил Гальдера от руководства генштабом и вскоре снял с должности. На его место был назначен генерал-полковник Курт Цейтцлер.

9

12 сентября Сталин вызвал к себе Жукова и Василевского.

О положении на Сталинградском фронте, а также о боях на грозненском направлении докладывал начальник Генштаба. На Северном Кавказе, отметил Василевский, положение весьма тревожное. Немцы, не считаясь с потерями, рвутся к нефтеносным районам. Наши войска сражаются героически. Это особенно видно на примере боев в районе Моздока, Малгобека и Эльхотово, где немецко-фашистские силы не имеют успеха.

С тревогой говорил Василевский о боях под Сталинградом.

— А что там с Лопатиным? — спросил Сталин.

— На его замене настаивал Хрущев. Как мне стало известно, генерал Чуйков, предложенный им вместо Лопатина, вчера выехал в расположение шестидесяти второй армии, — ответил Василевский. — О ходатайстве военного совета фронта я доложу вам после обсуждения основного вопроса.

— Та-а-ак, — медленно произнес Сталин. — Выходит, что Хрущев-таки вершит там все дела?

Василевский промолчал.

Выбив пепел из трубки, Сталин сосредоточенно прочистил ершиком чубук, протер его носовым платком и повернулся всем корпусом к Жукову:

— Что нужно Сталинградскому фронту для ликвидации немецкого выступа?

— Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор от Латошинки до Рынка, а стало быть, соединиться с войсками Юго-Восточного фронта не удастся, — прямо заявил Жуков. — Паулюс, чувствуя, что мы рано или поздно ударим по этому выступу, концентрирует здесь значительные силы. По данным разведки, превосходство в людях и технике у него многократное, поэтому дальнейшие

атаки наших войск приведут к бесцельным потерям людей.

— Что же получается — мы так и будем топтаться на месте?

— Это не только мое мнение.

Сталин недовольно поморщился:

— Вы повторяете то, что докладывали мне по ВЧ десятого сентября. Стоило нам собираться ради этого?

— Товарищ Сталин, у меня есть конкретное предложение, — ответил Жуков, вставая и опираясь ладонями на край стола. — В результате изучения на месте обстановки я пришел к выводу, что немцы со дня на день начнут штурм Сталинграда. Поэтому считаю целесообразным передать 62-ю армию в состав Юго-Восточного фронта. Причина всем ясна.

— Не возражаю, — сказал Верховный Главнокомандующий. — Товарищ Василевский, подготовьте предложение по этому вопросу к обсуждению на заседании Ставки.

— Есть, товарищ Сталин, — ответил начальник Генштаба.

— И еще, — продолжал Жуков, — чтобы выправить положение под Сталинградом, надо искать иное решение. К такому выводу я и товарищ Василевский пришли, будучи еще там.

...Так было положено начало разработке операции "Уран". Предварительный разговор о возможности ее осуществления, силах и средствах, а также ориентировочных сроках состоялся у Сталина на следующий день.

Совещание еще не закончилось, когда вошедший в кабинет Поскребишев доложил:

— Товарищ Сталин, звонит Еременко, просит вас.

Верховный Главнокомандующий снял трубку. Выслушав, ответил: "Действуйте, указание поступит". С минуту молчал, затем произнес глуховатым голосом:

— Еременко просит передать из нашего резерва в состав шестидесяти второй армии тринадцатую гвардейскую дивизию. Я дал на это предварительное согласие. Что же касается иного решения, — Сталин подчеркнул произнес последние слова, — то это надо бы изучить на месте, посоветоваться с командующими фрон-

тов. При этом конечной цели не называть. И вообще, об этом до поры до времени должны знать только мы трое. Вам, товарищ Жуков, надо немедленно отбыть на Сталинградский фронт, а товарищу Василевскому чуть позже — на Юго-Восточный. И тогда мы возвратимся к этому вопросу.

10

13 сентября противник, сковав действия защитников Сталинграда на флангах, предпринял атаки на Мамаев курган. Бой происходил метрах в восьмистах от КП 62-й армии. Его разгромом Паулюс намеревался парализовать действия армии, а затем, с выходом к Волге, расчленил ее и уничтожить по частям.

Генерал Чуйков срочно перевел командный пункт в Царицынскую штольню. Этот день стал едва ли не самым трагическим для защитников города.

Собрав все резервы, Чуйков с трудом сдерживал рвущегося к Волге противника. Немцы уже предчувствовали победу: в минуты затишья солдаты свистели, улюлюкали, плясали на тротуарах под губные гармошки.

Атаки следовали за атаками. Фашистские автоматчики, просачиваясь через оборону советских войск, занимали отдельные здания. На другой день они приблизились к Мамаеву кургану и создали угрозу захвата Центрального вокзала. За ним — Волга...

Последующие три дня бои на этом участке фронта шли с нарастающим напряжением, однако решительного успеха противнику не принесли. То, чего опасались Паулюс и его генералы, произошло: 6-я армия завязла в сталинградских руинах. Отдельные дома и объекты по несколько раз переходили из рук в руки. Так было с вокзалом, элеватором, заводами "Силикат", Сталинградским тракторным. А легендарный Мамаев курган (отметка 102,0) стал словно бы центром сражений на земле Сталинграда.

Немецкий генерал Дерр впоследствии писал: "Русские превосходили немцев в использовании местности и

маскировке и были опытнее в баррикадных боях за отдельные дома".

23 сентября, в день 52-летия Паулюса, противнику удалось прорваться к Волге в районе центральной пристани, однако его план атаковать 62-ю армию во фланг и тыл ударом вдоль Волги не удался. Советские войска несли тяжелые потери. В отдельных механизированных и стрелковых дивизиях оставалось лишь по несколько сот человек. Их отводили за Волгу на переформирование, на смену в Сталинград прибывали новые дивизии, которые вступали в бой с врагом сразу после переправы*. Но и противник, стремясь любой ценой захватить город, устилал трупами его руины. Вот что докладывал командир 29-й мотодивизии Паулюсу 17 сентября: "Оба моторизованных полка дивизии почти полностью уничтожены, из 220 танков остались 42".

В Берлине, однако, надеялись на скорую победу. Несколько дней газеты выходили с окнами на первых полосах, оставленными для экстренного сообщения о взятии Сталинграда.

30 сентября, выступая в берлинском Спортпаласе, Гитлер заявил, что Волга перерезана и Сталинград будет занят в ближайшие дни. Бурными овациями встретили его слова сидящие в зале. Гитлер, высоко подымая руку, воскликнул: "Можете быть уверенными, что уже никто не сумеет сдвинуть нас с этого места!"

...Получив запись речи Гитлера, начальник штаба 6-й армии Шмидт предложил Паулюсу довести ее до всех офицеров и солдат.

— Вы считаете это необходимым? — спросил Паулюс.

— Слова фюрера, как я полагаю, укрепят нашу волю к победе, — настаивал начальник штаба.

*От пяти полков легендарной 10-й дивизии войск НКВД полковника А. Сараява практически остались отделении. С 13 сентября она была передана в оперативное подчинение 62-й армии генерала Чуйкова, награждена и переформирована в 181-ю Сталинградскую ордена Ленина стрелковую дивизию. В 62-ю армию входила и 95-я стрелковая дивизия полковника В. Горилного, сформированная из бойцов и командиров войск НКВД. Это соединение тоже отличилось в боях, в живых осталось менее двухсот его бойцов. В последующем дивизия стала гвардейской, закончила славный победный путь, на Эльбе. — Ред.

— Что ж, готовьте обращение. Моя подпись там не обязательна.

11

Курт Цейтцлер готовился к первому своему докладу обстоятельно. Зная исключительную память фюрера, он тем не менее приказал первому оберквартирмейстеру штаба подготовить таблицы и карты, где были бы приведены соотношения сил обеих воюющих сторон на один километр фронта, а также данные о количестве немецких солдат и солдат союзников, наличии боевой техники.

Доклад шел в форме, доступной для человека, несведущего в военных вопросах: за Гитлером ведь не случайно закрепилась кличка «богемский ефрейтор».

Фюрер, слушая начальника генштаба, против обычая не перебивал его. Казалось, приводимые в докладе аргументы потрясли его своей точностью. И только когда Цейтцлер остановился на примерах все возрастающей мощи русских военных заводов, Гитлер высказал свое сомнение:

— Этого не может быть! Я не верю нашей разведке — сколько уж раз давала она мне противоречивые сведения о военном потенциале противника. Я возвращаюсь к своей мысли: в сорок первом мы взломали дверь, не зная, что за ней находится. И все это — из-за плохой работы абвера.

Наступила неприятная пауза. Цейтцлер, выслушав фюрера, тем не менее старался не упустить главную нить своего доклада.

— От русских можно ждать любого сюрприза, — проговорил он задумчиво. — Большая же опасность, как мне представляется, состоит в другом: территория, захваченная нами к этому времени, не соответствует численности оккупирующей ее армии. По нашим расчетам, оставленные в городах гарнизоны невелики или вовсе отсутствуют.

Гитлер кивнул, не то соглашаясь с доводами начальника генштаба, не то делая знак продолжать доклад. Цейтцлер, закончив мысль об оккупационной армии, перешел к характе-

ристике событий на Восточном фронте.

— Что касается главного направления — Сталинградского, то самым ненадежным местом там является стык группы армий «Б» с группой армий «Центр», где значительный участок фронта удерживается слабыми солдатами: румынами, итальянцами и венграми. Безусловно, русское командование это учитывает. Чтобы ликвидировать опасность, необходимо ставить между частями союзников наши. Однако фронтовыми резервами мы не в силах что-либо сделать. Их почти нет. А тот людской поток и боевая техника, что идут на пополнение, едва возмещают наши потери под Сталинградом. Это может привести к губельным последствиям.

— Вы отчаянный пессимист, Цейтцлер, — перебил начальника генштаба Гитлер. — Здесь, на Восточном фронте, мы пережили куда худшие времена, и то остались живы. Справимся и с новыми трудностями!

— Мой фюрер, русские уже не те, что были в начале войны, и даже в первые месяцы летней кампании этого года. Боеспособность их войск стала неизмеримо выше. Это тоже нельзя сбрасывать со счетов.

— В ваших словах, генерал Цейтцлер, я не нахожу ничего нового, — холодно произнес Гитлер, давая понять, что разговор идет к завершению. — Примерно это я слышал и от Гальдера. Мои солдаты дерутся превосходно, иначе не развеялся бы наш флаг над Эльбрусом и не стояли бы они у Волги. И оружие наше лучше. Победа близка, я верю в это! Мною уже отдано указание изготвить медали за взятие Сталинграда.

Цейтцлер невольно вспомнил, как в октябре прошлого года офицерам и солдатам 4-й армии фельдмаршала фон Клюге заранее были выданы «айнладунгскарте» — пропуска на победный парад в Москве. И что из этого вышло?

Неприятное предчувствие заставило его глубоко задуматься над судьбой летней кампании на Восточном фронте.

12

28 сентября по инициативе Жукова и Василевского было принято решение о создании Юго-Западного фронта. Одновременно Сталинградский фронт был переименован в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский. Все три фронта предназначались для участия в наступательной операции против действующей в районе Сталинграда группировки фашистов.

На первом этапе контрнаступления главная роль отводилась войскам Юго-Западного фронта (командующий генерал-лейтенант Ватутин), которые должны были нанести мощные и глубокие удары в районах Серафимовичей и Клетской. Одновременно этим войскам Сталинградского фронта (командующий генерал-полковник Еременко) ставилась задача наступать от Сарпинских озер. Ударные группировки обоих фронтов должны были соединиться у хутора Советский (юго-восточнее Калача) и тем самым завершить окружение войск противника, действующих в междуречье Дона и Волги.

Донскому фронту (командующий генерал-лейтенант Рокоссовский) предписывалось нанести два вспомогательных удара. Один — совместно с Юго-Западным фронтом из района восточнее Клетской на юго-восток, второй — силами 24-й армии из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в направлении на Вертячий для отсечения войск противника, сосредоточенных в малой излучине Дона, от сталинградской группировки.

Верховный Главнокомандующий, утвердив план, предложил Жукову и Василевскому отбыть в район Сталинграда для отработки плана контрнаступления непосредственно в войсках. Все мероприятия должны были проводиться под видом усиления войск трех фронтов. Главная же цель пока держалась в строгой тайне как от работников Генштаба, так и от штаба тыла Красной Армии.

Сосредоточение сил и средств для операции "Уран" проходило в сложных условиях. "С 1 по 20 ноября, —

писал впоследствии Г. К. Жуков, — через Волгу было переправлено свыше 111 тысяч человек, 427 танков, 556 орудий, 14 тысяч автомашин, около 7 тысяч тонн боеприпасов".

Верховный Главнокомандующий ставил Жукову и Василевскому задачу: до начала операции войскам трех фронтов измотать и обескровить противника, не дать ему возможности захватить Сталинград. "Иначе, — говорил он, — ваша задумка не осуществится".

Положение 62-й армии, несмотря на ее усиление, оставалось критическим. В отдельных районах города ее войска удерживали лишь островки.

В октябре в Сталинград было переправлено около шести укомплектованных дивизий, но угроза захвата города все еще оставалась реальной.

19 октября войска Донского фронта во взаимодействии с 64-й армией Сталинградского фронта нанесли удар по северному и южному крылу вражеской группировки. Чтобы выправить положение на этом участке фронта, Паулюс вынужден был перебросить из Сталинграда часть авиации, танков и артиллерии.

Советским войскам не удалось развить успех, однако положение 62-й армии несколько улучшилось.

Бои в городе продолжались. 11 ноября, когда по Волге пошла шуга и связь 62-й армии с Большой землей прекратилась, Паулюс предпринял последнюю попытку сбросить сталинградцев в ледяную купель. К исходу дня немцы заняли южную часть завода "Баррикады" и вышли здесь к Волге.

Сталинград вот-вот должен был пасть...

13

Отработка плана контрнаступления под Сталинградом была закончена в первой декаде ноября. В войсках Юго-Западного фронта находились генералы Жуков, Воронов, Голованов, Федоренко.

Василевский работал в войсках Сталинградского фронта.

После рассмотрения (вместе с командованием Донского фронта) хода подготовки к наступлению 21-й и 65-й армий Юго-Западного фронта и отработки задач обоих фронтов Г. К. Жуков 10 ноября прибыл на КП 57-й армии, где находился Василевский. Там к 12 ноября завершилась отработка планов предстоящего контр-наступления, о чем и было доложено И. В. Сталину по телефону.

13 ноября в Кремле состоялось последнее совещание по реализации плана "Уран". На этом совещании возникло еще одно предложение: чтобы не дать возможности немецко-фашистскому командованию снять часть сил с других фронтов, одновременно со Сталинградской наступательной операцией провести наступление советских войск в районе Вязьмы силами Калининского и Западного фронтов.

Сталин, выслушав Жукова и Василевского, спросил: "Кто из вас возьмется за это дело?" Жуков дал свое согласие. Таким образом, координация действий советских войск в районе Сталинграда ложилась непосредственно на Василевского.

После этого Сталин предложил Жукову и Василевскому отбыть в район Сталинграда для окончательной проверки готовности войск и командования фронтов к началу операции.

14 ноября Жуков был в штабе Юго-Западного фронта у Ватутина, Василевский — в штабе Сталинградского фронта у Еременко.

На следующий день Жуков получил от Сталина телеграмму:

"Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова* можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезду в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.

13 часов 10 минут

15.11.42 г."

Обсудив все вопросы предстоящей операции, Жуков и Василевский назначили переход в наступление Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта на 19 ноября, Сталинградского — на 20 ноября.

Сталин утвердил их решение.

17 ноября Жуков был вызван в Ставку для разработки операции войск Калининского и Западного фронтов. На следующий день сюда был вызван и Василевский. Его ознакомили с письмом командира 4-го мехкорпуса генерала Вольского на имя Верховного Главнокомандующего с просьбой тщательно проверить реальность принятых по операции решений, отложить ее, а быть может, и отказаться от нее совсем. Члены Государственного комитета обороны потребовали от начальника Генштаба дать оценку письму. Василевский заявил, что никаких оснований для отмены подготовленной операции или пересмотра сроков ее начала не существует. Сталин тут же связался с комкором Вольским. После разговора высказал Василевскому свое решение: автора письма оставить в должности, а окончательно его судьбу решить по результатам боевых действий корпуса. "В первые дни операции доложите мне о нем особо", — сказал в заключение Сталин.

В первый день операции "Уран" механизированный корпус генерала Вольского, успешно преодолев оборону противника, продвинулся на двадцать километров...

(Окончание следует)

* День наступления фронтов Ватутина и Еременко.

Владимир БАРАНОВ

БАЧАТА

Рассказ

1

Они стояли перед Лошковым испуганные и что-то пытались объяснить ему на своем языке. Рядом, на земле, лежали два АК-47. Автоматы были найдены неподалеку от того места, где прятались задержанные. Разведчики Лошкова прочесывали виноградник, там и наткнулись на этих юношей-афганцев. Их выволокли на дорогу, сопровождая пинками, и теперь они стояли перед лейтенантом — два трясущихся от страха мышонка в окружении рослых солдат-разведчиков.

— Так чего они говорят, Халимов? Переводи, да живей, — приказал Лошков одному из своих подчиненных, таджику по национальности.

— Они говорят, что оружие не ихнее, товарищ лейтенант. — Халимов хорошо говорил по-русски.

— Да что с ними чикаться?! — подал вдруг голос замкомвзвода сержант Терентьев. — Ихнее — не ихнее. Хлопнуть, да и все тут!

Но Лошкову этих пацанов расстреливать не хотелось. Хотя... Если бы

он был твердо уверен, что оружие принадлежало им и они из него стреляли, скорее всего согласился бы с Терентьевым. Но пока выходила заминка: "Казнить нельзя помиловать".

Все спуталось, все смешалось. Да еще эта дурацкая операция... Звереть, конечно, нельзя. Но какая может быть, к черту, жалость, если вот оно, оружие...

А началось все еще вчерашним днем с появления в штабе дивизии местных хадовцев*. С собой они привезли "доброжелателя", который согласился с вертолета указать дом, где должны были собраться на совет главари душманов.

Был срочно разработан план операции, по которому отдельному разведывательному батальону предписывалось после авиационной подготовки атаковать указанный объект и ликвидировать сборище со всем его окружением.

Наутро операция началась. К назначенному месту батальон выдвигался на бронетехнике. В ходе марша

* ХАД — служба государственной безопасности ДРА.

один из “бээрдээмов” взвода лейтенанта Лошкова влетел в кювет и прочно застрял в нем. Так как по вине штаба техническое замыкание назначено не было, командир батальона майор Морозов приказал Лошкову вытаскивать БРДМ своими силами. Комбат полагал, что справится с поставленной задачей и без взвода специальной разведки. По этой причине все перипетии развернувшегося боя лейтенант со своими подчиненными вынужден был наблюдать на некотором удалении от места событий.

Было видно, как километрах в двух от них в уже посветлевшем утреннем небе закружились вертолеты. Когда они поочередно пикировали, от каждого отделялась и устремлялась к земле черная точка авиабомбы. Потом доносился глухой звук разрыва. Места падения бомб Лошков не видел. Впереди возвышался холм, и вертолеты бомбили то, что лежало за холмом.

— “Сотки” бросают, — со знанием дела заметил сержант Терентьев, стоя на броне рядом со своим командиром.

“Сотки” рвали землю минут пятнадцать. Потом в той стороне, где находился кишлак, послышалась активная стрельба очередями и уханье пушек. Но вскоре стало тихо.

Когда Лошков со своим взводом прибыл к месту событий, все уже было кончено. По крайней мере, так ему показалось. Большая часть техники сосредоточилась в одном месте — на широкой луговине, прилегавшей к злополучному дому. Бойцы лениво покуривали, кто-то чистил ору-

жие, иные дремали на солнышке, развалившись прямо на земле, покрытой мягким ковром апрельской травы.

Дом и двор, которые подверглись штурму, были обнесены высоким дувалом, теперь разрушенным в нескольких местах. Из одного такого проема продолжали выходить солдаты батальона. Но что-то непонятное, как сразу подметил Лошков, царило вокруг. Не было слышно привычного для таких минут возбужденного голоса или смеха. Не видно было и пленных, трофейного оружия. Удивляло и поведение людей. “Как будто разом всех макнули в дерьмо”, — сплюнул в сердцах лейтенант.

Со своими людьми Лошков прошел во двор, где сильно пахло сгоревшим тротилом. Сад с огородом, примыкавшие к жилищу, были сплошь изрыты воронками от стокилограммовых авиабомб. Да и сам дом оказался наполовину разрушенным прямым попаданием. А вот хозяйственные постройки остались невредимыми, и в открытых загончиках бляела и мычала домашняя скотина — овцы, несколько осликов и корова с теленком. Видя людей, животные просились на выпас...

У полуразрушенного дома стояли офицеры во главе с комбатом. Лошков подошел, доложил о прибытии.

— Ну что, Лошков, полюбуйся и ты на результаты сражения. — Комбат указал на груды развалин.

Кроме спекшейся глины, комьев свежеевывороченной земли, каких-то балок, тряпок и прочего хлама, Лошков ничего не увидел.

В Афганистане Владимир Баранов два года командовал взводом разведки, был дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”. С той поры минуло немало лет, но пережитое не отпускает...

В минувшем году мы познакомили вас с рассказом подполковника Баранова “Хлеб Фатимы”. Сегодня предлагаем еще один из афганского цикла.

— А где же они? — нерешительно спросил он у комбата.

— Ну что ты, б... слепой, что ли? Вон старуха лежит, вон — молодуха, вон — девочка, наверное, еще... — Рука комбата уверенно скользила в воздухе, указывая взводному на то, чего он никак не мог разглядеть в этом хаосе полумрака. Но потом и он увидел...

Старуху можно было признать по дряблой, морщинистой коже. Груды молодой были словно налитые. О том, что рядом с ними лежала и девочка-подросток, говорили торчащая из глиняной кучи ручонка и обрывки детского платица. Женщины были засыпаны землей наполовину, ребенок — почти полностью. У всех троих отсутствовали головы, виднелись только рваные края шей, откуда сочилась бурая кровавая масса.

— Видно, взрывной волной посносило, — предположил кто-то из офицеров. Но комбат, не обращая внимания на реплику, продолжал говорить с Лошковым:

— А там, гляди, хозяин, надо полагать...

И действительно, на уцелевшей половине дома, впритирку к стене лежал мужчина лет тридцати — тридцати пяти, весь запорошенный зеленоватой крошкой. Он корчился, уткнувшись лицом в земляной пол, и хрипло дышал. Из рта и ушей текла кровь.

Картина была тягостной. Все молчали.

2

Доложив по радиостанции наверх, Морозов терпеливо выслушивал старшего начальника. Тот долго плевался, матерился: на то у него были свои причины. Во-первых, именно он, доверившись хадовцам, предложил провести молниеносную операцию с нанесением точечного удара по сборищу моджахедов. Во-вторых, "доброжелатель" после возвращения вертолетов на базу благополучно сбежал из-под его опеки. Тем не ме-

нее, взяв себя в руки, старший начальник приказал перетряхнуть весь кишлак, но добыть трофеи, чтобы хоть как-то да оправдать проведенную операцию.

Получив указания, майор Морозов поставил подразделениям новую задачу, в соответствии с которой взводу специальной разведки лейтенанта Лошкова досталась восточная окраина кишлака с прилегающей местностью.

...И вот теперь взводный озабоченно поглядывал на этих двух до смерти испуганных подростков и продолжал размышлять: как все-таки поступить с ними?

Месяца три назад Лошкова, как и многих других еще не нюхавших пороха, не терзали сомнения. Но тут случилось его взводу блокировать выходы из одного кишлака неподалеку от Гулям-Али. Было жутко холодно, под утро выпал снег. Накануне ночью, рассадив своих людей по всем тропкам-дорожкам, ведущим из кишлака, лейтенант с переводчиком Халимовым и молодым бойцом местного отряда царандо* Акрамом также оседлал одну из тропинок.

Они сидели тихо, чутко прислушиваясь к звукам, доносившимся из кишлака. Акрам, глубоко надвинув на лоб шапку-ушанку и пряча ладони в рукава солдатского бушлата, лежал чуть впереди. Напряженно всматриваясь в темноту, он словно поджидал кого-то. Однако работа для засадных групп началась не сразу, а лишь когда на исходную позицию для зачистки кишлака выдвинулись подразделения афганских "командос"...

Этих двоих, что приближались по запорошенной тропе, первым заметил Акрам.

— Командор, ду нафар**, — горячо зашептал он в ухо Лошкову. Но лейтенант и сам уже видел два наплывающих силуэта. Большого в предрассветных сумерках разобрать было нельзя.

* Афганская народная милиция в 1980-1989гг.

** Командир, два человека (афг.).

Лошков покосился на тяжелый ППШ, висевший на шее Акрама, и шепнул Халимову:

— Скажи ему, без моей команды не стрелять.

Афганец понимающе закивал головой, но не успел Лошков поудобнее перехватить свой автомат, как ППШ Акрама оглушительно загрохотал. — Командор! Душман, душман! — орал Акрам, поливая свинцом тропу и тех, кто шел по ней. Делать нечего, Лошков с Халимовым тоже дали по очереди. А устремились вперед, когда те двое неподвижно распластались на тропе.

Первым на снегу, пропитанном кровью, лежал парень лет шестнадцати, весь изрешеченный пулями. Второй — совсем еще мальчик — лет двенадцати, хотя и дышал, находился без сознания. Он лежал на спине, раскинув руки. «Не жилец, — то ли с горечью, то ли с досадой подумал лейтенант. — Даже если ранен не смертельно, сколько сможет тут пролежать на морозе? «

В кишлак Лошков со своими людьми без приказа сунуться не мог.

— Добить надо, — заметил Халимов. — Зачем мучаться будет? — Он вскинул автомат и направил в голову мальчику. Но у того вдруг дрогнули веки, он посмотрел на Лошкова осмысленным взглядом.

— Ах ты, курва такая! — непонятно на кого и зачем закричал взводный. А через мгновение он уже расстегивал одежду пацана.

Мальчишка отделался легко: лишь одна пуля угодила в него, да и та, пробив мягкие ткани бедра, вышла, не задев кости. Весело приговаривая, Лошков мотал бинт. За все это время раненый не проронил ни слова. Закончив перевязку, лейтенант приказал:

— Халимов, отдай ему перчатки и скажи, пусть домой ползет. — Потом сам обратился к мальчику, указывая в сторону кишлака: — Бро, бача, бро хана*.

Рядом стоял насупившийся Акрам.

— А этому скажи, — кивнул Лошков в сторону афганца, — что он — сын ишака и... И мы вместе с ним.

3

...Между тем отловленные в винограднике бачата по-прежнему ничего толком не сказали в свое оправдание. Они стояли перед лейтенантом, обреченно глядя ему в глаза. А Лошков продолжал допрос:

— И все же, это их оружие или нет? Халимов, спроси еще раз, и пусть говорят правду. За правду не расстреляем. Скажи, я обещаю.

Халимов перевел. Бачата вновь стали дружно отпираться, хотя и не так активно. Они слишком много плохого слышали о шурави*, чтобы довериться этому командиру. Однако он требует правды. Подспудно они чувствовали, что наступает решающий момент и дальше просто отнекиваться опасно. Главное — улики рядом. А так... Есть какой-то шанс остаться в живых. И тогда один из них вдруг заговорил твердым и совершенно бесстрастным голосом (куда только девались его испуганный взгляд и трясущиеся руки!). Халимов бегло переводил.

Из сказанного паренюком Лошков понял, что несколько дней назад в кишлак нагрянули моджахеды из Панджшера. Силой и угрозами они стали формировать отряд молодежи для отправки в армию Ахмат-шаха. Всем вручили оружие и, распустив по домам, велели ждать сигнала. Позавчера моджахеды ушли в горы, оставив одного своего из местных. Когда кишлак стали бомбить, тот повел отряд за собой. Им же удалось улизнуть и спрятаться в винограднике.

Рассказ вполне удовлетворил Лошкова, но, вспомнив разбомбленный дом, он спросил парня и об этом. Тот ответил, что не понимает причин бомбардировки, в доме жил уважаемый человек, учитель.

«Провокация, — подумал Лошков. —

* *Иди, мальчик, иди домой (афг.).*

* *Советский, советские (афг.)*

Вся сегодняшняя операция — это провокация, задуманная моджахедами против нас и осуществленная нашими же руками! Жаль, что этих пацанят я не могу отпустить восвояси: в батальоне, да и во взводе не поймут. — Он окинул взглядом хмурые лица своих солдат. — Да и радист уже доложил в штаб, что взяли двух духов с оружием”.

— Вот что, — изрек наконец лейтенант, обращаясь ко взводу. — Этим двоим ведем к комбату. Все! Дозорные, вперед!

Штаб батальона на время операции расположился на северной окраине кишлака. Комбата “трофеи” обрадовали, а в остальном...

— Что с ними цацкался? — комбат кивнул на юношей-афганцев.

— Так, товарищ майор, оружие-то не ихнее, — соврал взводный.

— Слушай, Лошков, ты действительно того... или прикидываешься? Ихнее — не ихнее... Ну давай всех отпускать. В задницу давай целовать. Они тебе лапшу на уши повесили, а ты и поверил.

Подошел заместитель командира батальона по политической части майор Бабич, грузный дядька лет сорока.

— Во! Посмотри, Николаич, на этого... — Морозов кивнул на Лошкова. — Поймал в винограднике двух духов с оружием. Предлагает отпустить.

Бабич недоуменно взглянул на лейтенанта:

— Ты что, Лошков? Там, в разбитом доме, три бабы безглавые лежат, мужик погибает. Ни за что погибли. А ты предлагаешь отпустить с миром взятых с оружием?!

— Я еще ничего не предложил, — начал оправдываться лейтенант. — Но оружие-то не ихнее...

— Ты мне дуру не гони! — оборвал его Бабич. — Мне твои разведчики уже все рассказали.

Лошков похолодел. Шансы оставить этих парней в живых стремительно таяли.

— Ну тогда давайте в ХАД их отправим.

Замполит тихо застонал, как от зубной боли:

— Ну какой ХАД, Лошков?! Какой, к шутам, ХАД? В ХАД отдадим, значит, и автоматы туда же уйдут. В ХАД этих сукиных детей продержат дня два и отпустят. А они снова воевать пойдут. И потом — нам сегодня трофеи нужны, ты хоть это понимаешь?

— Тогда давайте отдадим их в ХАД без оружия, — не отступал лейтенант, но замполит жестко осадил его:

— Ты за кого нас держишь, Лошков? Ты что ж хочешь, чтоб мы под твою дудку плясали?! Ты кто такой?! Хочешь быть святее папы римского?! Ты что за политику здесь разводишь?! — и добавил, подозрительно глядя в лицо лейтенанту: — Что-то ты вообще в последнее время не нравишься мне. Гляди, Лошков, не особый ли отдел по тебе плачет.

Взводный почувствовал свое бессилие перед железной логикой замполита, но не спасовал и на этот раз:

— Надо действовать по закону.

Комбат, зло сплюнув, прекратил дискуссию:

— Слушай ты, жалельщик... Сажай своих обезьян в “бээрдээм” и вези куда хочешь. Хоть в ХАД, хоть в зад, но только с глаз моих к едрене матери!

4

Через две недели начальник Баграмского отделения ХАДа пригласил к себе Морозова, Бабича и Лошкова на дружескую, как он выразился, встречу. Получив добро от командира дивизии, офицеры выехали незамедлительно, прихватив с собой переводчика Халимова.

Пока ехали, Лошков размышлял. Он примерно догадывался, зачем их вызывают. Опять насчет этих бачат. За полторы недели вместе с сержантом Терентьевым его уже трижды вызывали сюда. Лейтенант понимал затруднения хадовцев: парни-то были взяты с оружием. Добровольно или нет, но формально являлись членами банды. Перед хадовцами стояла все

та же дилемма: “Казнить нельзя помиловать”. Тюрьмы переполнены, держать захваченных негде. Убивать без суда могут только мясники. А гражданская война в стране разгорается все сильнее. Моджахедов с каждым днем прибывает. Кто даст гарантию, что и эти двое не уйдут к душманам? В общем, задал лейтенант-шурави задачу.

В ХАДе их ждал накрытый стол: закуски, горячий плов, сладости, чай. Стояла и водка. Кроме начальника — рафика* Ватанджара, двух его сотрудников, в комнате сидели оба паренька и двое седобородых мужчин, как оказалось, их отцы и собственно инициаторы застолья. Ватанджар, крупного телосложения мужчина с посеребренной шевелюрой, познакомил собравшихся. Отцы вежливо поздоровались с Морозовым и Бабичем, а Лошков долго искренне и тепло обнимали, не скрывая и не стыдясь слез.

Потом Ватанджар всех пригласил к трапезе. Из присутствующих водку не пили старики, их сыновья и Халимов.

Комбат первым попросил слова. Твердо поставленным голосом, чеканя слова, он говорил о заговоре империалистических стран и Китая против Апрельской революции, о почетной миссии советских войск на афганской земле, о вечной и нерушимой дружбе между братскими соседними народами. Халимов переводил. Отцы одобрительно кивали. За дружбу народов выпили стоя.

Лошков слушал речь комбата с нарастающим чувством неприязни. Он слегка захмелел, и в нем заплясал тот чертик, который заставляет людей говорить то, что на трезвую голову они вряд ли бы когда высказали. Он попросил слова. Встал, подождал, пока говор притихнет, и, изрядно волнуясь, заговорил о том, что и в его стране есть не только хорошие люди, но и негодяи. И сегодня в Афганистан приехали не только хорошие. Эти, иногда и сами того не по-

нима, действуют рука об руку с душманами, принося афганскому народу боль и страдания. И потому...

Лейтенант так увлекся, что не заметил, как еще в самом начале его выступления замполит что-то тихо шепнул Халимову, и тот стал озвучивать совсем не то, что говорил его взводный. Но мужчины опять же одобрительно кивали, внимая словам переводчика. В общем, выпили за то, чтобы впредь не чинить зла друг другу.

Когда наконец застолье завершилось, все вышли на улицу. Там офицеры тепло простились с хадовцами и их гостями. Потом комбат с замполитом сели в “уазик”.

— Держись за нами, Лошков, не отставай! — крикнул Бабич, и машины тронулись.

Лейтенант сидел сверху на броне БРДМа. Рядом в люке маячил Халимов. Лошков машинально обернулся назад. Бачата и их отцы стояли посреди дороги, провожая взглядом машины.

— Стой, Мышкин! Давай назад! — скомандовал Лошков. — Семь бед — один ответ. Заднюю включай, я тебе говорю!

БРДМ, качнувшись, покатил обратно. Афганцы, приветливо улыбаясь, смотрели на лейтенанта.

— А ну в машину все! Быстро! Нам по пути, — крикнул им Лошков и протянул навстречу старикам руку. — Халимов, переводи!

* Товарищ (афг.).

Встреча для вас**Евгений
МАТВЕЕВ:** **"Жизнь меня
никогда не баловала"**

Петр Проскурин рассказывал автору сих строк, как он спорил с режиссером Евгением Матвеевым по поводу экранной судьбы главного героя Захара Дерюгина. Писателю хотелось, чтобы это был молодой человек лет до тридцати. А Матвеев никому не желал отдавать роль и, в конце концов, сыграл ее.

Впоследствии фильм "Судьба" я уже смотрел как бы через призму достаточно веских аргументов Петра Лукича и был уверен: дал маху Евгений Семенович. Не подходит ему герой по возрасту, как нельзя было по той же причине С.Бондарчуку играть в свое время Пьера Безухова.

Так получилось, что ОРТ практически подряд показало "Войну и мир" и "Судьбу". В том и другом случае я оказался не прав, ибо судил кинопроизведения с позиций сиюминутности, а Бондарчук и Матвеев смотрели как бы сквозь годы и десятилетия. Сегодня трудно представить, чтобы какой-то другой актер воссоздал на экране такую запредельную социально-общественную степень накала страстей главного героя Захара Дерюгина, что было заложено в романе и что недооценил даже сам его автор.

Или, скажем, можно ли вообразить кого-то иного в образе Нагульнова, в ролях главных героев фильмов "Я — Шаповалов Т.П.", "Родная кровь", "Воскресение", "Любовь земная", "Емельян Пугачев", "Почтовый роман", "Особо важное задание"?

То есть представить-то как раз можно, но... ни в одной из перечисленных картин. Ибо без Матвеева то были бы уже совершенно другие фильмы. Потому что он в каждого героя не

просто душу вкладывал, а разрывал ее в клочья — такое не многим доступно. Скажу даже больше: на столь высоком градусе эмоций никто из ныне здравствующих актеров, пожалуй, уже и не работает. Хотя как человек, давно знающий Евгения Семеновича, кое в чем ему обязанный и просто влюбленный в него, пристрастности здесь не исключаю. И далеко не я один такой особенный. Если бы перечислить кинематографистов, которым в разное время Матвеев помог в решении бытовых вопросов (звания, квартиры, дачи, заработная плата), то на список ушло бы все отведенное для интервью место. А еще как депутат Верховного Совета РСФСР он помогал сотням своих избирателей. Между тем сам за десять лет секретарства в кино не воспользовался ни путевкой на курорт, ни поездкой за границу, ни другими немалыми благами мощного по тем временам цехового союза.

Тут самое время кое-кому ловить меня за язык или за руку и обвинять как бы в обелении облика артиста и режиссера, который во времена застоя ангелом не был — наоборот, соловьем воспевал тоталитаризм и даже сыграл в кино дряхлеющего генсека. В силу этого обстоятельства противников творчества Матвеева достаточно. Особенно сплоченно, если не агрессивно по отношению к моему герою они проявляли себя в пик так называемой перестройки и гласности. Ну так им могу сказать: спокойно, граждане, я все вопросы освещу сполна.

— **Евгений Семенович, понимаю, что удовольствия вам от этой цитаты мало, но для многих читате-**

лей она, наверняка, окажется неожиданной. “Куда девались те времена, когда наш Генеральный секретарь становился трижды Героем Советского Союза и получал орден “Победа” за то, что его подвиги в фильме прекрасно изобразил актер, которому за это исполнение дали звание Героя Социалистического Труда?”

— Да, именно такую патетическую тираду произнес летом 1989 года неизвестный критик Юрий Карякин. Оно, конечно, было лестно за “прекрасно изобразил”, но остальное я не мог не парировать короткой запиской: “Поверьте, я бы не унизился до ответа на вашу клевету в мой адрес, но письма и звонки моих избирателей и зрителей вынуждают меня сказать вам: строить красноречие на лжи беззастенчиво. Е.Матвеев — не Герой”.

— А и в самом деле, почему вы взялись за роль Брежнева? Как это получилось?

— О, это целая история. Но схематично она выглядела следующим образом. В фильме Юрия Озерова должны были появиться молодые Живков, Чаушеску, Хоннекер, Кадар и Брежнев. Меня на роль последнего утвердили в самых высоких партийных верхах и как бы поставили перед фактом. Сказать, что я начал кочевряжиться или капризничать, было бы преувеличением. Но генеральному директору “Мосфильма” Николаю Сизову тем не менее напрямик изложил свои сомнения:

— Нельзя мне эту роль играть. Я ростом, извините, длиннее и возрастом постарше прототипа.

Николай Трофимович, зная мой далеко не ангельский характер, сразу же подключил к делу председателя Госкино СССР Филиппа Ермаша, и они вдвоем укротили мою строптивость: решение принято секретариатом ЦК, а ты — народный артист СССР. Все!

Конечно, я включился в работу. Как будто в те времена у меня были варианты! В отсутствие хозяина побывал в кабинете Брежнева (с ним лично, кстати, никогда не общался), беседовал с его помощником Самотейкиным, с ветеранами 18-й армии. Для себя решил следующее: в тот военный период своей деятельности Леонид Ильич вряд ли предполагал видеть себя на столь высоких государственных и партийных постах. А значит, был и чище, и про-

ще: не окружал себя подхалимами, не впадал в самолюбование. Такого и играть буду! Такого и покажу в эпизоде, который в сценарии был кратко обозначен: “Совещание политработников перед наступлением”.

Смотрелось это так. Генерал вынул из кармана лист бумаги. Можно было подумать: речь толкать начнет. А он прочел неотправленное письмо убитого старшины, где тот просил жену воспитать сыновей, если с ним что-нибудь случится, патриотами. Проглатывая комки в горле, Брежнев говорит после чтения: “Завтра будет тяжелый бой! Все, товарищи, совещание закончено!”

Не знаю, кому как, а мне кажется, в этой сцене мой персонаж был человечным. Такого я бы и еще раз сыграл, появившись толковая литературная первооснова. Я прежде всего артист. А плоских, бесцветных людей не бы-
вает.

— Ну, тут есть предмет для спора, однако если мы в него углубимся, то рискуем оставить читателей без ваших мыслей и откровений, которые всегда отличали вас, даже в самые трудные периоды жизни. Согласитесь, что в этом смысле я, как минимум, не лыщу вам.

— Что правда, то правда: жизнь меня никогда не баловала, но я и никогда не плыл по течению безвольно. Как и почти все мои герои, я ошибался, падал, бывало, в кровь разбивал лицо, но никогда не скулил под давлением обстоятельств, а поднимался и шел вперед.

Вот, смотри, даже на свет Божий появился от невенчанного отца с матерью, простых, бедных крестьян. Немногие сейчас знают, каково жилось тем, кто не вписывался в те патриархальные условия. А я все преодолел и в люди выбился. Правда, на счастье мое, люди на жизненных роستانях попадались неординарные. Еще в 1939 году меня заметил в областном драмтеатре народный артист Николай Черкасов. В школе при Киевской киностудии меня учил Александр Довженко.

— Так он и педагогом был?

— Блестящим, неподражаемым. Недавно, почитав его дневники, убедился, что этот уникальный художник обладал еще и мудрым провидческим даром. О многих искривлениях в жизни нашего социалистического общества и о том, к чему они могут привести, Александр Петрович рассуж-

дал более полувека назад. Жаль, что огромный потенциал этого творца так и не раскрылся во всей полноте.

— Надо полагать, и вам школу закончить не удалось?

— Не удалось. Началась война, меня призвали в Тюменское пехотное училище, которое по ускоренной программе готовило офицеров для фронта. Уволился из армии в 1946 году. Женился, дочь родилась. Нужно было их обеспечивать. Пошел трудиться в Тюменский драматический театр. Вкалывал так, что коллеги удивлялись. По три часа в сутки спал. В таком же режиме и в новосибирском театре работал. Вот почему меня заметили и в Малый театр пригласили. С таким понятием, как блат, протекция, я не сталкивался.

— Но не станете же вы отрицать, что были красивым, статным мужчиной, которому, безусловно, симпатизировала прекрасная театральная половина, и это обстоятельство являлось как бы дополнительным фактором в вашем продвижении по актерской стезе?

— Дорогой мой, конечно, гадким утенком я не был, приbedняться не стану, только в Малый никогда и никого не брали лишь по внешним данным. Без таланта даже в прихожую этого храма искусства и по сей день нельзя попасть. Однако и здесь меня подстерегали большие трудности. Тогдашнее руководство творческого коллектива категорически не приветствовало всякие отвлечения артистов на другие работы. Считалось, что это негативно сказывается на служении Мельпомене. А мне как раз начали поступать предложения, одно заманчивее другого: ученый Андрей Лобанов из "Искателей" Даниила Гранина, Нагульнов из "Поднятой целины" Михаила Шолохова. И я чувствовал, что мне под силу справиться с этими ролями без ущерба для основной работы, однако руководство придерживалось иного мнения. После того, как меня утвердили на роль Нехлюдова из "Воскресения" по Льву Толстому, пришлось с театром расстаться.

Это я сейчас так спокойно говорю, а тогда воспринимал свой уход как крушение жизни. Сцена ведь была моей религией, как была религией и партия. Но, повторяю, жизнь то и дело испытывала меня на прочность. Снимаясь в "Поднятой целине", я упал с лошади, да так сильно зашибся, что травма на несколько месяцев

приковала меня к постели. Спустя некоторое время на одном из стадионов свалился с тачанки и стал инвалидом в полном смысле этого слова. Два с половиной года пролежал практически без движения. Врачи в один голос утверждали: все, Евгений Семенович, об актерской карьере даже и не мечтайте. И я еще в больнице решил заняться режиссурой. Ничтоже сумняшеся, полагаю, что это легче, чем актерская работа. Святая простота! На мои плечи легла такая запредельная по тяжести ноша, что думал — не сдую. Тем более что к съемкам "Цыгана" на родной Киевской киностудии приступил, находясь еще в гипсе. Однако все со временем образовалось, и фильм мы сделали.

— Ничего себе "образовалось"! По моим данным, "Цыгана" посмотрело около 60 миллионов человек, а даже "Интердевочка" дотянула лишь до половины этой гигантской цифры. Откровенно: вы такой успех предполагали, и если да, то в чем, на ваш взгляд, его секрет?

— Честно говоря, о подобном рекорде не думал, хотя уверенность в том, что зритель моего цыгана примет, была. Прежде всего потому, что я сам влюбился в эту замечательную повесть. Возникло ощущение какого-то творческого восторга, неумемная жажда работы. Это все трудно передать словами, но когда я по-настоящему зажигаюсь каким-то серьезным произведением искусства, то и зрителю это передается, как правило. Люди же не дураки: прекрасно понимают, какая вещь сделана ремесленником с холодным сердцем и трезвым расчетом, а где художник, что называется, творческие жилы рвет. Я только так работаю.

И потом, не забывай, что "Цыган" — мелодрама. Это едва ли не самый трудный, но и самый действенный жанр искусства. Он, если хочешь, — о частной жизни людей: о их радостях и горестях, о надеждах и неудачах, о любви и ненависти, о добре и зле. И, как правило, без всякой политики, будь она неладна. Сколько посредством этой самой мелодрамы можно людям добра нести!

Возьми, к примеру, какую-нибудь нынешнюю телевизионную "Замарашку" или "Марию". Их даже посредственными назвать трудно, а люди прилипают к экрану. Почему? А потому что там нет грубого насилия, кро-

ви нет, порнухи, сексухи — всего того, что так вожаделенно сейчас смакуют всякого рода конъюнктуришки. Там есть благородное отношение мужчины к женщине, детей к родителям. И народ к этим простым, но извечным истинам как бы подсознательно тянется.

Доброта в людях генетически заложена. Я эту истину, кстати, на себе ощутил в полной мере. Сегодня ко мне люди гораздо душевнее и сердечнее относятся, нежели тогда, когда мои фильмы шли как всеобщие премьеры (к слову, без малейших к тому усилий с моей стороны). Наверное, поэт прав: "Лицом к лицу — лица не увидать". А то, что сегодня показали мою "Судьбу" в "Золотой серии" — это же замечательный факт. Все это дорогого стоит. Все это вдохновляет меня не сказано. Я чувствую свою нужность. Появляюсь на сцене, и меня словно обдаёт огнем аплодисментов. Свет людских глаз, направленных в мою сторону, сегодня гораздо ярче, чем в прошлые времена, хотя на прием мне грех было жаловаться. А как зритель принял мой новый фильм "Любить по-русски" — это даже словами тебе передать не могу! Даже на кассеты его тут же записали, чего я никак не ожидал.

Причем речь здесь надо вести не только о моей конкретной творческой судьбе. Тут надо говорить о всем моем поколении. Люди видят, что таких, как я, или оттеснили, или они ушли по собственной воле. Но почему — этого им не понять. Мы что, плохо работали? Да нет же. Меня лично можно упрекнуть в чем угодно, но в халтуре — никогда.

Далеко ведь не случайно редакции телеканалов завалены письмами: дайте наши фильмы! Пусть будут старые, но наши. При этом люди же в большинстве своем прекрасно понимают, что то были во многом наивные картины, в которых порой даже не правда сказана, а лишь ее намеки даны, но всегда во благо, всегда с надеждой, всегда по-доброму. И ради крупиц этой доброты мы же наизнанку выворачивались в жестоких тисках тогдашней идеологии. Нельзя все это перечеркивать, выбрасывать на свалку только потому, что пришли времена вседозволенности.

— Евгений Семенович, вот вы упомянули о партии, в которую вступили, если не ошибаюсь, в 1946 году, и честно ей служили.

Вам не кажется, что она вас, впрочем, как и всех нас, предала?

— Это очень для меня сложный мировоззренческий вопрос, и вряд ли мы с тобой сможем во всех сложностях разобраться. Могу совершенно искренне признаться лишь в следующем. Я вступил в партию по глубокому убеждению, совершенно не связывая этот шаг с меркантильными, тем более карьерными соображениями, будучи еще офицером. В заявлении написал, что полностью принимаю Устав, обязуюсь выполнять все решения партии. И это были не просто слова — клятва как присяга для офицера. И всю жизнь я следовал этим святым для меня обязательствам. Даже если что-то в партийных постановлениях и решениях вызывало во мне не то что неприятие, а непонимание, то я сознательно гнал от себя всякие сомнения, потому что, повторяю, свято верил в партию. Она призывала на БАМ — и я там шесть раз побывал. До этого звала на целину — четыре раза туда съездил, когда еще кроме вагончиков и непроходимой грязи там ничего не было. Медаль имею за целину. Ну и так далее, можно долго вспоминать. Сегодня все это даже не доблесть, а как бы грех какой. Мне трудно воспринять такую перестройку.

Поэтому, полагаю, не партия меня предала, а те люди, которые действовали от ее имени. Но Бог им судья. Я не хочу в душе держать мстительную тяжесть. Сколько еще мне Богом отпущено — хочу нести людям добро. А мудрое время само расставит акценты: кто прав, кто виноват. Я никого винить не хочу. Сейчас я создал партию ЖПСС — живи по собственной совести. Плачу туда взносы и на них гуляю. Шутка, конечно, но ведь в каждой шутке есть доля правды. Нет, тут все очень и очень сложно, пойми...

— Лет пятнадцать назад, беседуя с замечательной актрисой Вией Артмане, я с молодежеской хамоватостью неопытного журналиста спросил ее примерно так: а не было ли у вас романа с Матвеевым? До сих пор с чувством стыда и неловкости вспоминаю, как Вия Фрицевна деликатно, но очень жестко поставила меня на место. И тем не менее Евгений Семенович, беседа с вами, нельзя не затронуть темы "Матвеев и женщины на экране" — меня же читатели просто не поймут.

Ведь с вами в разное время работали Ольга Остроумова, Людмила Хитяева, Лариса Удовиченко, Зинаида Кириенко, Людмила Гурченко, Жанна Прохоренко, Валерия Заклунная, та же Артмане. Не знаю, есть ли еще лучшие красавицы в стране. И что, никогда никакого греха ни с кем из них не было?

— Слушай, я же мужчина. Даже если бы что и было — ведь под артиллерийскими стволами никогда бы не признался. Разговоры на такие темы — с кем-нибудь другим, но не со мною.

Хотя был случай: я влюбился. Ходил сам не свой. Жена Лида сказала: что ж ты сам мучаешься и нас мучаешь. Определись. Утром просыпаюсь, а на столе — гора чистого белья. Не хочу, говорит, чтобы ты в грязном из дому уходил. Я и ушел, но не к той, по которой вздыхал, — к другу. Пожил у него неделю и домой вернулся, хотя Лида мне сказала: год тебя будем ждать. И все. С тех пор мы живем с Лидией Алексеевной душа в душу. Двое детей, трое внуков имеем. Вот это и есть любовь по-русски.

Теперь о другом скажу тебе с великим удовольствием. Я просто счастливый человек, которому повезло работать с такими блистательными актрисами, подлинными звездами отечественного экрана. Каждая из них потенциально и мировая звезда, только, увы, в прежние времена о таком нельзя было и подумать.

Сегодня некоторым из них ох и не просто. Народ их жаждет видеть на экране, а производство фильмов катастрофически сократилось. Вот и остаются невостребованными. Беда, если не трагедия. А в пошлятине такие мастера сниматься не хотят. У меня сердце кровью обливается: ну нельзя допускать, чтобы наши отечественные бриллианты помутнели! Снимаю перед ними шапку, до земли кланяюсь.

— Бесспорный факт, что вашу последнюю картину "Любить по-русски" народ полюбил. Продолжение будет?

— Обязательно. Всех секретов раскрывать не стану, но рабочее название второй части картины "Женская защита" говорит само за себя. Моим героям не станет легче, чем в первой части, однако они останутся стойкими и мужественными, будут отстаивать свое святое право жить и сози-

дать на родной земле, любить, бороться за свое человеческое достоинство.

Я своими фильмами напоминаю: давайте поможем себе сами, давайте возьмемся за руки, сплотимся, прикроем друг друга в беде, мы, люди России. В нашем менталитете заложены сострадание, взаимопомощь, тяга к общению, к тому, что называется "поплакаться в жилетку". У нас свой национальный характер, который в былые времена достаточно объективно отражал национальный кинематограф. Да, Старая площадь, идеологический пресс цензуры сильно его деформировали. Однако ведь было и блистательное, всем миром признанное кино. Нам надо возвращаться к его истокам, к его нетленным приобретениям. Я это делаю в меру отпущенных мне сил и способностей.

— Вы прекрасно выглядите, Евгений Семенович, и в связи с этим — на сколько лет себя ощущаете?

— Лет на сорок девять примерно. Но если быть честным: в Анапе однажды меня увидела, надо полагать, моя поклонница и, ничтоже сумняшеся, выпалила: "Боже ж ты мой! Что я детям скажу? Видела живого Матвеева, а он — старый и поганый!"

Актриса Лидия Смирнова воскликнула: "Кошмар!" А я другого мнения относительно этого эпизода. Знать, сердечно и душевно относится ко мне эта простая женщина, коли ее так взволновал вид мой.

— Ваш любимый напиток.

— Пиво.

— Но и от ста граммов не откажетесь?

— Не откажусь.

— Душевной вам крепости и здоровья.

— Спасибо. Всем читателям того же желаю.

**Беседу вел
полковник М. ЗАХАРЧУК.**

Уголок фалериста**Во славу флота
российского**

Император Александр I, как и его бабка Екатерина II, да и отец Павел I, уделял большое внимание развитию и укреплению русского военно-морского флота. Славные победы над врагом, дальние походы, кругосветные путешествия, великие географические открытия отмечают боевой путь русских моряков той эпохи.

26 июля 1803 года из Кронштадта отправились в первое в истории русского мореходства плавание вокруг света шлюпы "Надежда" и "Нева", которыми командовали капитан-лейтенанты И.Крузенштерн и Ю.Лисянский. Целью плавания являлась доставка грузов Российско-американской компании, установление торговых отношений с Китаем и Японией, а также проведение научных исследований в Тихом океане. 3 года и 12 дней продолжалось это первое кругосветное плавание, и наградой унтер-офицерам и матросам "Надежды" и "Невы" явилась учрежденная 15 августа 1815 года серебряная медаль оригинальной формы. На лицевой стороне ее чеканился портрет Александра I, на обратной — изображение военного парусного корабля и надпись "За путешествие кругом света". Носилась медаль на Андреевской ленте, и выдано их было около 80.

Особое место в истории русского флота и географической науки занимает плавание, совершенное в 1818-1821 гг. шлюпами "Восток" и "Мирный" под командованием капитана 2 ранга Ф.Беллинсгаузена и лейтенанта М.Лазарева, результатом которого явилось открытие Антарктиды и описание острова Петра I и Земли Александра I. Наградой для всех членов этой экспедиции явились серебряные и бронзовые медали "Шлюпы "Восток" и "Мирный". Лента к ним неизвестна (видимо, они предназначались не для ношения), было выдано 100 серебряных и 300 бронзовых медалей.

К сожалению, не получило широкого освещения в нашей истории плавание шлюпов "Открытие" и "Благонамеренный" под командованием капитан-лейтенантов М.Васильева и Г.Шишмарева (т.н. "северная дивизия"). "Северной дивизии" ставилась задача из Тихого океана через Берингов пролив идти на nord и вдоль

«За путешествие кругом света»

«Шлюпы «Открытие»
и «Благонамеренный»

«Шлюпы «Восток» и «Мирный»

берегов Северной Америки искать путь в Атлантику. Выйдя из Кронштадта в 1819 году, "Открытие" и "Благонамеренный" дважды (1820 и 1821 гг.) проникали в Чукотское море, доходили до 166-го градуса западной долготы, но льды и цинга не пустили их дальше на запад. Пришлось отступить, экспедиция, сделав съемку северо-западного побережья Америки и совершив кругосветное путешествие, возвратилась в Кронштадт. В честь "северной дивизии" также были учреждены медали "Шлюпы "Открытие" и "Благонамеренный" для награждения всех членов экспедиции. Выдано 100 серебряных и 300 бронзовых медалей. Так же как и в предыдущем случае, видимо, они не предназначались для ношения.

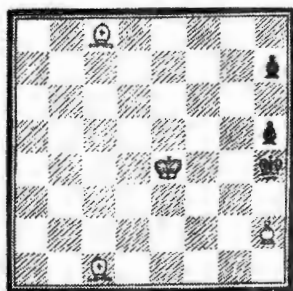
О.ДУНАЕВ.

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

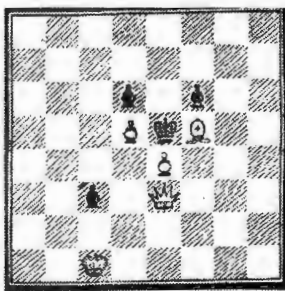
ПЯТЬ МИНУТ НА ДИАГРАММУ

N 26

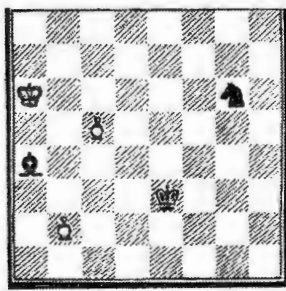
Мат в 3 хода

N 27

Мат в 4 хода

N 28

Ничья

Первые две задачи составлены в классическом, художественном стиле, решения эмоциональны, предлагаем решить. В финале этюда № 28 возникает изумительная по красоте позиция:

1. b4 Kpd4 2. b5! Kp:c5 3. b6 Ke7 4. b7 Kc6 5. b8Ф!! K:b8+ 6. Кра5!! и ничья при любом ходе черных. Подобные окончания называют позиционным патом.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№ 29. Кре7, Cf3, п. e2 /3/ — Kpb6, Лh8, Cd7, п. c7/4/, кооперативный мат в 4 хода.

№ 30. Kpb1, Ла1, Cd4 /3/ — Kpb5, п. b7 /2/, кооперативный мат в 3 хода. В этой задаче два решения с эхо-матами.

Съезд РШФ

18 апреля с.г. в Москве состоялся съезд Российской шахматной федерации. На съезде присутствовало 107 делегатов, представляющих 80% региональных федераций России. Заслушав и обсудив доклад президента РШФ А. Макарова, съезд признал работу федерации удовлетворительной.

Принят ряд важных решений: по усилению работы с детьми, повышению внимания к ветеранам шахмат, улучшению работы шахматных клубов, возобновлению всероссийских конкурсов решений задач и этюдов, улучшению судейства, подготовке арбитров и др.

Президентом РШФ избран Андрей Владимирович Селиванов, депутат Госдумы с 1993 года, повторно избранный в Думу в 1995 году. Новому президенту 30 лет, имеет высшее юридическое образование, он международный мастер по шахматной композиции. Служил в армии, воинское звание — сержант. А. Макаров ушел с поста президента добровольно.

ЧЕМПИОНАТ МИРА

Согласно сообщению президента ФИДЕ К. Илюмжинова, очередной чемпионат мира пройдет в декабре этого года в Элисте. На нем запланировано сыграть 8 раундов. Первые 6 — это матчи из двух партий (проигравшие выбывают из дальнейшей игры), седьмой раунд — матч из 4 партий, восьмой — из 6 или 8 партий.

В 1-м раунде играют 68 участников, во 2-м — 62 (34 победителя и 28 гроссмейстеров с высшими рейтингами), в 3-м — 32 (31 победитель и Г. Камский), в 4-м — 16 победителей, в 5-м — 8, в 6-м — 4. 7-й раунд — полуфинал, в нем играют 2 победителя, А. Карпов и Г. Каспаров. 8-й раунд финальный. Призовой фонд чемпионата 5 млн. долларов, из них 1370 тыс. долларов получит чемпион мира.

Итак, в борьбе за шахматную корону примут участие 99 сильнейших шахматистов. Более демократичного проведения чемпионата мира трудно придумать.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, 1997, N 6)

№23. Kpf5, Ce8, Ke2, п. g2 /4/ — Kph4, п. h6 /2/, мат в 4 хода. **1. Ch5!! Kp:h5 2. Kg3+ Kph4 3. Kpf4 h5 4. Kf5 X!** Просто и красиво!

№ 24. Kph1, Cf1, Cg3, Kb2, п. f2 /5/ — Кре4, пп. f3, g5 /3/, кооперативный мат в 3 хода. Решение при ходе белых: **1... Kd3 2. Kpf5 Kf4 3. Kpg4 Ch3 X!** Решение при ходе черных: **1. g4 Ce2! 2. fe Kc4 3. Kpf3 Kd2 X!**

№25. Кре1, Фе4, Ca4, Kc2, Kf1 /5/ — Kpc4, Cd4, пп. c3, c5, e3, g4 /6/, обратный мат в 4 хода. **1. Kg3! e2 2. Kh1 g3 3. Фе6+ Kpd3 4. Kf2+! C:f2/gfX!**

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Давно это было. Я, тогда еще школьник-старшеклассник, решил опробовать подаренный на день рождения на день рождения спиннинг. До этого не доводилось пользоваться такой мудреной снастью отчасти оттого, что я заядлый поплавочник. К тому же в округе не было водоемов, в которых водились хищники. А тут подвернулся случай: пригласил меня на выходные в гости школьный товарищ Миша Бойко. Семёновка его, что на Саратовщине, уютно расположилась на берегу Карамана. Конечно, уговорил друга сходить на рыбалку. Тогда-то и увидел, как местные на "железку" спиннингами ловили щук.

Короче, в следующий выходной, открутив педалями на велосипеде от Мокроуса, где учился, более пятнадцати километров, я был на Карамане. В течение нескольких часов усердно хлестал воду самими разными блеснами, в том числе и подаренными местными рыбаками самоделками. Ни-ни. Менял скорость проводки, рискуя зацепиться за подводные коряги, пускал "железку" под обрез тростника. Все впустую.

Пора было возвращаться — путь-то обратный не близкий. Зацепив тройник блесны "шторлек" за пробковую ручку спиннинга, направился к плотине, отделяющей рукав от реки. Здесь в кустарнике у меня был спрятан велосипед. Трудно сказать, что заставило меня сделать еще заброс на бочаге перед земляной насыпью. Скорее всего упрямая надежда хотя бы почувствовать поклевку. Пусть сорвется ры-

ба, но чтобы был удар. Медленно кручу катушку. Блесна от этого идет у самого дна, изредка даже задевая его. Но что это? Блесна остановилась. Глухой зацеп? Грубо, надеясь на прочность лески, налегаю на катушку. Но она срывается и больно бьет рукоятками по пальцам. Выбираю слабинку, пытаюсь сорвать тройник с подводной преграды. Мне уже не жалко блесны — тяну что есть мочи. Пру-ж и н и т полу-

Ни чешуи, ни хвоста
ДЕБЪЮТ!

почти никакого сопротивления. Неужели сошла добыча? И тут произошло то, что заставило забыть обо всех теоретических советах бывалых рыбаков. У берега я увидел щуку как черное бревно, метровое, не меньше. Плохо соображая, что делаю, перехватил леску, намотал ее на ладонь и, пятясь, потащил трофей на себя. Так, словно на буксире, и выволок его на берег. Подбежал, а щука извивается, пасть зубастую разинула, в родную стихию сиганула норovit. Попробуй схвати. Снова взялся за леску и оттащил улов подальше от берега. Стою, от волнения не знаю, что делать. Не заметил, как подскакал на коне чабан — он пас стадо неподалеку, и, по видимому, его внимание привлекло мое необычное поведение.

Вместе с благожелательным казахским парнем мы сначала отцепили блесну, затем отыскали кусок толстой алюминиевой проволоки и надежно привязали щуку к багажнику велосипеда — в рюкзак рыбина не влезала.

Пока возвращался домой, раз десять меня останавливали водители проезжавших автомашин, вновь и вновь приходилось рассказывать, как изловил такую громадину. Дома измерил и взвесил щуку: около метра длина и вес более восьми килограммов.

Много впоследствии еще доводилось ловить хищников на спиннинг. Было среди моих трофеев немало достойных экземпляров. Но та, первая щука запомнилась на всю жизнь, больших размеров пока не поймал.

**Полковник
В. АФАНАСЬЕВ.**

миллиметровая жилка. Вновь катушка резко раскручивается, обжигая болью пальцы. И тут я замечаю — леска медленно уходит в сторону! Еще не веря до конца догадке, хватаюсь за катушку, чтобы удержать ее обратный ход. Удилище словно дуга лука. Это, видимо, и спасает снасть от обрыва. Минут десять так сдерживал рывки рыбы — что это рыба, сомнений уже не оставалось. Улавливая моменты, когда сопротивление хищника хоть немного ослабевало, подматывал леску. И уже не отпускал ни на метр.

Вот удилище внезапно начало распрямляться. Торопливо кручу катушку —

Рассказы у костра

НЕУДАЧЛИВЫЕ БОРЦЫ

Никифор позвонил мне домой среди недели:

— Что-то ты, Николаич, давненько не кажешься. А уже вторая неделя, как начался перелет, — и спел в телефонную трубку фальцетом: — Ле-тят утки, ле-тят утки...

...Томительно тянутся часы засидки на арнасайских разливах. Шелестят метелки тростников, лижет гальку прибрежная волна да вскрикивает случайно в куге куличок, напуганный лисицей или диким котом-сабанчой. И опять тишина...

Хотя и клонит неумолимо ко сну, охотнику спать негоже. Надо рассчитать и не пропустить направление полета легких чирков и громоздких крякв. Нетерпеливо поглядываю на часы. До желанного расцвета не близко. И тут Никифор хватает меня за рукав. Жарко шепчет в самое ухо: "Смотри!" — и показывает рукой на далекую отмель возле камышей.

Отмель залита щедрым лунным светом. И по ближайшей к нам ее кромке брызги, какие-то тяжелые удары — то ли крыльев, то ли хвоста. Сразу и не разберешь. Только что-то серебристо поблескивает там, вдали...

— Лысухи? — неуверенно предполагаю я.

— Не похоже, — не соглашается Никифор.

Между тем возня на отмели не стихает. Забыв про уток, мы свои взоры переключили туда. Было такое впечатление, что возле закрайка осоки и камышей кто-то гоняется по воде друг за другом. Хищники... Но какие?

Уже рассвет просачивался над Нуратинскими горами, а таинственный поединок все продолжался. И пара табунов уток успела взлететь справа, на расстоянии выстрела. И тогда Никифор решил:

— Шут с ними, с утками! Подождут... Пойдем посмотрим, что там. Может,

— Хорошо, что я купил болотные сапоги.

арнасайское Несси?!

Оставили скрадок из длинных прутьев тала и айда в сторону отмели. Не доходя до места шагов десять, мы как по команде замерли. Какой-то внутренний испуг (и такое случается на охоте!) сменился вдруг... удивлением.

На отмели лежали две крупные рыбины. Сом килограммов на двенадцать и судак чуть меньше. Причем второй усагом арнасайским богатырем был заглотан почти наполовину. Оба не подавали признаков жизни.

— Вот так Нес-си! — удивленно протянул я.

Мы вытащили озерных борцов-неудачников на сушу, с трудом растащили. Положили рыб в рюкзаки. Судака — в мой. А сома, еще живого, в Никифоров. "Победитель" оказался таким огромным, что хвост его торчал над головой егеря и слегка подрагивал.

С громким хлопанием крыльев где-то далеко из крепей вылетали кряквы.

— Побережем дробь до следующей субботы, — подмигнул мне Никифор и запел, как тогда в телефонную трубку: — Ле-тят утки, ле-тят утки...

Дома жена Никифора приготовила отличного заливного судака, а из сома испекла пирог. Такой вкусный, что я его до сих пор помню...

Н. КРАСИЛЬНИКОВ.

Пернатые

ПЕРО ХУДОЖНИКА

За окном лето. А я мечтаю о весенней охоте на вальдшнепа.

Вальдшнепы — лесные кулики — прилетают с юга, когда в лесу появляются первые проталины. И всегда внезапно. Их с нетерпением ждут. Особенно городские охотники. В апреле они при встречах вместо обычных приветствий спрашивают:

— Потянул?...

Но вот кому-то из счастливых сквозь пение дроз-

дов и зябликов вечером в лесу удалось услышать хорканье, увидеть над мелководьем знакомый силуэт птицы. На другой день об этом становится известно всей округе. Во внешнем виде этой птицы, кажется, нет ничего яркого, броского, у нее крупные, цвета спелой вишни глаза, великолепный, похожий на маленькую шпагу нос, плотное, словно вырезанное из дуба, туловище, длинные ноги. Оперение лесного ку-

лика коричневое, с рыжиной. Но приглядишься — в каждом пере целая гамма красок. Здесь и цвет полыхающей зари, и чернота апрельской ночи, и мраморный блеск воды лесного озера. Сколько ни пытался художники, ни одному не удалось передать эту красоту. Видно, нелегко человеку найти такие краски! Да и кисти тоже.

В народе говорят, что вальдшнепа можно нарисовать только его собственным пером. На каждом крыле у него есть одно такое, и называется оно перо художника.

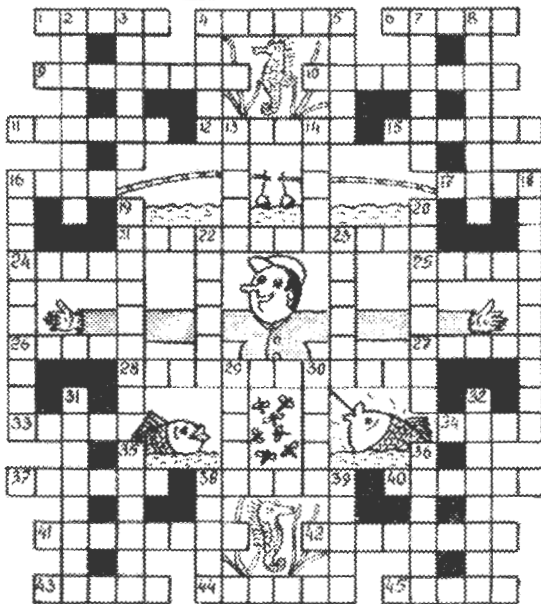
В. КИСЕЛЕВ.

По горизонтали:

1. Рыба, мигрирующая для нереста из рек в море. 4. Промысловая рыба семейства карповых, распространена в водоемах Европейской части России. 6. Рыба семейства анчоусов, водится в Черном и Азовском морях, важный объект промысла. 9. Запах некоторых масел, используемый рыболовами как... 10. Приспособление для удержания крючка с насадкой на нужной глубине и подачи сигнала о поклевке. 11. Донные морские рыбы Средиземного и Черного морей, излюбленная поза которых — стояние на хвосте. 12. Карликовый вид акулы, способной к самопроизвольному свечению. 15. Промысловая рыба семейства карповых, сабля-рыба. 16. Река в Новгородской области, где сом ведет оседлый образ жизни. 17. Пища рыб. 21. Семейство рыб, обитающих в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах. 24. Крупная форма ряпушки. 25. Рыба семейства лососей, водится в озерах Скандинавии и северной части России. 26. Крупная средиземноморская рыба с выставленными вперед, как рога, плавниками. 27. Машина для буксирования прицепов. 28. База Московского общества охотников и рыболовов на Можайском водохранилище. 33. Река на Дальнем Востоке, где распространен таймень. 34. Приспособление, имитирующее звуки для ловли сома. 37. Стайная хищная рыба, обитает в Черном и Азовском морях. 38. Небольшая красиво раскрашенная рыба отряда окунеобразных. 40. Промысловая рыба семейства корюшек, мелкая озерная, питается планктоном. 41. Рыболовная снасть. 42. Рыба отряда окунеобразных, у которой на нижней губе имеются два усика для поиска в иле пищи. 43. Скот с шириной диска до 2 метров; вытасенный из воды, издает громкий звук, напоминающий лай. 44. Летний месяц, самый подходящий для ловли плотвы, судака, угря. 45. Река в Пермской области, правый приток реки Чусовой.

По вертикали:

2. Рыба отряда хищнообразных с сильно вытянутым заостренным носом. 3. Рыба с узким и длинным (до 9 м) телом, обитает в теплых водах на глубине до 500 метров. 4. Промысловая рыба семейства гресковых, распространена в Баренцевом

КРОССВОРД**ЛОВИСЬ РЫБКА БОЛЬШАЯ И МАЛЕНЬКАЯ**

море. 5. Сельдевая рыба с сильно сжатыми боками, водится в Средиземном, Черном и Каспийском морях. 7. Мелкая угревидная рыбка, обитает в соленых водах Австралии и Тасмании. 8. Приспособление к донной удочке, которое реагирует на любую потяжку лески во время ловли рыбы. 13. Рыба с длинным трубковидным рылом, с беззубым ртом и без плавников. 14. Тумба на палубе судна для крепления снастей. 16. Морской представитель слитножаберных, по внешнему виду похожий на угря. 18. Сетка, используемая для ловли мелкой рыбы. 19. Снасть для ловли рыбы в Черном и других морях. 20. Один из типов блесны. 22. Стайная рыба отряда сельдеобразных. 23. Текущая жизнь в ее постоянных, привычных проявлениях. 29. Дальневосточный лосось. 30. Род лососей, обитающих в озере Севан. 31. Некрупная хищная рыба с яркой окраской, съедобная, ловят на крючковые снасти. 32. Лов рыбы с помощью искусственного света. 35. Естественный корм для рыб. 36. Рыба, способная передвигаться по суше, широко распространена в стоячих и слабопроточных водоемах Индии, Цейлона. 38. Отверстие во льду для ловли рыбы. 39. Сильное увлечение, задор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 1. Купон. 4. Ляпис. 7. Авангард. 9. Отборник. 11. Данко. 12. Вертел. 14. Акакий. 15. Балаклава. 16. Нина. 18. Крит. 19. Тверь. 20. Андорра. 22. Принцип. 23. Волок. 25. Квас. 27. Лава. 29. Кавалерия. 31. Чардаш. 32. Янычар. 33. Зенит. 35. Монумент. 36. Тарангас. 37. Жокей. 38. Альяма.

По вертикали: 1. Квадрант. 2. Погреб. 3. Норд. 4. Лото. 5. Плошка. 6. Синекура. 7. Амвон. 8. Дакар. 9. Окалина. 10. Койот. 13. Патронаш. 14. Автономия. 17. Аверс. 18. Креол. 21. Минарет. 22. Патронаж. 24. Камчатка. 25. Кучум. 26. Петит. 28. Абрис. 29. Калмык. 30. Янтарь. 33. Зной. 34. Тара.

Составил **Е. КУЛИКОВ.**

ЗАО Научно-производственная фирма "ВОСТОК-ДИЗАЙН" предлагает:

СДЕЛАТЬ ЗАКАЗ
В НАШЕЙ ФИРМЕ ВЫГОДНО,

ДЁШЕВО И

НАДЁЖНО!

Мы изготовим часы
по вашему заказу
к профессиональному
п р а з д н и к у ,
юбилейным датам
с новой российской
с и м в о л и к о й ,
с символикой округов,
соединений и частей
внутренних войск,
с индивидуальным
д и з а й н о м ,
с изображением
родных, близких
и д р у з е й .

ЗАКАЗНЫЕ ЧАСЫ

Наш адрес: 125299, а/я 977, Москва,
ул. Клары Цеткин, 4/6
Тел./факс: (095)159-5859
Тел.: 459-9127, 459-0606, 459-0604

ЦИФЕРЬЛАТЫ НА ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ

- ПРЕДОСТАВЛЯЕТ УСЛУГИ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ РЕКЛАМЫ В ЖУРНАЛЕ "НА БОЕВОМ ПОСТУ" И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЯХ
- ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ РЕКЛАМНОЙ И СУВЕНИРНОЙ ПРОДУКЦИИ С СИМВОЛИКОЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ
- ОКАЖЕТ ПОМОЩЬ В РАЗРАБОТКЕ ВАШЕЙ СИМВОЛИКИ И ФИРМЕННОГО СТИЛЯ

АДРЕС: Г. МОСКВА, СЫРОМЯТНИЧЕСКИЙ ПРОЕЗД, 8.

ТЕЛЕФОН: (095) 361-87-27, (095) 916-14-64